

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

И. Б. Губанов

**ИСЛАНДСКИЕ РОДОВЫЕ САГИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ.
ИССЛЕДОВАНИЕ, ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ**

Санкт-Петербург
2016

УДК 9(491)
ББК 63.3(0)4-7
Г93

Рецензенты:

старший научный сотрудник МАЭ (Кунсткамеры) РАН
канд. ист. наук Т.А. Шрадер;
главный научный сотрудник ИЛИ РАН
д-р филол. наук профессор Ю.К. Кузьменко;
главный научный консультант
Регионального общественного фонда «Волховская земля» С.Л. Кузьмин

Губанов И. Б.

Г93 Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества Древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы. СПб., 2016. — 230 с. (Kunstkamera Petropolitana).

ISBN 978-5-88431-306-4

В монографии на базе уникального по полноте корпуса источников исландских родовых саг рассматривается структура древнескандинавского общества, анализируются общественные отношения, рассмотрены этноопределяющие элементы материальной культуры эпохи викингов, показана историчность главного культового действия в Скандинавии эпохи викингов — священного пира и эволюция скандинавских типов кораблей в эпоху викингов.

Книга интересна для историков, этнографов, изучающих древнеисландский язык, и всех интересующихся историей и культурой Древней Скандинавии.

УДК 9(491)
ББК 63.3(0)4-7

На обложке: большой рунический камень Харальда Синезубого. Установлен датским королем Харальдом в Еллингe, Дания, около 965 г. Кусок гранита с красными прожилками из Йеллинга хранит изображение символа Харальда Синезубого — льва с могучими когтистыми лапами (пожалуй, даже напоминающими клешни). От фигуры веет мощью, которую не уменьшают ни маленькая изящная голова зверя, ни уши торчком. Кончик хвоста, согласно канонам нового стиля Маммен, украшает большой лист аканта.

ISBN 978-5-88431-306-4

© И. Б. Губанов, 2016
© Оформление серии В. Яковлев, 2016
© МАЭ РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Обзор некоторых крупных работ по социоисторическому саговедению	7
Часть I. ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО РОДОВЫМ САГАМ	
Глава 1. Заселение Исландии в IX — начале X в., архаизм древнеисландского общества, изменения в социальной структуре в XII и XIII вв. и сохранение традиционного характера социальных взаимодействий элиты до середины XIII в.	23
Глава 2. Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам	35
Глава 3. Древнеисландское общество по родовым сагам	50
3.1. Постановка проблемы	50
3.2. Исландские родовые саги как исторический источник	56
3.3. Взаимоотношения годи и их тинговых в микрорегионе Исландии в конце X в. н.э. Покровительство годи, справедливость и закон, борьба за имущество	59
3.4. Долг кровной мести и его определяющие следствия для общественной психологии древних исландцев ...	63
3.5. Судебная тяжба на народном собрании в Исландии ..	65
3.6. Выводы	68

Часть II. ГЛАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СКАНДИНАВИИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ — СВЯЩЕННЫЙ ПИР И КОРАБЛЬ

Глава 1. Об историчности описаний древнескандинавского священного пира в сагах	70
Глава 2. Древнескандинавский корабль ранней эпохи викингов и возникновение специализированных типов кораблей в позднюю эпоху викингов: археологические находки и письменные источники . . .	81
Заключение	95
Библиография	100
Источники	100
Литература	101
Список сокращений	110
Приложение	111
Указатель личных имен героев исландских родовых саг	220
Summary	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность социально-исторического исследования саг объясняется тем, что в саговедении с середины XX в. до недавнего времени был распространен преимущественно филологический подход, а работ в области исторического саговедения и особенно социальной антропологии, базирующихся на исландских родовых сагах, немного. Это связано с традицией исландской классической школы изучения саг, видевшей в них со времен Сигурда Нордаля чисто художественную литературу, сродни роману нового времени. В русле этой традиции считалось зазорным рассматривать сагу как исторический источник даже в малой степени. Лишь в конце XX столетия появились работы, в которых было показано, что носители традиции родовых саг, иначе называемых сагами об исландцах, рассматривали их как исторически достоверные рассказы о деяниях предков.

С точки зрения самих саг в них содержалась именно правда, как отмечал М.И. Стеблин-Каменский. Можно предположить, что историческая информация в сагах зачастую передавалась от очевидцев событий через цепь передатчиков в течение столетий. Пример подобной передачи мы видим в раннесредневековой арабской литературе, которая разбивается на истории, предваряемые списком передатчиков устной информации. Конечно, зачастую в сагах передаются диалоги героев, которые вряд ли кто-либо мог слышать, например когда встречаются наедине противники перед боем и обоим суждено погибнуть в поединке. Но гораздо важнее, чем историческая точность в речах и событиях, стереотипность действий героев саг. Они поступают, как должно или, напротив, как не подобает поступать древним скандинавам в соответствующих ситуациях. Таким образом, исландские родовые саги словно дают современному социальному антропологу почти готовую модель основополагающих социальных отношений

в древнескандинавском обществе. Об этом пишет Ю.А. Клейнер: «Два стереотипа — поведения (героя в данных условиях) и его описания «поэтом», лежащие в основе традиционного этикета, — могут противопоставляться исследователем традиции, но не ее носителем, в сознании которого они составляют неразрывное единство» [Клейнер 2011: 157].

Касающиеся тематики собственно исторического саговедения работы или ставят во главу угла изучение норвежских областных законов (А.Я. Гуревич и др.), или представляют собою лишь некое введение в тему, констатацию некоторых общих вещей, касающихся структуры древнескандинавского общества [Miller 1992; Вауок 2001; Губанов 2004; Short 2010 и др.]. Такой общий, вводный характер неизбежен, если не приводить в большом объеме тексты источников в работе, посвященной историческому анализу, содержащему понимание специфики исландских родовых саг как наследия устной традиции, зафиксированной на переломе эпох. Предлагаемая работа содержит в приложении тексты исландских родовых саг на древнеисландском языке с параллельным переводом и историческим комментарием. Таким образом, она имеет как исследовательскую, так и образовательную цель углубленного изучения материала.

Для понимания общественных отношений в традиционном обществе Скандинавии дофеодальной эпохи корпус исландских родовых саг имеет первостепенное значение. Они представляют собой устно передававшиеся из поколения в поколение и записанные в XIII–XIV вв. рассказы о предках исландского народа и рисуют стереотипное поведение, обычаи и законы древнескандинавского общества родичей с невероятной полнотой, так как дошли до нас от непосредственных свидетелей событий, лично знакомых с упоминаемыми в сагах людьми. Наиболее важна для реконструкций в области социальной антропологии самая большая из исландских саг — «Сага о Ньяле», или «Сага о сожжении Ньяля» (*Brennu-Njals saga*). Автор также привлекает пассажи из ряда других саг в своем переводе и в близком к оригиналу переводе А.В. Циммерлинга. Максимально близкий к оригиналу пере-

вод необходим для характеристики насыщенного формулами и формульным поведением традиционного общества родичей. Художественные переводы на русский язык в серии «Литературные памятники», естественно, преследовали другую цель, и пользоваться ими для социальных реконструкций затруднительно.

В каждом конкретном случае используются необходимые методы верификации текстов саг. Например, формульный древнеисландский текст главной клятвы, предваряющей тяжбу сторон на тинге, идентичен как в клятве на кольце жреца-вождя годи дохристианских времен из «Книги о взятии земли» Ари Торгильссона, так и в «Саге о Ньяле» (с. 133 настоящей работы). Следовательно, можно сделать вывод о вероятной истинности юридических формул тяжбы, которые подробно приводит эта крупнейшая древнеисландская родовая сага и т.п.

В заключительных главах ключевые элементы материальной культуры Скандинавии эпохи викингов рассматриваются в контексте их исторического развития и функций.

Так, показано наличие архаичной лексики из «Прорицания Вёльвы» (известнейшая мифологическая песня «Старшей Эдды») в текстах саг, описывающих главное культовое действие древних скандинавов эпохи викингов в длинном доме, что позволило автору сделать вывод об историчности этих богатых подробностями описаний.

Сопоставление хорошо датированных археологических материалов и древнегерманских текстов позволило проследить эволюцию древнескандинавских кораблей и появление различных типов скандинавских судов эпохи викингов.

В заключении суммированы выводы автора по вышеизложенной проблематике.

Обзор некоторых крупных работ по социоисторическому саговедению

Надо сказать, я предпочитаю заниматься социальными реконструкциями, только работая с письменными источниками на

языке оригинала. К сожалению, если брать скандинавские саги в этом ключе, тут было сделано значительно меньше, чем в области классификации и периодизации археологического материала скандинавского происхождения. Дело в том, что серьезные работы в области саговедения делались преимущественно филологами-германистами.

Подобная ситуация сложилась в силу сильного влияния исландской школы изучения саг как чисто литературных произведений, являющихся якобы авторским вымыслом романистов, подобно современной беллетристике. Так, глава исландской школы саговедения Сигурд Нордаль писал в середине XX в.: «Современный историк с презрением отвергнет эти саги как запись исторических событий. На то у него будет несколько резонов. Во-первых, историк вообще сомневается в надежности сведений, долгое время передававшихся устно, а повествовательная форма саг подскажет ему, что перед ним — произведение, вышедшее из-под пера романиста, человека с бурным воображением, а не из-под пера хрониста, человека, быть может, скучного, но скрупулезного и любящего точность. И, во-вторых, саги эти заняты прежде всего жизнью и делами частных лиц, до которых нет дела истории в подлинном смысле слова, даже если речь идет об истории Исландии. В такой ситуации историк не видит смысла долго думать, нужны ему саги или нет, — последнего факта достаточно, чтобы он с полным правом отказался изучать их как историю. Изучать же саги как литературу не его дело, ему незачем интересоваться их происхождением и содержанием» [Nordal 1957: 14]. На основе взглядов Сигурда Нордаля оформилась давящая во второй половине XX столетия в саговедении концепция «книжной прозы», отрицающая историческое значение саг, особенно ярко проявившаяся в книге Кэрролл Кловер «Средневековая сага» и в работах других авторов [Clover 1982; Andersson 1964; Scovazzi 1960; Hallberg 1962: 49–69; Holtsmark 1959; Byock 1982: 7–10; Baetke 1974; Mundal 1977, 1975; Mitchell 1991; Ólason 1984: 179; Thorláksson 1987; Árnason 1991]. Поэтому работ по историческому саговедению немного, это преимущественно англоязычные работы.

Основной вклад в собственно социально-историческое саговедение внесла американская профессура (Уильям Миллер, Джесси Байок, Уильям Шорт и другие историки-скандинависты, опубликовавшие свои главные работы преимущественно с 1980-х по 2010-е годы).

Работы исландских и других скандинавских ученых, а также ряда англоязычных исследователей посвящены в основном деградации экосистемы Исландии в эпоху заселения острова [Amorosi, Buckland, Dugmore, Ingimundarson, McGovern 1997; Arnalds 1987; Buckland, Dugmore, Sadler 1991; Dugmore, Simpson 1999; Friðriksson 1972; Hallsdóttir 1987; McGovern 1990; McGovern, Bigelow, Amorosi, Russell 1988; Runólfsson 1987; Sveinbjarnardóttir 1992; Thórarinsson 1974; Jarðvegsrof á Íslandi 1997], а также социальному статусу женщины в Исландии «эпохи саг» [Arnórsdóttir 1990; Damsholt 1984; Einarsdóttir 1984; Frank 1973; Heller 1958; Ingólfssdóttir 1994; Jochens 1995; 1996; Karlsson 1986; Kress 1977; Lunden 1980; Magnúsdóttir 1988; Mundal 1982; Ross 1992; Sigurðardóttir 1981; Jesch 1991; Mundal 1992; Øye 1990; Karras 1990: 141–162]. Интересна работа Дженни Джоченс, прослеживающая существование в Исландии нуклеарной семьи, тогда как традиционной древнескандинавской формой была патрилокальная расширенная семья [Jochens 1985]. Важны основательные работы Ауд Магнусдоттир и Агнес Арнорсдоттир о побочных женах в Исландии, причем подчеркивается тот парадоксальный факт, что подобные полигамные отношения получили в эпоху христианизации Исландии еще большее распространение, чем в эпоху викингов [Magnúsdóttir 1988: 4, 8; Arnórsdóttir 1990]. Таким образом, видно, что тематика исландоведческих работ скандинавских ученых порождена преимущественно модными проблемами, волнующими современное западноевропейское общество, заинтересованное гендерными и экологическими аспектами.

Ряд работ скандинавских и американских ученых посвящен хозяйственной практике в Исландии эпохи саг начиная со времени первопоселенцев, причем подчеркивается ведущая роль овцеводства [Durrenberger 1991: 15; Gelsing 1981; Einarsson 1995].

Некоторые работы представляют древнеисландское общество в до неузнаваемости искаженном свете. Так, Улав Ларусон показал годи как феодальных князьков, написав, что «исландская республика во все времена представляла собой своего рода федеративное образование. Годорды — владения исландских годи — это то же самое, что мелкие королевства в Норвегии» [Láruson 1958: 61]. Другие историки, модернизируя историю, называют альтинг «парламентом», а средневековую Исландию — «демократическим государством» [Karlsson 1977].

Несмотря на требование маститого Сигурда Нордаля и его школы не рассматривать саги в качестве источников по истории, в том числе и по истории общества, одна из первых работ на тему социальных реконструкций древнеисландского общества по материалам саг — это изданная в 1954 г. на исландском языке книга Эйнара Ольгейрссона (Einar Olgeirsson) *Ættasamfélag og ríkisvald í þjóðveldi Íslendinga*, представляющая собою курс лекций, прочитанных зимой 1951–1952 гг. в партийной школе исландских социалистов при большом стечении вольнослушателей. В переводе с исландского В.П. Беркова и под редакцией, с предисловием и примечаниями М.И. Стеблин-Каменского книга вышла на русском языке в 1957 г. под названием «Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии». Работа и по сей день остается одной из лучших по историческому саговедению. Вряд ли автор, придерживавшийся коммунистических политических взглядов, был прав, постулируя происхождение расширенной патриархальной семьи древних скандинавов из якобы предшествующей стадии родов, крупных коллективов родичей, у которых средства производства находятся в собственности общины. Древнескандинавский материал не подтверждает эту марксистскую модель. Однако чрезвычайно сильной стороной работы Ольгейрссона является то, что в ней становление и развитие древнеисландского общества показано на фоне динамики развития общества в Норвегии, складывания там ранних форм государственности, эволюционировавших в направлении феодализма. Поэтому наиболее сильные части книги — это раздел

«Переселение в Исландию» и сравнение ситуации с Вильгельмом Завоевателем (с. 68–75) и глава третья «Государство в Исландии» и ее разделы «Образование государства в Норвегии», «Образование государства в Исландии» и «Ликвидация народовластия государством, возглавляемым крупными хавдингами» (с. 237–281). Удачной главой, вводящей в проблематику крупнейшей родовой саги, является раздел «“Сага о Ньяле” — трагедия родового общества» (с. 226–234). Через всю работу проходит красной нитью ценная мысль, что передающееся по наследству хозяйство расширенной патриархальной семьи и составляло экономическую основу древнеисландской свободы.

Крупнейшей работой, показывающей важнейшую роль патриархальной расширенной семьи и ее наследственного владения как основной ячейки древненорвежского общества, явилась монография А.Я. Гуревича «Норвежское общество в раннее Средневековье», впервые изданная в 1977 г. Однако ученый работал преимущественно с текстами норвежских средневековых областных законов (главным образом с «Законами Фростатинга» северонорвежского Трёнхейма и «Законами Гулатинга» юго-западной Норвегии) и отчасти с королевскими сагами и некоторыми песнями «Старшей Эдды», а родовые исландские саги привлекаются им в незначительной степени (преимущественно «Сага о Гисли, сыне Кислого»), несмотря на постулирование выдающимся отечественным историком их важности для исследования структур традиционного общества догосударственного периода и психологии древних скандинавов. Между тем живые характеры и человеческие отношения представителей древнескандинавского общества встают перед нами именно из исландских родовых саг.

Крупное исследование по этой теме — монография профессора мичиганского университета Уильяма Миллера *Bloodtaking and Peacemaking*, изданная в 1990 г. Ученый впервые обратил внимание на то, что саги в письменном виде были зафиксированы в XIII–XIV вв., в эпоху тяжелого кризиса, поразившего традиционное древнескандинавское общество родичей. В это время к власти пришли кланы, свергнувшие Исландию в кровавую

междуусобицу, чем не преминули воспользоваться норвежские средневековые короли, подчинившие себе страну. В это страшное время исландцы чувствовали потребность зафиксировать бытовавшие до этого в устной традиции рассказы о своих славных предках эпохи расцвета древнеисландского строя, IX–XI вв. По этому поводу Уильям Миллер замечает: «The Icelanders, it seems, were anxious to record and preserve monuments of their experience as Icelanders at the very time that the social arrangements enabling that experience were being destroyed or had already been superseded» [Miller 1992: 43].

Однако он, будучи юристом, а не историком, во многих случаях не учел динамики исторического процесса. Так, в первой части его книги исландское общество описывается преимущественно по своду законов «Серый Гусь», хотя к тому времени общественные институты Исландии стали приобретать раннегосударственный характер, а судебный процесс из состязания соперничающих родовых коллективов все более переходит под контроль должностных лиц, в которые превращаются законодатель и члены лётретты, приобретающие функцию законодательной власти вместо функций арбитров и сторонников тяжущихся [Miller 1992]. Совершенно иначе рисуется судебный процесс, например, по «Саге о Ньяле». Никакой власти, творящей законы и правосудие, там нет, зато есть столкновение тяжущихся коллективов родичей, вовлекающих массу сторонников, на народных собраниях — тингах — и на поле боя, перерастающее почти что в войну жителей западных, южных и восточных фьордов.

На почве отсутствия историзма у автора возникают и явные анахронизмы для эпохи родовых саг. Так, сказано, что вожди были чисто «светскими» лидерами, ведущими своих тингманов на собрание [Miller 1992]. То, что верно для эпохи «Серого Гуса», совершенно не верно для эпохи до 1000 г. н.э., так как годи явно первоначально были вождями-жрецами, олицетворяя это типичное для архаики сочетание сакрального и светского лидерства [Губанов 2004].

Многие факты, говорящие об обусловленных социально кардинальных отличиях психологии древних, в книге Уильяма Миллера не раскрываются. Так, там, где говорится об основной роли женщины в родовых сагах как подстрекательницы к мести, нет ссылки на соответствующее место из «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра», в котором к будущей жертве употреблен положительный эпитет. Трактовка данного пассажа, раскрывающая иную психологию, дается в моих работах [Губанов 2004: 26].

Переведенная на русский язык книга главы группы специалистов из подразделения UCLA Университета Лос-Анжелеса, занимающихся комплексным, как по текстам, так и по археологическим материалам, исследованием Древней Исландии, Джесси Байока ценна прежде всего подробным рассмотрением взаимоотношений годи между собой и со своими тинговыми, строящимися на борьбе за влияние и собственность и на балансе интересов. В книге анализ этих отношений преимущественно по «Саге о людях с Песчаного берега» и «Саге Оружейного фьорда» вынесен на первый план, что весьма необычно для исторического саговедения, всегда постулировавшего приоритетную роль кровной распри как главного двигателя сюжета саг [Байок 2012; Wyock 1982; Hallberg 1985: 71–72; Ólason 1984].

Наряду с подробным рассмотрением взаимоотношений годи и их тинговых, применение формульной структуры, выявленной Лордом и Пэрри на материале преимущественно сербо-хорватского эпоса, к анализу структуры саг, изначально, еще в устном бытовании состоящих, по Джэсси Байоку, из подобных формульных вариативных элементов (названных исследователем «распремами»), составляет весьма существенный вклад ученого в исследование общества и культуры скандинавского Севера [Байок 2012: 705; Wyock 1985b; Wyock 1984–1985; Sigurdsson 2002, 2004; Лорд 1994; Стеблин-Каменский 1984].

Ученым, вопреки приведенным источникам, подчеркивается выигрышность умеренного поведения (хотя «Сага Оружейного фьорда» как раз заканчивается смертью в том числе умеренного годи и кровной мстью за него его сына, что не подтверждает

модель исследователя об обязательной выигрышности умеренного поведения и оттеснения обычая кровной мести на второй план). Мирный характер древнеисландского общества Джесси Байоком преувеличен, а масштаб применения насилия в древнеисландском обществе явно занижен. Все зависело от характера конкретной распри и количества вовлеченных в нее людей. Эскалация насилия безусловно происходит в XIII столетии, когда сконцентрировавшие в своих руках собственность и влияние крупные хавдинги, опираясь на крупные военные контингенты зависимых от них людей, вовлекли в свои распри большую часть населения Исландии.

Тем не менее общий взгляд Джесси Байока на социально-конструктивную роль древнеисландской распри вполне адекватен. Исследователь отмечает:

«Распря в Исландии — не то что распря в современных ей европейских странах, не деструктивная социальная деятельность, которую нужно держать в узде, для чего в обществе заводятся полицейские, судебные приставы и т.п.; вовсе наоборот — формализованная исландская распря служит механизмом стабилизации общества и стержнем культуры. Всеми уважаемые люди выступают посредниками между тяжущимися сторонами, и поэтому распря становится инструментом, с помощью которого злоба, ненависть и насилие изымаются из рук заинтересованных сторон и направляются в суды и общественные собрания, где на противников оказывается мощнейшее социальное давление <...> Распря и изощенный комплекс судебных процедур, возникший для ее формализации и контроля над ней, являются... особенностями, ключевыми для этого общества. На фоне отсутствия исполнительной власти и связанных с ней иерархии и служб легитимного насилия роль механизма по контролю и перераспределению социального статуса, богатства и власти взяла на себя распря... распря, не являясь полноценной войной, остается актом, преследующим не столько личные, сколько общественные цели, и требует социальной организации... [конфликты] не выходили за известные рамки, удерживаясь в них благодаря особой комбинации факторов <...> Среди этих факторов:

- нетерриториальная природа годорда;
- унифицированные правовые институты, охватывавшие временно все годорды и все регионы;
- многоступенчатые механизмы разрешения споров в частном и публичном порядке;
- отношения родства и свойства, построенные так, чтобы разрывать порочный круг распри» [Байок 2012: 138–139, 319–320].

Но вряд ли прав Джесси Байок, когда постулирует, что исландское общество — это фактически новообразование, а в континентальной Скандинавии и вообще в древнегерманском мире издревле существовали государства в виде королевств с эксплуатирующей население земельной (по существу феодальной) аристократией. Ученый, в частности, пишет:

«В более сложно стратифицированных европейских обществах моделями для построения общественных, правовых и политических отношений служили культовые и военные социальные иерархии. В Исландии все было по-другому. На месте баронов и графов исландцы с их национальным фокусом на праве создали собственную сеть механизмов поддержания общественного порядка. По мере того как они изменяли унаследованные от былых родин традиции, возникали новая система политического поведения и новый свод законов. Эта новая система была призвана компенсировать отсутствие институтов исполнительной власти, которые обеспечивали существование системы территориального предводительства в континентальной Скандинавии <...> В отличие от норвежских князьков, которые контролировали небольшие области и жили там, окруженные сторонниками, чья верность гарантировалась уже тем, что они живут в этой же области, исландские люди жили в окружении свободных землевладельцев, которые запросто могли быть тинговыми дружи года, часто — их прямых соперников» [Байок 2012: 194, 206].

С этим утверждением Джесси Байока нельзя согласиться. Никаких баронов, графов, вообще феодалов, земельных собственников, эксплуатировавших подвластных им крестьян, в континентальной Скандинавии эпохи викингов не было. Норвежские

мелкие конунги, ярлы и херсиры также жили в окружении свободных землевладельцев, конфликты коих решались на народных собраниях — тингах. Исландия просто законсервировала норвежское общество середины IX в. Надо сказать, подобной позиции применительно к ряду возникших вследствие эмиграции и колонизации обществ придерживаются многие англоязычные антропологи [Yuock 1985a,b; Earle 1991; Tomasson 1980: 4; Hartz 1964: 6].

Мне представляется, что подобная точка зрения применительно к средневековой Исландии — явный анахронизм, попытка перенести картину Норвегии или Швеции преимущественно XII–XIII вв. или «варварских» германских королевств, возникших в результате синтеза с позднеримским наследием на территории Западной Римской Империи в V–VI вв., на почву раннесредневековой Скандинавии.

Не могу также согласиться и со следующими положениями американского ученого, подчеркивающими исландскую специфику:

«Новые формы социальных отношений, возникшие в Исландии, не могли быть прямым отражением норвежских — какую социальную группу норвежского общества ни возьми, из нее эмигрировала лишь часть, а не вся группа целиком. Кроме того, первопоселенцы “брали землю” индивидуально, в личном, а не словесном качестве. И следующим поколениям, дабы защитить недвижимое наследство от посягательств, приходилось обращаться за помощью к любому, кто был готов ее оказать: к родичам обоих родителей, к шурыям-зятям и так далее, да и просто к знакомым землевладельцам, с которыми нет ни свойственных, ни родственных отношений, но которые думают извлечь из оказания помощи выгоду. В Исландии эпохи заселения, в этой стране на краю света, было критически важно заручиться поддержкой для защиты своей собственности. Политические союзы были в этом плане куда эффективнее родственных связей. Взаимная поддержка считалась обычным делом, и так постепенно сформировался институт представительства с его правилами и традициями. Во время кризиса именно умение найти союзников определяло, сохранит ли тот или иной индиви-

дуум собственность и положение (а порой и жизнь), а опора на “абстрактную” силу закона, выраженную в родственных связях или в отношениях “годы — тинговый”, играла лишь второстепенную роль. Так выглядела социальная подоснова системы накопления богатства и власти в средневековой Исландии, и вознаграждала она прежде всего людей с политической жилкой» [Байок 2012: 292–293].

Эти весьма спорные положения Джесси Байока затеняют действительно определяющую роль кровнородственных связей и, соответственно, распри между коллективами родичей как ведущего конфликта в древнеисландском обществе, которое представляет собою, по родовым сагам, детализированный портрет традиционного древнегерманского общества. Этот конфликт либо решался осуществлением кровной мести, объектом которой выступал кровнородственный коллектив убийцы, либо урегулировался на тинге посредством выплаты возмещения. Из Норвегии от гнета конунга Харальда Прекрасноволосого эмигрировали целые расширенные патрилокальные семьи, то есть базовые элементы традиционного норвежского общества, а говорить о превалировании «политических» связей в ущерб кровнородственным — ошибочно. Термин «политический» вообще представляет собой опасную модернизацию древнегерманского общества родичей и является анахронизмом.

Один из ценных выводов, впервые постулированный Джесси Байоком, состоит в том, что в древнеисландском обществе насилие ограничивалось правом в значительной степени в силу раздробленности общества на мелкие коллективы родичей типа патрилокальных расширенных семей. Исследователь пишет, что во многих кровнородственных обществах Южной Европы люди были спаяны в многочисленные коллективы родичей, ведущих между собою из поколения в поколение войну на уничтожение в силу долга кровной мести, не ограниченного никакими юридическими нормами [Peters 1967; Black-Michaud 1975; Boehm 1984; Байок 2012: 320–322]. В подтверждение своей гипотезы Джесси Байок цитирует следующее описание межклановых войн жите-

лей Черногории из книги Кристофера Бёма: «Эти воины жили большими группами на четко ограниченной территории, и каждая группа имела собственное политическое устройство и была организована так, чтобы эффективно защищать свои племенные земли с оружием в руках, и притом со всей возможной яростью. Мужчины тратили львиную долю своей энергии на боевые действия, совершая набеги на внешних врагов, охотясь за головами; кроме этого они с особым пристрастием практиковали кровную межплеменную месть, согласно правилам которой мужчины одного клана имели полное право убивать мужчин любого другого враждебного клана, и наоборот. Коротко говоря, черногорцы представляли собой конгломерат боевых племен, какие мы находим во всех уголках мира» [Байок 2012: 322; Boehm 1984: 3]. Однако разве в древнескандинавском обществе не было крупных войн, в которых были задействованы большие группы людей и фигурировала кровная месть? В древнеанглийском эпосе «Беовульф» есть эпизоды, где подробно описываются войны древнескандинавских народов, населявших Швецию в VI в. н.э. — гаутов и свеев, причем конунг свеев Онгентеов гибнет в битве именно вследствие осуществления кровной мести.

В исландском и, по моему мнению, шире, в древнескандинавском обществе многочисленные патрилокальные расширенные семьи из нескольких десятков человек с домочадцами легко могли найти себе достаточное количество влиятельных союзников, что облегчало нахождение компромиса в результате тяжбы на народном собрании — тинге, которая велась строго по древним исузтно передаваемым законам.

Однако тут же Джесси Байок указывает и на существенное сходство между кровнородственной распрей у древних исландцев и южных европейцев. В частности, ученый пишет:

«Раздоры между исландцами принимали скорее форму вендетты, которая в отличие от межплеменной распри представляет собой форму насилия, направленного конкретной личностью на конкретную личность, но затрагивающего ту или иную сторону деревенской жизни. В вендетте участвуют небольшие социальные группы,

а не крупные, как в войне или серьезной распре. Э.Л. Питерс... предлагает отличать межплеменные распри от внутридеревенских (или, в случае города, внутри- или межквартальных) вендетт — в последнем случае жители города или деревни хорошо сознают свою зависимость друг от друга и соглашаются с необходимостью компромиссов, без которых невозможно соседям жить в мире. Питерс подчеркивает, что, хотя убийства случаются и в ходе вендетт, все же “деревни являются такой областью совместного проживания людей, из которой распря должна быть исключена... и хотя у вендетты, конечно, много общего с распрей в смысле характерных для этих двух социальных явлений видов насилия и типов поведения, а равно взаимной озлобленности сторон, она совершенно отлична от распри и практикуется в таких социальных контекстах, где настоящие распри недопустимы”. (См. предисловие Питерса к [Black-Michaud 1975].) На странице 13 предисловия Питерс, даже не думая говорить об Исландии, описывает ситуацию, как две капли воды похожую на исландскую, когда долг кровной мести видоизменяется и совершенно обычным делом становится, напротив, компромисс, без которого оказывается невозможной нормальная экономическая деятельность: “Мы вполне можем вообразить себе ситуацию, в которой, скажем, разные кварталы в городе или в большой деревне независимы друг от друга в достаточной мере, чтобы там была осуществима некая форма распри, однако форма эта с неизбежностью будет такой, что рутинные, ежедневные действия, направленные на поддержание жизни и функционирование экономики, не окажутся под ударом”. (См. также: [Knudsen 1985; Thorláksson 1994: 403–406; Wilson 1988].) <...> Хельги Торлакссон обращает также внимание на сходство исландских и корсиканских групп, участвующих в распре: “И те и другие формируются ad hoc, лишь на время и для решения конкретной проблемы, и состоят как из родичей, так и просто из соседей, никак иначе с враждебными сторонами не связанных”» [Байок 2012: 338–339, 723].

Иначе говоря, все же южноевропейские общества, как рассмотрено на примере общества средиземноморского о. Корсика, оказываются сходными с древнеисландским по осуществлению кровной мести в виде вендетты. Таким образом, я вправе задать вопрос, не является ли постулируемое Джесси Байоком глубокое

различие клановых обществ с бескомпромиссной войной больших групп в порядке осуществления кровной мести и древнеисландского просто взглядом на традиционное догосударственное общество родичей издали, когда бесчисленные кровнородственные распри типа вендетт и их урегулирование на базе широких связей малых общественных групп просто не видны в таком масштабе и ускользают от внимания исследователя, а видны лишь межплеменные войны, которые, безусловно, имели место и в Скандинавии (см. пассажи из «Беовульфа» о межплеменных войнах в Швеции VI в. между свеями и гаутами, в которых вершились и индивидуальные акты кровной мести, такие как убийство свейского конунга Онгентеова гаутским воином Эвором (Вепрем) в отмстку за ранение брата Эвоора Вульфа (Волка)?

Весьма ценной работой, вводящей в тематику исторического саговедения, стала недавняя англоязычная монография Уильяма Шорта (William R. Short), историка и тренера-реконструктора древнескандинавских боевых искусств, *Icelanders in the Viking Age. The People of the Sagas*, изданная в 2010 г. В отличие от книги Байока, в ней немного спорных моментов, картина укладывается в традиционную схему. Особенно удачна и информативна пятая глава *Feuds, Honor, and the Culture of Combat* (р. 40–48). В ней, наряду с выявлением и описанием типичной модели развития распри в исландской родовой саге (преимущественно по известнейшей саге Восточной Четверти, «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра», отличающейся простотой, линейностью развития сюжета, который легко проследить), много внимания уделяется такому моменту, как правила проведения поединков как метода решения правовых споров, выделяются два типа поединков (менее формализованный *einvígi* и более регламентированный *hólmgangi*). Также о практике поединков см.: [Ciklamini 1963; Вø 1969; Вуокк 1993].

С моей точки зрения, у исследователя смещены акценты в третьей главе монографии, которая называется *Government and Law*. Сама по себе она очень ценна в качестве введения в тему, так как здесь подробно показана хронология складывания и развития

системы народных собраний — древнеисландских тингов и главного всеисландского альтингга, учреждение судов Четвертей Исландии и Пятого Суда. (Преимущественно Уильям Шорт построил здесь свое изложение на материале соответствующей главы из монографии Джесси Байока, о реформах в правовой системе Исландии эпохи народовластия см. также: [Friedman 1979; Solvason 1991, 1993; Byock 1986a,b; Nordal 1942: 111–119; Sørensen 1977: 19–20; Línal 1969; Benediktsson 1974a: 171–172; Wimmer 1899–1901 2: 346–351, 352–361, 368–383; Magerøy 1965: 31–33; Larusson M. 1966; Larusson Ó 1956; 1958; Sigfússon 1960].)

Однако, читая эту главу, неискушенный читатель может подумать, что суть древнеисландской судебной процедуры не тяжба сторон, а принимаемые жрецами-вождями (годи) судебные решения. Между тем древнеисландское и вообще древнескандинавское общество вовсе не было вертикальным, иерархическим, государственным, а представляло собой организм из равноправных, взаимодействующих между собою патрилокальных расширенных семей, владевших своими хуторами и землею по древнему наследственному праву *одаля*. Поэтому даже сам английский термин «government», употребленный Уильямом Шортом в заголовке главы, способен ввести неподготовленного читателя в заблуждение касательно характера древнескандинавского общества.

Критика работ, постулирующих приоритет кровной мести в архаических обществах, вышедшая из-под пера Питера Сойера, сама вызывает массу вопросов [Sawyer 1966]. Так, автор использует явно пережиточные источники эпохи Меровингов (пассаж из «Истории франков» Григория Турского), что доказывает только рудиментарный характер обычая кровной мести в раннефеодальном франкском обществе, испытывавшем к тому времени сильное романское влияние. Характеристика саг как придуманной литературы также приводится бездоказательно. Главная же ошибка Питера Сойера состоит в том, что ученый, кажется, не знаком с типологией традиционных семейных коллективов Мёрдока и не учитывает широкую распространенность обычая кровной мести и публичных методов урегулирования подобных правовых колли-

зий в догосударственных обществах. Раннесредневековые общества типа древнескандинавского ни в коем случае не были изначально высокостратифицированными обществами с сильной властью, как утверждает Питер Сойер. Они были, как и аналогичные балканские общества нового времени, в которых господствовал обычай кровной мести, догосударственными обществами с коллективами, солидарность которых базировалась преимущественно на кровном родстве. Питер Сойер, однако, не замечает, что огромная часть догосударственных традиционных обществ планеты, подобно древнеисландскому, состояла из расширенных семей, многие из которых, как и в Исландии, были патрилокальными.

Часть I

ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО РОДОВЫМ САГАМ

Глава 1

Заселение Исландии в IX начале X в., архаизм древнеисландского общества, изменения в социальной структуре в XII и XIII вв. и сохранение традиционного характера социальных взаимодействий элиты до середины XIII в.

Исландские родовые саги ценны для историка прежде всего тем, что в них рассказывается о живых людях — предках исландцев времени записи саг, то есть преимущественно XIV в. Они построены на базе рассказов, передававшихся изустно из поколения в поколение от очевидцев событий, происходивших со времени заселения острова во второй половине IX столетия вплоть до XIII в. включительно.

Для нас интересно общество, описанное в сагах, и психология древних скандинавов, во многом порожденная этими социальными условиями.

Исландские родовые саги рисуют общество, в своих основных чертах мало изменившееся на протяжении столетий, вплоть до присоединения Исландии к норвежскому королевству во второй половине XIII столетия. Таким образом, перед нами типичный случай *островной изоляции*, консервирующей реликтовое состояние на долгое время. В данном случае на исландской почве

произошла консервация древненорвежского языка и древненорвежского общества эпохи, непосредственно предшествующей времени исландских первооселенцев, то есть середины IX в.

Во второй половине IX в., в самый разгар т.н. «эпохи викингов», тысячи норвежцев со своими семьями и домочадцами эмигрировали в Исландию, не желая попасть под власть конунга Харальда Харфагра, создавшего ранненорвежское государство. В Норвегии при Харальде Харфагре и его преемнике, конунге Эйрике Кровавая Секира, и его жене, королеве Гуннхильд, происходила ломка традиционного общественного уклада. При этом королевской властью ущемлялась правоспособность традиционных древнегерманских патрилокальных расширенных семей — эттов, присваивались принадлежащие им наследственные хозяйства — одали.

О соответствии исторической правде модели консервации социальных институтов в Исландии эпохи народовластия и обычаев норвежского традиционного общества середины IX в. говорит и общественное самосознание исландцев, отделяющее их от средневековых норвежцев. Об этом хорошо написал Джесси Байок: «Для исландца эпохи народовластия существовало четкое разделение “мы” и “они”. Первыми были сами исландцы, а вторыми — норвежцы <...> Как неоднократно подчеркивается в сагах, исландцы видели в норвежцах людей, которые некогда были свободными, но утратили свои права, то есть по сути дела стали рабами своих конунгов. Исландцы же, напротив, эти права сохранили, и в сагах мы постоянно наблюдаем, как исландцы, находясь в Норвегии, на этом основании смело бросают вызов норвежской системе» [Байок 2012: 340] (см. также: [Jakobsson 1999]).

Генезис древненорвежского государства и жизнь исландских первооселенцев подробно описана в великом памятнике древнегерманской литературы — «Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне», в которой рассказывается о судьбе типичного представителя древнегерманской архаики, скальда и воина Эгиля Скаллаgrimссона, о деяниях его отца Грима Лысого и дяди Торольва. Сага сильна своим психологизмом, также очень много внимания в ней

уделено быту, кораблям и вообще материальной культуре Скандинавии эпохи викингов.

В четвертой главе саги рассказывается, что конунг Харальд подчинил норвежских бондов и взял себе их наследственные земли (касательно реальности «отнятия одаля» в норвежской исторической науке в свое время развернулась дискуссия — см.: [Andersen 1977]). Не желающие подчиниться воле конунга норвежцы массово эмигрировали на острова Северной Атлантики, в том числе на самый крупный из них — вулканический остров Исландию (о достаточно точной датировке следов первооселенцев по слоям вулканического пепла, подтверждающем данные саг, см.: [Thórarinnsson 1981; Larsen 1996; Dugmore, Simpson 1999; Íslenskur söguatlas 1990; Grönvold 1994; Grönvold, Óskarsson, Jonsen, Clausen, Hammer, Bond, Bard 1995; Buckland, Edwards, Blackford, Dugmore, Sadler, Sveinbjarnardóttir 1995]; приложение, с. 111–112).

Став конунгом, любимый сын Харальда Прекрасноволосого Эйрик Кровавая Секира и его жена Гуннхильд попрали древнегерманское тинговое право, как это видно в эпизоде с разгоном народного собрания — Гулатинга — в Норвегии, приведенном в «Саге об Эгиле». Эгиль судился здесь со знатным дружинником конунга Энундом по поводу наследства своей жены Астерд — одаля, доставшегося ей после смерти ее отца Бьёрна.

Интересна описываемая здесь пространственная организация древнегерманского народного собрания. Священное место, где сидели судьи, представляло собою круг (или, как предпочитает его называть сага, кольцо, др.исл. *hringr*), огороженный шестью из орешника (др.-исл. *heslistengr*), между которыми были протянуты веревки, именовавшиеся «священными узами» (др.-исл. *véþond*). Собравшийся на тинге народ, таким образом, вероятно, располагался вокруг круга судей.

Несмотря на поддержку своего друга, приближенного конунга Эйрика по имени Аринбьёрн, Эгилю не удалось дожидаться возможного решения тинга в свою пользу. Разгон Гулатинга дружиной Альва Корабельщика, брата королевы Гуннхильд, имел место в конце 930-х годов, после знаменитой по древнеанглийской эпи-

ческой песне битвы при Брунанбурге между англосаксами и скоттами, в которой Эгиль принял деятельное участие, сражаясь сам за уэссекского короля Этельстана и ведя со своим погибшим в битве братом норвежскую дружину. Показательно, что возмущенный уничтожением священного тингового круга и разгоном судей народ присутствовал на тинге без оружия, что совершенно не соответствовало древнегерманским традициям, зафиксированным еще Тацитом в I в. н.э., однако же таковы были правила игры в норвежском королевстве в X в. Затем Эгиль, в полном соответствии с древнегерманским правом, предложил Энунду решить дело поединком на тинге (др.-исл. *hólmganga*), но угрозы конунга отменили и эту возможность. Таким образом, самые основы традиционного древнегерманского общества как равного состязания родовых коллективов, тяжущихся сторон на народном собрании, оказались разрушены зарождающейся средневековой норвежской государственностью (см. приложение, с. 112–117).

До последних десятилетий IX в. н.э. древнескандинавские вожди — конунги, подобно ханам степных кочевников [Калиновская, Марков 2000: 184; Крадин 2000: 199–201, 207–210, 212–213, 217–219], не эксплуатировали своих соплеменников, а за счет военной добычи кормили своих дружинников — сотрапезников, а в случае большой войны имели право собирать народное ополчение. Потому всплеск грабительских рейдов на Западную Европу в IX в. н.э. после распада Франкской империи можно легко объяснить заинтересованностью скандинавской военной элиты в добывании мечом богатства и славы.

Конечно, конунги, ярлы, херсиры и прочая родовая знать существовали у скандинавов столетия до Харальда Харфагра. Однако они представляли собою тогда плоть от плоти традиционного общества родичей, не являлись представителями государства, которое отсутствовало, а были лишь военными предводителями, жрецами, общественными лидерами, более богатыми и родовитыми, чем все остальные владельцы одалей — бонды, однако фактически равными им в правовом отношении. Не случайно в последующую эпоху складывания раннего государства многие

представители родовой аристократии играли роль народных вождей, противостоявших насилию конунгов и их служилой знати. Об этом содержательно написал отечественный исследователь древненорвежского одаля, старонорвежских областных законов и королевских саг с точки зрения их историчности А.Я. Гуревич:

«Необходимо разграничивать... старую родовую знать и новый служилый слой. Первая по самой своей природе не могла не враждовать с королем, тогда как служилые люди его поддерживали. Несомненно, что изображаемая в сагах борьба родовых аристократов против государственной власти имела место в действительности. Вместе с тем часть представителей старинных родов переходила на службу к королю, сближалась со служилым людом, но процесс приспособления родового нобилитета к изменившимся условиям был мучительным и во многих случаях не приводил к его действительному переходу на новые позиции, — отсюда постоянные резкие столкновения аристократов с конунгами, опиравшимися на создаваемый ими служилый слой.

Различия между родовой знатью и служилым людом состояли, помимо всего прочего, в том, что экономические основы их могущества были неодинаковы. Знатные роды в эпоху викингов располагали крупными усадьбами с большим количеством скота, где хозяйство велось руками рабов, вольноотпущенников и других слуг... они играли ведущую роль в воинских экспедициях, тесно переплетавшихся с торговлей. Служилые люди государя также обладали земельными владениями, но основным источником их доходов была присваиваемая ими часть поборов и кормлений с населения; с течением времени они стали раздавать свои земли арендаторам. Иначе говоря, их существование в значительной мере строилось уже на эксплуатации крестьян, хотя последняя не приобретала ясно выраженного феодалного характера. Родовой знати, которая не жила преимущественно за счет бондов, тем легче было играть роль их лидера и защитника от притеснений со стороны конунга и его слуг. Это усиливало позиции старой аристократии, было одним из источников ее жизнеспособности. Однако, с другой стороны, прекращение викингских походов и сопровождавшее его падение роли рабства в производстве подрывали материальные основы существования родовой знати. Такое противоречивое ее положение вызывало

отчаянные попытки найти выход из постигшего ее кризиса в борьбе против усиливавшейся королевской власти, в междуусобицах, заполняющих историю Норвегии на протяжении нескольких десятилетий XII в.» [Гуревич 2009: 304–305].

Из вышеприведенного эпизода «Саги об Эгиле» видно, что в первой половине X в. от традиционных германских вольностей при конунге Эйрике Кровавая Секира не осталось и следа, королевской волей поправлены права народного собрания свободных бондов. Таким образом, массовая миграция свободолюбивых норвежцев в Исландию как следствие глубоких перемен в норвежском обществе, складывания там государства становится легко объяснимой.

Несмотря на то что в правление другого сына Харальда Прекрасноволосого Хакона, прозванного в народе Добрым, древнегерманские вольности были восстановлены, и даже во второй четверти XI столетия бонды заставили конунга Магнуса Доброго отказаться от притязаний на их одали и свободу, это было только временное отступление нарождавшейся государственной власти северных королей.

Появление исторических сведений о политике по сохранению древнегерманской догосударственной системы Хакона Доброго и Магнуса Доброго в висе скальда Сигвата, сочиненной для Магнуса Доброго, в которой современник этих событий, знатный дружинник конунга, предостерегает Магнуса Доброго посягать на одали бондов, очень важно для историка (приложение, с. 122–123). Сохранившиеся в сагах тексты скальдических вис считаются надежным свидетельством истинности описанных в них событий — при изощренности формы висы, сочиненные современниками событий по конкретному случаю, не содержат вымысла. Таким образом, я с высокой степенью вероятности могу доверять свидетельствам саг о внутренней политике норвежских конунгов, в том числе и свидетельству «Саги об Эгиле» об отнятии одалей королевской властью Харальда Харфагра, что привело к массовой эмиграции норвежских патрилокальных

расширенных семей в Исландию во второй половине IX — начале X в.

Исландские первопоселенцы со своими семьями, домочадцами и движимым имуществом переплывали Северную Атлантику на кораблях определенного типа — коротких и вместительных высокобортных грузовых *кноррах*.

Так, после мести за Торольва, убив подстрекателей, оговоривших того перед конунгом Харальдом Прекрасноволосым, на их хуторе, в Исландию отправляется Кетиль Лосось на двух кноррах (приложение, с. 118–120).

Отец Торольва, убитого по приказу конунга Харальда, Квельдульв и его брат Грим Лысый, отомстив многим дружинникам конунга Харальда, принимавшим участие в убийстве их родича, также отправились с семьей, домочадцами и движимым имуществом в Исландию на двух кноррах (приложение, с. 120–121).

О происхождении разных типов кораблей в Скандинавии эпохи викингов и об их устройстве будет рассказано в специальной главе этой книги.

Первопоселенцы в Исландии основывают на своей новой родине хуторские хозяйства, подобные норвежским одалям, которые передавались по наследству от отца к сыну и представляли собою прочный экономический базис для долговременного существования патрилокальной расширенной семьи с домочадцами. Показательно в этой связи описание хозяйства отца Эгиля, могущественного Грима Лысого, на западном побережье Исландии. Это описание прекрасно характеризует комплексное хозяйство богатого норвежского *одаля* IX столетия со значительной долей земледелия, скотоводства (преимущественно овцеводства) и морского промысла. Естественно, такое большое и многопрофильное хозяйство требовало большого количества домочадцев — зависящих от владельца хуторов людей.

Возможности комплексного хозяйства имелись лишь в эпоху заселения Исландии. Надо сказать, что березовые леса исландских низменностей на побережье уже первым поколением исландцев к 30-м годам X в. были в значительной части сведены,

а подвергаясь эрозии почва стала малопригодной для земледелия. Сохранилось овцеводство на горных пастбищах, но это не изменило ни традиционную северогерманскую хуторскую систему расселения, ни тесно связанную с ней социальную структуру общества, базовой ячейкой которого была патрилокальная расширенная семья, владевшая наследственным одалем (приложение, с. 126–128).

Несмотря на принятие христианства на тинге в 1000 г. н.э., вплоть до присоединения к Норвежскому королевству во второй половине XIII в. Исландия не интегрировалась в феодальное западноевропейское общество, преимущественно благодаря своей островной изоляции.

В XII–XIII вв., после введения церковной десятины в 1096 г., начинается процесс сосредоточения собственности и, следовательно, в конечном счете и власти в руках бывших годи, крупных вождей-хавдингов. Большое количество прежде вольных исландских домохозяев переходят в разряд зависимых от своих хавдингов арендаторов, а народное собрание — тинг, на котором прежде велась тяжба коллективов родичей как равных сторон, постепенно утрачивает свое верховное значение [Sveinsson 1953; Wyock 1986a; Vésteinsson 1996]. Оулав Лаурссон в работе «Из истории заселения Исландии» пишет об этом так:

«С наступлением XII в. власть хавдингов получила новую материальную опору. Прежде всего следует указать на то, что в их руки попали церкви и церковные владения. В 1096 г. был принят закон о десятине. Половина ее поступала владельцу церкви. Кроме этого у церковей постоянно накапливалась собственность — земли и скот — и появились иные источники доходов, как то: поборы в их пользу с каждого двора сыром, овцами и т.п. Все это шло на пользу владельцу церкви, и, хотя ему надо было содержать церковь и выплачивать священнику жалование, все же в большинстве мест от этих доходов получался остаток, а кое-где весьма внушительный. Мы видели, что в эпоху Стурлунгов некоторые роды хавдингов держали в своих руках богатейшие места, например род людей из Одди распорядился Рангартингом, Одди, Брейдабольстадом, Сторольфсхва-

лем, Кельдуром, Гуннарскольтом и Нижним Скардом, род людей из Хаукадаля распоряжался в Арнесской сюсле Хаукадалем, Хруни, Храунгердом, Брёдратунгой, Кальдадарнесом и Рейкиром в Альфусе. Это приносило им огромные богатства. Например, в Одди скапливались немалые богатства в результате того, что каждую осень в качестве арендной платы за земельные участки вносилось по 85 овец и вдобавок по кругу сыра с каждого бонда между рекой Йокулъса в Сольхеймасанде и рекой Тьорса, не считая всего прочего, что должно было поступать с бондов. При таком материальном подкреплении власть хавдингов не могла не процветать, и “Сага о Стурлунгах” в достаточной степени показывает, что их власть в то время значительно усилилась по сравнению с “веком саг”. Власть хавдингов получала и другие материальные подкрепления. Так, вошло в обычное дело вносить подать в пользу годи, что раньше не практиковалось. Хотя власть и требовала больших расходов, благодаря этим поступлениям богатство стало концентрироваться в руках некоторых родов и экономическое неравенство стало возрастать. В то время люди не могли увеличить свое богатство иначе, как вкладывая его либо в земли, либо в скот. Поэтому число свободных бондов, собственников обрабатываемой земли, постепенно уменьшалось, и сдача земель и скота в аренду возрастала. Появление крупной земельной собственности богатых родов в XIV и XV вв. восходит именно к этому времени. Короли получили политическую власть из рук родов годи, причем потерю доходов годи быстро возместили за счет доходов от управления сюслами и занимания должности лагмана или губернатора. Большие потери хавдинги понесли в результате победы церкви в имущественных спорах со светской властью, но они все же сохранили в своих руках достаточно источников, чтобы продолжать накопление богатства. В XIV в. повысилась по цене сушеная треска, и землевладельцы в прилегающих к морю местностях широко воспользовались выгодой этого обстоятельства. Параллельно с этим быстро возрастало богатство церкви, монастырей и епископств. Все это не могло не привести к еще большему имущественному неравенству, которое в первую очередь проявлялось в отношении земельной собственности. В конце XIII в. бондов, являвшихся хозяевами обрабатываемых ими земель, стало значительно меньше, нежели арендаторов. В XV в. они почти совсем исчезли. В то время в Исландии встречались целые области, где все земли сдавались арендаторам.

Неизбежным следствием всего этого явилось ухудшение материального положения бондов-«средняков» по сравнению с предшествующим периодом. Они стали в 1300 г. значительно беднее, чем были около 1100 г.» [Lárusson 1944: 38–40] (цит. по: [Олгейрссон 1957: 263–264]).

Еще ранее процесс стратификации среди базовой категории земельных держателей начался в Норвегии. Разумеется, катализатором этого процесса выступала в XI–XIII вв. складывающаяся и укрепляющаяся королевская государственная власть. Уже по «Законам Гулатинга» хольд, как в то время называли полноправного владельца одаля (в эпосе, скальдике и рунических надписях это обозначение (доблестного) мужа, воина, бонда), получал за ранение в два раза большее возмещение, чем простой бонд, то есть шесть «колец» (*baugar*, этимологически восходит к эпическому имени наручных браслетов дружинников) вместо трех за ранение бонда. При этом за ранение короля, ярла и посаженного конунгом на землю представителя служилой знати — лендрмана — полагались гораздо большие суммы, что подчеркивает уже неравноправный статус простых членов общества и представителей складывающегося государства (48 *baugar* за ранение короля, 24 *baugar* за ранение ярла и 12 *baugar* за ранение лендрмана). При этом известно определение хольда по общегосударственному норвежскому закону, Ландслову, принятому в 1274 г.: «Хольдом считается тот, кто имеет одаль, полученный им по наследству от обоих — отца и матери, которым прежде них обладали его предки и который не был одалем других людей, приобретших его посредством покупки или унаследовавших по боковой линии» [Гуревич 2009: 278, 287–288]. Таким образом, следует думать, что значительная часть бондов в контексте западнонорвежских «Законов Гулатинга» в XII–XIII вв. уже не являлись полноправными владельцами одалей — земельных владений предков, а перешли в разряд более низкой социальной категории арендаторов чужой земли, получавшей в два раза меньшее возмещение в случае ущерба.

Важно, однако, отметить, что семьи сконцентрировавших в своих руках богатство и власть хавдингов Исландии XIII в.

взаимодействовали между собою согласно столетиями существовавшей модели, присущей древнегерманскому обществу. В этой среде и в XIII столетии, в эпоху записи саг, сохранялись традиции древнегерманского общества родичей с его превалированием горизонтальных отношений между патрилокальными расширенными семьями, сталкивающимися в кровной распре и привлекающими многочисленных союзников с обеих сторон конфликта.

Насколько архаичным в отношении взаимодействия представителей социальной верхушки было исландское общество даже в середине XIII в., несмотря на новые веяния времени, зачастую инспирированные с континента, таких как вооруженная борьба епископа Гудмунда и хавдингов Западной Четверти, а также значительное усиление власти хавдингов и их борьба между собой (например, возвышение Стурлы и его жестокое убийство в битве при дворах Эрлюга 21 августа 1238 г.), видно по заключительным главам «Саги об Исландцах» Стурлы Тордарсона (1214–1284) [Sveinsson 1953; Jóhannesson 1958; Karlsson 1972; 1980; Thorláksson 1979a; 1979b; 1974; Vyock 1986a; Bragg 1997].

Главные события, развивавшиеся в Исландии в последние два десятилетия ее независимости, в 1240–1250-х годах, заданы, как и было принято в древнегерманском обществе, прежде всего кровной враждой, возникшей после убийства могущественнейшего хавдинга в Исландии XIII в. Стурлы, сына Сигхвата, в котором принимал участие другой могущественный хавдинг, Гицур. Здесь политика, борьба за власть между хавдингами и норвежские интересы уходят на второй план. Родичи Стурлы и их союзники в качестве мести за его убийство сжигают богатый хутор своего кровника, могущественного хавдинга Гицура, сына Торвальда, люди коего были замешаны в убийстве Стурлы. Жена Гицура, трое его сыновей и множество домочадцев гибнут в пламени. Сожжение в доме считалось тяжким преступлением, за которое поджигателей на тинге объявляли вне закона.

Описание событий, связанных с сожжением хутора Мошкарное Болото 22 октября 1253 г., наполнено древнегерманской архаикой. Прежде всего, обращает на себя внимание демонстрация

основной роли женщины в сагах как подстрекательницы к мести. В данном случае в роли подстрекательницы выступает Турид, жена организатора будущего поджога Эйольва, сына Торстейна. Реакция Эйольва, изменившегося в лице, также описывается стереотипно для саговой традиции (приложение, с. 122–123).

Далее в саге рассказывается со всеми подробностями о нападении на палаты Гицура на Мошкарном Болоте. Следует отметить, что само по себе сражение при дверях длинного дома уводит нас в глубокую германскую архаику, отраженную, например, в древнеанглийском эпосе в эпизодах, связанных с битвой при Финнсбурге, то есть в палатах древнефризского конунга Финна (эти события датско-фризской распри имели место, вероятно, в V в. н.э.). Боевые приемы, использованные в битве на Мошкарном Болоте, идут из глубин германской древности, особенно показательно здесь построение стены из щитов. Само устройство дома каркасно-столбовой конструкции, разделенного на пиршественный зал с центральными очагами и женские покои, мало изменилось на протяжении многих столетий.

Описание битвы в хуторе Мошкарное Болото, сожжения семьи Гицура и его спасения в «Саге об Исландцах» насыщено подробностями, чрезвычайно реалистично и исполнено трагизма. Оно еще раз демонстрирует нам, что главное в исландской саге — это распря и кровная месть. Стурла Тордарсон жил в описываемую эпоху, был близким родичем персонажей саги и, конечно же, максимально правдиво описал исторические события последних десятилетий существования исландской независимости, а через эти события — консервативную древнегерманскую природу исландского общества середины XIII в. Конечно, многие распри удавалось урегулировать на народных собраниях вооруженных правоспособных мужчин — на германских тингах. Этому посвящены специальные главы книги.

В эпизоде о битве при Мошкарном Болоте перед нами — древнегерманская кровная распря, дошедшая до предела. Трагические события поджога усадьбы Гицура, гибели его жены и детей, реализм описания спасения Гицура, который укрылся в бочке

с молочной сывороткой и, когда бочку протыкали копьями кровные враги, перестал дрожать от переохлаждения, переданы в саге с потрясающей силой (приложение, с. 123–137). Очень важно, что «Сага об Исландцах» — это письменный источник, имеющий автора и синхронный описываемым в нем событиям.

Таким образом, и в XIII в., в эпоху записи родовых саг, семьи богатых и могущественных хавдингов, сосредоточивших к тому времени в своих руках и военное могущество вкупе с политической властью, продолжали взаимодействовать между собой согласно нормам и практике древнегерманского общества родичей. В таком обществе большую роль играли обычаи, связанные с кровной мезтью. И подстрекательство к мести и ее практика оставались такими же, как и в эпоху, покрытую вековым мраком седой старины. Поэтому неудивительно, что записанные в XIII–XIV вв. исландские саги донесли до нас с такой полнотой как обычаи древнегерманского общества родичей, так и яркие и убедительные психологические портреты людей той эпохи.

Глава 2

Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам

Родовое общество — это не общество профессиональных статусов, а общество, состоящее из органических групп, основанных на происхождении.

А.Я. Гуревич. «Норвежское общество в раннее Средневековье»
[Гуревич 2009: 351]

Информацию о структуре древнескандинавского общества можно почерпнуть преимущественно из трех групп источников: во-первых, из средневековых областных законов — правовых

сводов, сохранивших многие традиционные черты, во-вторых, из терминологии рунических надписей (в основном поздних надписей на рунических камнях XI столетия), в-третьих, из памятников богатой и во многом чрезвычайно архаичной древнеисландской литературы — главным образом из родовых саг, которые еще называют «сагами об исландцах».

Если стереотипная сюжетика саг очень много дает исследователю для понимания *отношений* коллективов родичей, например обычая *кровной мести*, выплаты возмещения за убийство или передачи ребенка на воспитание в чужой родовой коллектив для успокоения кровной вражды, порядка ведения народного собрания — тинга и т.п. [Губанов 2004: 19–36], то статьи областных законов и тексты рунических надписей содержат много ценных сведений об основной структурной единице древнескандинавского общества.

Таковой являлась семья из трех поколений родичей, живших под одной крышей и имевших общее хозяйство. Собственно, трехпоколенная структура коллектива из живущих под одной крышей родственников лимитировалась сроком жизни патриарха — главы расширенной семьи.

Соответственно, и ближайшими родичами, которых в первую очередь касался долг кровной мести и которые несли основную ответственность в случае кровнородственной распри, получали или платили наибольшее возмещение за убийство согласно, например, ст. 218–228 норвежского Гулатинга, были члены трех нисходящих поколений по мужской линии (дед — сыновья — внуки) [Vestergaard 1988: 174–180] (женщинам мстить было нельзя, их главная роль в сагах — побуждать мужчин к мести) [Губанов 2004: 12–18, 25–29]. При этом соблюдался принцип оплаты эквивалентным родичам — убийца платил сыну и отцу убитого, брат убийцы — брату убитого, племянник по отцовской линии убийцы — соответствующему племяннику по отцовской линии убитого [Vestergaard 1988: 184].

По норвежским областным законам, коллектив из трех поколений родичей назывался *ætt*, в законах острова Готланд (Гута-

лаг — «Закон гутов») — *ett*. По Гуталагу, незаконнорожденный сын лишался прав на наследство, если не мог доказать происхождение от трех поколений через отца и мать.

Единство *ett* закреплялось фундаментом экономической базы. Во владении обширной семьи из трех поколений родичей находилась недвижимость, хуторское хозяйство (например, по ст. 218–228 норвежских законов Гулатинга), которое первоначально нельзя было продавать или делить — *odal* (др.-исл. *ofal*). Одаль фиксируется в четвертой статье 12 параграфа норвежских законов Фростатинга и в Гуталаге (первая часть, п. 12, 14, разд. 20). В Фростатинге сказано, что земля считалась одалем, если ею владели три нисходящих поколения родичей. В таком случае в состав *ett* включался правнук патриарха, имевший законное право на хутор и землю одаля [Vestergaard 1988: 177–178; Fsl. XII, 4]. У гутнийцев *ett* напрямую отождествляется в Гуталаге с *afal gutnisk*, что подчеркивает их неразрывную связь — главной ячейки социальной организации и ее собственности и экономической базы [Vestergaard 1988: 177–178; GL I, ch. 20, п. 12b, 14]. В этих же законах сказано, что незаконнорожденный сын (гутн. *Bysun*) мог получить право на наследство, лишь доказав свое происхождение от трех поколений гутнийцев через отца и мать, то есть свою принадлежность к *этту* [Губанов 2004: 13].

Как правило, расширенные патрилокальные семьи в Скандинавии держали свой одаль, передающийся от отца к сыну, от поколения к поколению, издавна. Даже в общенорвежском своде Landslov конунга Магнуса Хаконарсона 1274 г., согласно которому уже достаточно было обладать землей 60 лет, чтобы получить право на одаль, «сохранился термин, указывающий на первоначальный порядок обладания одалем, — *till haugóðals at telia*: право одаля, которое может быть доказано путем перечисления предков, владевших этой землей вплоть до времени, когда хоронили в курганах, т.е. в языческие времена. Поэтому даже в более позднее время, когда возникла тяжба из-за обладания одалем, ее выигрывал тот, кто мог проследить свою родословную “вплоть до курганов и язычества” (*till haugs ok till heiðni*)» [Гуревич 2009: 332].

Итак, в традиционном древнескандинавском обществе одаль должен был оставаться в собственности этта на протяжении долгих поколений, землю одаля нельзя было продавать. Неделимость одаля прекрасно иллюстрирует пассаж из исландской родовой «Саги о Гисли, сыне Кислого». Один брат получает в наследство от отца одаль, а другой — движимое имущество. А.Я. Гуревич полагал, что безземельные братья поступали в корабельные дружины предприимчивых вождей, немало стимулируя походы викингов за богатством и славой. Как бы то ни было, наследование одаля в «Саге и Гисли» — достаточно типичная ситуация: «Þorkell mælti: “Fyrir því at ek beiði skiptis þá skaltu hafa bólstað ok föðurleift okkar en ek skal hafa lansafé” <...> Sva lauk at Gísli skipti en Þorkell kaus lausafé en Gísli hefr land» — «Торкель сказал: “Так как я предлагаю тебе раздел, то у тебя будет место длинного дома и наше отчее наследство, а я буду иметь движимое имущество”. Тем и кончился раздел Гисли, что Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли — землю» [Губанов 2004: 16].

Члены *этта* — главные получатели и плательщики платы за убийство родича — именуется в областных норвежских законах особыми терминами, что подчеркивает монолитность этой организующей социум группы. Члены патрилокальной расширенной семьи из трех поколений называются в Гулатинге и Фростатинге «людьми (платы) колец (род. п., мн. ч.)» — *bauggildismenn* или *baugamenn*. В связи с этим словом возникает масса ассоциаций, связанных с древнегерманскими реалиями. Др.-исл. *baugr*, др.-англ. *beaga* — «кольцо, изогнутая вещь» — представлял собою наручный браслет из драгоценного металла, являвшийся не только материальной, но и сакральной ценностью, выступая мериллом славы и удачи. Военный предводитель — *конунг* — надеял кольцами своих дружинников на пиру, отсюда его эпитет в древнеанглийском эпосе «Беовульф» — *beaga brytta* — «колец ломатель (делитель, наделитель)». Вероятно, некогда и вергельд выплачивался патрилокальной расширенной семье, этим «кольцелюдям», в виде ценных браслетов или их частей.

В норвежских законах существовали специальные термины, охватывающие более удаленный круг родичей за пределами патрилокальной расширенной семьи. Важно подчеркнуть, что в отличие от *этта* и его «людей колец», эти родственники не воспринимались как члены структурной ячейки общества. Доля вергельда выплачивалась ими (или, соответственно, шла им) как отдельным персонам, «с носа», поэтому они и называются в Фростатинге *носоплательцики* — *nefgildi*. Второе место по размеру вергельда принадлежало *большим носоплательщикам* — *mikla nefgildi*, которыми считались не столь дальние мужские родственники через женщин: отец матери, сын дочери, брат матери, сын сестры, сын брата матери, сын сестры отца, сын сестры матери. Наконец, еще меньшую виру выплачивали и получали *малые носоплательцики* — *litla nefgildi* — более дальние мужские родичи через женщин: внук — сын дочери дочери, сын дочери сестры, сын дочери брата матери, сын дочери сестры отца, сын дочери сестры матери, сын дочери сына, сын дочери брата [Vestergaard 1988: 182–184; Fsl VI].

Особенно важно подчеркнуть, что расширенная патрилокальная семья как базовая ячейка древнескандинавского общества поддерживала свое существование на наследственном хозяйстве — «отчине, родине (предков), (благородном)» одале, кормясь с него и составляя с ним нерасторжимое целое, выразившееся в единстве связанных с этим и одалем понятий и образов. Как писал А.Я. Гуревич:

«Человек и его семейная группа неотделимы от наследственного земельного владения. Как повествует “Сага о Стурлунгах”, когда Снорри Стурлусон вознамерился переселиться из своей усадьбы Борг в Рейкьярхольт, одному из домочадцев приснился предок Снорри, великий скальд Эгиль Скаллагримссон, выразивший свое неудовольствие тем, что представитель его рода бросает старое семейное достояние; из его слов явствует, что своим поступком Снорри проявляет пренебрежение к земле, на которой он и весь его род преуспевали, господствуя над окружающим населением. Пренебрежение по отношению к владению предков! В высшей степени

показательное выражение: отчина, земля рода не мыслится как инертная материя, безразличный объект; люди испокон веков, “со времен языческих курганов”, живут на ней, и “сила земли” как бы вливается в них, давая им могущество и преуспевание. Заслуживает всяческого внимания и термин *frændgarðr* (“усадьба сородичей”), который был применен тем же Эгилем в поэме “Утрата сыновей”: гибель сородичей воспринимается как невосполнимая брешь в ограде, которой уподоблен круг родственников. *Garðr*, “двор”, — это и есть родственный коллектив! <...>

Но понятие “одадь” имело отношение не только к земле, оно было родственно группе понятий, выражавших в германских языках прирожденные качества, благородство, родовитость, знатность лица (*aðal*, *ædele*, *edel*, *eðel*, *adel*, *edila*). Ссылаясь на длинную и славную родословную, человек одновременно доказывал и свою знатность и свои права на землю (еще раз вспомним об *öðlingar*), так как по сути дела одно было неразрывно связано с другим, и одадь представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесенную на земельное владение и укорененную в нем. *Aðalborinn* (“человек благородный”) был синонимом *odalborinn* (“человек, рожденный с правом наследования и владения родовой землей”)» [Гуревич 2009: 336].

Близкое типологическое сходство с древнескандинавской обнаруживает традиционная структура древнеирландского общества согласно раннесредневековым законам кельтской Ирландии. Основной ячейкой традиционного общества ирландцев была патрилокальная расширенная семья из четырех нисходящих поколений родичей, потомков общего прадеда, которая именовалась *derbfine* и сообща владела землей. Землю эту, аналог древнескандинавского одаля, нельзя было продавать или делить, имение передавалось из поколения в поколение как собственность *derbfine* [Диллон, Чедвик 2002: 124]. Если к этому присовокупить фиксацию в древнеирландских законах вергельда или виры, которая здесь называлась *dire* или *эрик* и у кельтов Ирландии измерялась в соответствии с ценой чести (*lóg n-enech*, *eneclann*) потерпевшего, практику регулярных народных собраний-празднеств (*oenach*), наличие в раннесредневековой Ирландии наделенных и сакраль-

ным статусом военных вождей различного ранга (*ri*), самые мелкие из которых возглавляли небольшие территории, именуемые *туатами* (ср. др.-англ. *þeod*, др.-исл. *þjóð* — «народ»), то ясно, что аналогия будет почти полной. Следует отметить, что основной структурной ячейкой древнегреческого гомеровского общества (IX–VIII вв. до н.э.) также была патрилокальная расширенная семья. Там тоже патриарх и его взрослые сыновья жили под одной кровлей, это объединение мужских родичей, их жен и детей называлось *ойкосом* [Андреев 2004: 234–264]. Подобные факты, на мой взгляд, свидетельствуют вовсе не о заимствованиях и даже не о сохранении архаичной структуры индоевропейского общества (хотя это, конечно, и так). Мне представляется, что исландское и ирландское общества были гораздо ближе к древнеиндоевропейскому, чем, скажем, древнеиндийское. Скорее, речь идет о демонстрации универсалий структур традиционных обществ.

Расширенные за пределы нуклеарных семьи — достаточно распространенный случай в традиционных обществах. Причем, как отмечалось исследователями, не следует придавать слишком уж большое значение традиции счета родства по мужской или женской линии [Попов 2000: 17]. Более сходства наблюдается, когда речь идет о *локальности*, то есть совместном проживании на определенной территории, и расширенном характере родового коллектива, состоящего из нескольких поколений родичей и их супругов. Так, в Западной Африке соблюдался матрилинейный счет родства, однако и здесь коллектив прямых потомков женщины из трех нисходящих поколений, называвшийся *яфуну*, непосредственно распоряжался землей, он представлял собою часть более крупного коллектива *абуса* из 4–5 поколений, имевшего право собственности на землю. Члены абуса проживали совместно, а руководил им, несмотря на матрилинейный счет родства, пожизненно выбранный мужчина — *абусапанин* (*панин* — «старший»). Он выполнял целый ряд важнейших лидерских функций в этом традиционном обществе: «Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организа-

тором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее абусуа. Как представитель предков, он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов абусуа. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами своей абусуа, а главной его помощницей была *обаапанин* (как правило, сестра абусуапанина), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т.д.) [Попов 2000: 20].

Дж.П. Мердок в своем классическом труде по формам социальной организации традиционных обществ отмечает, что коллектив родичей древнескандинавского типа, названный им *патрилокальной расширенной семьей*, — чрезвычайно распространенный тип социальной организации в различных традиционных обществах. Теоретическая возможность существования неопределенно долгое время, экономическая база в виде передаваемой по наследству недвижимости и большая степень защиты относительно многочисленного коллектива родственников (и их челяди — *трэлей* древнескандинавского мира) — вот те факторы, которые делали этот тип социальной организации столь жизнеспособным и географически распространенным, как о том писал Дж.П. Мердок:

«Расширенные семьи состоят из трех и более поколений и характеризуются неограниченным периодом существования. В обществах с независимыми нуклеарными или независимыми полигамными семьями брак создает новую семью прокреации и перемещает обоих супругов (если не физически, то всегда социально) из их семей ориентации. Однако в рамках расширенной семьи только один из супругов разрывает связи со своей семьей ориентации. Другой/другая остается в собственном доме, где к нему/к ней присоединяется его/ее супруг/супруга, и через него/нее его/ее семья прокреации оказывается связанной с его/ее семьей ориентации в единое семейное целое. Поскольку этот процесс обычно повторяется в каждом

поколении, соответствующая расширенная семья приобретает постоянное существование во времени. Это постоянство во времени, характеризующее расширенную семью в отличие от других форм семейной организации, объединяет ее в один класс относительно постоянных социальных образований с унитарными родственными группами и общиной <...> Некоторые факторы, связанные с отношениями собственности, по-видимому, способствуют постоянству существования семьи во времени и таким образом содействуют развитию той или иной формы расширенной семьи. Там, где у людей нет практически никакого имущества или оно легко перемещается, отношения собственности не требуют постоянства существования семьи. Однако там, где главными объектами собственности становятся возделываемая земля, большие постоянные дома, места рыбной ловли, пастбища и иная недвижимость (в особенности если наиболее эффективная единица экономической кооперации превышает по размерам нуклеарную семью), каждая новая семья рекреации будет иметь тенденцию сохранять самые тесные отношения с семьей ориентации того из супругов, кто может рассчитывать на наследование недвижимого имущества. Таким образом, возможно, преобладающие формы собственности и способы наследования имущества могут быть факторами развития в обществе определенных форм расширенной семьи <...> Линтон рассматривает супружескую семью как изначальную семейную форму, связывая развитие кровнородственной семьи с целым рядом имманентных адаптивных преимуществ. К ним он причисляет постоянство ее существования, возможности, которыми она обладает в плане раннего развития социально адаптивных навыков, большую численность ее членов, а следовательно, более высокий потенциал кооперации, преимущества в отношении ухода за престарелыми, в плане самообороны, ее большую приспособленность в качестве гаранта имущественных прав и социального статуса» [Мердок 2003: 56, 60, 66].

Впрочем, вопрос о влиянии экономических факторов на формирование локальной расширенной семьи сложен и однозначно не решается. Безусловно, хуторская передаваемая по наследству недвижимость в виде древнескандинавского *одаля* была весьма значимым экономическим фактором, обеспечивавшим стабильность *ætt* во времени и патриархальный характер древнесканди-

навского общественного организма. Однако некоторые гораздо более архаичные социальные формы демонстрируют определенное сходство с *ætt* (при наличии, разумеется, существенных различий). Так, линидж австралийских *аранда* также состоял из трех нисходящих поколений родичей, управлялся патриархально и включал около 50 человек. Хотя в линидже, в этом архаичном обществе охотников и собирателей, кочующих по территории своих мифологических «первопредков», вероятно, линейное родство еще не осознавалось, его замещало осознание реинкарнации первопредков в ныне живущих членов линиджа. Соответственно, иным у австралийских аборигенов было восприятие времени, как пишет П.Л. Белков:

«Генеалогия является древнейшей категорией *линейного* времени и, кажется, совершенно чужда мифологическому сознанию. Вероятно, первоначальным импульсом возникновения линейности, т.е. четкого выделения патрилинейных или матрилинейных групп, явился переход к оседлому образу жизни (территориальная устойчивость социальных группирований предполагает разграничение линий наследования). И поскольку реинкарнационное родство аморфно в плане выделения линий происхождения, то в момент перехода к примитивному земледелию или его структурным аналогам общество может “застыть” в любой форме счета происхождения: патрилинейной, матрилинейной или билинейной <...> В известном смысле проблема классификационных систем родства имеет довольно простое графическое решение. Рассматриваемые системы необходимо представлять не в виде вертикальных линий, а в виде сети локальных тотемических центров, на “линии глаза” — как мифологический путь предков. Как пишет В.В. Бочаров, в форме реинкарнации первобытная интуиция фиксирует цикличность событий. Однако сама реинкарнация в данном случае является категорией не времени, а социального пространства» [Белков 2004: 223, 224].

Как бы то ни было, в древней Скандинавии уже по крайней мере со времен Тацита, вероятно, система расширенной патрилокальной семьи была неразрывно связана с передаваемой по наследству неделимой недвижимостью — *одалем*. Теоретически

и неделимый одаль, обеспечивающий патрилокальную расширенную семью средствами к существованию, и его владельцы, три поколения родичей, совместно проживающие в длинном доме, эти структурообразующие и в значительной мере самодостаточные экономический и социальный организмы, могли существовать сколь угодно долго в эстафете поколений. Однако внешние факторы, прежде всего экспансия феодальной культуры и общественной иерархии из континентальной Европы, прервали традицию и разрушили традиционное древнегерманское общество.

Необходимо отметить, что при всей универсальности организации родичей древнескандинавское общество демонстрирует и некоторые существенные особенности, определяющие его своеобразие. Главное отличие традиционных обществ индоевропейцев железного века, в том числе и древнескандинавского, от более распространенной по Земному шару модели, когда важные для коллектива решения (в том числе и по урегулированию кровнородственной вражды) принимаются советом старейшин, состоит в следующем: определяющую роль здесь играет народное собрание. Тинг был главным институтом общинной организации древних германцев. Возможно, подобное народоправство, называемое некоторыми «военной демократией», явилось следствием именно освоения общедоступных железных орудий и оружия. Например, важным фактором, вероятно, стало всеобщее вооружение мужского населения достаточно эффективным оружием со времен раннего железного века. Тут можно спроецировать на древность афоризм о том, что «Бог создал людей, а Кольт (и его револьвер) сделал их равными» — ту же роль защиты суверенитета личности сыграли топор, копье и меч свободных общинников железного века. Заметим в этой связи, что античный протополис времен архаики демонстрирует общественную структуру, сходную с древнеисландской и древнеирландской [Андреев 2004: 331–362; Ольгейрссон 1957].

О сходстве древнеисландского общества и архаического города-государства писали в XIX в. шотландский медиевист Уильям

Патон Кер и в наше время американский исландист Джесси Байок. Так, У.П. Кер в своей книге «Темные века» заметил, что «несмотря на свои весьма внушительные размеры, Исландия всегда оставалась во многом похожей на город-государство. Ее не слишком многочисленное население, хотя и было рассеяно, не было раздроблено, и четыре четверти Исландии с такой же страстью интересовались делами друг друга, как разные кварталы Флоренции. В сагах, где нет ничего важнее, чем частные дела частных людей, и где все сколько-нибудь значительные люди хорошо знакомы друг с другом, поездка из Городища [на юго-западе острова] в Островной фьорд [на севере] представляла собой не более чем поход в гости к соседу, когда заодно по дороге заходят еще и к паре других. Разные концы острова, удаленные друг от друга географически, социально находятся на одной улице. Не лежит на Исландии эта тень безличных людских масс и безымянных сил, пролагающих в других странах непреодолимую пропасть между историей и биографией» [Кер 1958: 200–201], (цит. по: [Байок 2012: 338]). Следует обратить внимание на определение Джесси Байока, особенно на его слова о «зачаточной стадии» «города-государства» — это привязывает модель к исторической перспективе, в которой можно рассматривать процесс эволюции индоевропейских обществ железного века от состояния, сходного с древнеисландским, к античному полису. Джесси Байок пишет: «Общество, хотя и рассеянное по просторам огромного острова, не дробилось на регионы, а было едино. Везде действовали одни и те же правовые и законодательные институты. Иначе говоря, можно назвать Исландию эпохи народовластия городом-государством в зачаточной стадии» [Байок 2012: 337].

Как мне представляется, совершенно справедлива высказанная впервые Г. Чайлдом в 1942 г. идея о «демократизирующем» влиянии технологий железного века на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело [Childe 1942: 183; Чайлд 1949: 76–77]. Как писал Ю.В. Андреев: «Освоение основных приемов выплавки и обработки железа в течение субмикенского (СМ) и протогеометрического (ПГ) периодов приблизило источ-

ники сырья к потребителю и тем самым позволило переориентировать всю греческую металлургию на внутренние ресурсы, сделав излишними систематически практиковавшиеся в микенскую эпоху далекие и дорогостоящие экспедиции за металлом. Резкое удешевление металла сделало его практически общедоступным. В связи с этим должны были сильно расшириться производственные возможности основной хозяйственной ячейки тогдашнего греческого общества, которой была, по всей видимости, патриархальная семья. Благодаря железным орудиям труда, более дешевым и вместе с тем более эффективным в работе, семья начинает постепенно высвобождаться из-под контроля более крупных общественных организмов <...> и превращается в тот автономный *ойкос*, с которым нам еще придется столкнуться на страницах гомеровских поэм» [Андреев 2004: 95, 98].

При этом, конечно, следует помнить, что вопреки мнению некоторых романтически настроенных публицистов, древняя индоевропейская община железного века при всем своем демократизме вовсе не была сусальным образцом всеобщего лада и согласия, где решения принимались в «соборном» согласии, а собственность на землю была коллективной. Еще в конце XIX столетия выдвинутая Лавеле, Риджуэем и Эсмейном т.н. «общинная теория», постулирующая наличие в древности коллективной собственности общины на землю как естественной, закономерной и продолжительной общественной стадии, вызвала немедленную резкую критику почти всех крупнейших авторитетов европейской науки, объединившихся под лозунгом «извечности и неизблемости принципа частной собственности» (хотя бы в форме неделимой собственности живущего совместно ограниченного коллектива родичей и их супругов) [Андреев 2004: 214]. На самом деле главной ячейкой индоевропейского общества железного века была патрилокальная расширенная семья, которой и принадлежала неделимая собственность. Общинные сходки, подобные скандинавскому тингу или собранию древних греков гомеровского времени на агоре, главным образом выполняли функцию урегулирования кровной вражды между патрилокальными расши-

ренными семьями. Зачастую они превращались в ожесточенные схватки между противоборствующими сторонами — семьями убитого и убийцы, их дальними родичами и поддерживающими стороны представителями родовой знати. Часто более слабую сторону перекрикивали или оттесняли, нередко дело доходило до открытого сражения. Тем не менее выступающим на народном собрании следовало хорошо знать традиционные законы кровно-родственного общества и говорить в соответствии с определенной процедурой. Очень хорошо противоречивость народо-правства традиционных индоевропейских обществ на материале гомеровского общества показал Ю.В. Андреев. Он, в частности, писал:

«Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодавяющий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие варварской общины. Всякому, кто изучал родовой строй... будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов дочи́нгисхановского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки. Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность. Даже в душе Гектора, этого стойкого и, казалось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради города и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на троянской агоре (Ил. VII, 345 sqq.). Подобно всем

остальным Приаидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противостоит общине как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие родичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od. XVIII, 139 sq.): “Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил незаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих”. Эти слова звучат прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела <...> Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии (Od. XXIV, 463 sq.)» [Андреев 2004: 351–352].

В знаменитой исландской «Саге о Ньяле» содержится много ярких описаний собраний древнегерманского тинга. Например, повествуется о том, как вовлеченные в кровную вражду стороны передают решение дела на усмотрение тут же, на тинге, делегированных сторонами третейских судей, которые назначают возмещение — громадный вергельд, и даже сами обязуются уплатить львиную его долю на благо общинного мира. Однако вергельд не устроил потерпевшую сторону, распря возобновилась. У этой истории трагическая развязка — патрилокальная расширенная семья убийц (сыновей Ньяля) и сам патриарх, почтенный Ньяль, с супругой гибнут на своем хуторе, в своем длинном доме, подожженном кровниками во главе с Флоси. Сожжение в доме уже считалось тяжким преступлением. Таким образом, мы видим, что от реальной жизни традиционной общины до образа пасторального «общинного лада» было очень далеко.

Глава 3

Древнеисландское общество по родовым сагам

И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без... жандармов и полицейских, без дворян... наместников, префектов... без тюрем... все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются <...> Но не забудем, что эта организация была обречена на гибель.

Фридрих Энгельс.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Дай мне какойнибудь полезный совет, говорит Гуннар.

Отчего же, дам, говорит Ньяль, никогда не убивай более одного человека из одного и того же рода и ни когда не нарушай мира, что добрые люди заключили меж тобой и твоими противниками.

«Сага о Ньяле», гл. 55

3.1. Постановка проблемы

Существеннейшая черта культуры архаического общества — дописьменный, устный характер передачи информации и, следовательно, всей традиционной культуры.

В эпическом сказительстве устный характер передачи диктовал необходимость использования варьирующихся согласно поэтике единиц устного языка сказителя т.н. формул для возможности свободной импровизации внутри известных слушателям тем. Как правило, это делалось под ритмичный аккомпанемент музыкального инструмента.

Рассказы о предках и их деяниях, передававшиеся от очевидцев событий от поколения к поколению и затем зафиксированные

письменно, — это исландские родовые саги. В арабской традиции наблюдается полная аналогия такого способа передачи рассказа о древних, причем письменный фиксатор перечисляет персоналии — очевидца событий и цепь передатчиков, которых фиксатор исландской саги не отмечает. Однако сам тематический характер саг, состоящий из сочных рассказов о живых людях, позволяют предположить, что и здесь мы имеем дело с подобным характером устной передачи информации.

В главе на материале исландских родовых саг будут показаны традиционные формы взаимодействия присущих древнескандинавскому обществу коллективов родичей — патрилокальных расширенных семей, ведущих наследственное хозяйство — одаль. Следует рассмотреть обычай кровной мести и его влияние на психологию исландцев, а также важнейший институт урегулирования родовых тяжб — народное собрание (тинг) и порядок его проведения.

Автор стремится преодолеть односторонний взгляд на древнеисландское общество, рассматриваемое обычно только как совокупность статичных структурных единиц — расширенных семей с наследственными хозяйствами (одалями), взаимодействие которых не рассматривается подробно. Также следует отметить, что я категорически против романтизации «родового общества» [Ольгейрсон 1957: 47–50, 91–95, 110–113, 115–130, 162–179, 209–235] или попыток видеть в Исландии X–XI столетий черты современного общества, например разделение законодательной и судебной власти [Larusson 1966: 123–126; Larusson 1956: 136–137].

Общая типичная динамика развития распри коллективов родичей, привлекающих на народное собрание своих сторонников, влиятельных людей — годи и богатых бондов, четко показана в новой книге Уильяма Шорта, посвященной людям саг — исландцам эпохи викингов, преимущественно по небольшой, однако самой известной саге Восточной Четверти — «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра» [Short 2010: 46–48]. Чрезвычайно простой и ясный сюжет и небольшое количество действующих лиц в «Саге

о Хравнкеле» позволяют проследить главное в развитии распри коллективов родичей, так сказать, скелет распри (споры касательно времени создания саги и правомерности ее использования в качестве исторического источника см.: [Nordal 1958; Scovazzi 1960; Halldórsson 1976]).

В этой саге рассказывается о том, что в середине X столетия один хозяйственный и могущественный годи Восточной Четверти, жрец Фрейра Хравнкель, который никогда никому не платил виры и предпочитал решать конфликты на поединках (*ójafnaðarmaðr* — «заносчивый человек, беспредельщик»), убил своего работника Эйнара, сына Торбьёрна, за то, что тот, несмотря на предупреждение, проехался на табуированном, посвященном богу плодородия Фрейру коне по имени Фрейфакси.

Родичи убитого, его отец Торбьёрн и его племянник Сам, смогли на альтинге получить поддержку двух годи из Западных фьордов, которые взялись вести это дело.

На альтинге могущественный годи Хравнкель был объявлен вне закона («лесным человеком»). Таким образом, кто угодно и прежде всего родичи убитого, получили право легально вершить над ним самую жестокую расправу. Решение альтинга в «Саге о Хравнкеле», осудившего сильного вождя-жреца за убийство бедного работника, даже совершившего осквернение дохристианского сакрального животного, прекрасно характеризует эгалитарный в правовом смысле характер древнескандинавского общества.

Отряд, состоящий из сторонников кровников Хравнкеля — Сама, Торбьёрна и тинговых людей их союзников, годи из Западных фьордов, неожиданно нападает на хутор Хравнкеля. Осужденный альтингом годи подвергается истязанию — его вешают на балке в сарае, проколов сухожилия. Годи советуют Саму и Торбьёрну убить Хравнкеля, но Сам щадит своего кровного врага, конфискуя в свою пользу недвижимое и движимое имущество Хравнкеля и изгоняя его из долины.

Практичный и оборотистый Хравнкель вскоре добивается процветания и влияния на новом месте. Несколько лет спустя по наущению служанки он мстит, убивая брата Сама Эйвинда, кото-

рый долгое время находился за пределами Исландии и, соответственно, не принимал участия в распри. Однако убийство этого, по словам подстрекательницы, «видного (или хорошего) человека», который при этом являлся родичем кровного врага, вполне соответствовало этике древнескандинавского общества родичей, так как субъектами права тут выступали вовсе не личности, а враждебные друг другу коллективы родичей.

После этого Хравнкель захватывает Сама на его хуторе, но не убивает его, а возвращает в то же скромное имущественное и социальное положение, которое было до распри, — Хравнкель дает Саму его прежний хутор Дом Игрищ. Таким образом, сага вполне реалистично рисует как правовое равенство исландцев X в., так и фактический выигрыш, который приобретал статус годи (тем более что успеху способствовали неординарные личные качества годи Хравнкеля и легкомыслие недалекого Сама, который не внял предостережениям и, захватив в свое время одаль Хравнкеля, стал жить там в свое удовольствие «на широкую ногу») [Исландские саги. Ирландский эпос 1973: 138–162].

Уильям Шорт следующим образом весьма удачно описывает динамику серьезной распри коллективов родичей, которая показана в родовых сагах часто как разрастающаяся до масштабов крупного социального конфликта, проявляющегося на тинге, где судьи-арбитры стремятся урегулировать распрю преимущественно выплатой возмещения коллективу родичей убитого, которую был обязан выплатить убийца:

«In the cases recorded in the sagas, it was more likely that the settlement was rejected, leading to heated words, then insults and other words meant to dishonor. The disagreement often escalated to minor violence, to seizure and destruction of property, and then to injuries and killing.

As the disagreement grew in scope, men sought the support of others to help them in the struggle, bringing larger groups of men in to the feud. The allies might be family members or neighbors, but typically, support of more powerful people was sought. As a result, the hostilities moved up the social scale.

A farmer having a disagreement with a neighboring farmer might ask his *goði* to serve as his advocate. The *goði* rounded up men to support him, forcing the other farmer to go to his *goði* to do the same, bringing more and more people in to the struggle. One *goði* might ask other *goðar* for support, forcing the *goði* on the other side of the dispute to follow suit, further escalating the magnitude of the conflict.

When the conflict reached the stage where it threatened the order of the society, it was halted, typically by the intervention of third parties who had links to both sides of the dispute, but who were not necessarily related by kinship.

Usually, the two parties entered into some form of arbitration. Advocates might broker an arrangement, seeking to balance the loss of life, loss of property, and loss of honor. Advocates could force the two parties to come together by threatening to upset the balance of power, either by withdrawing support from one side, or by throwing support to the other side. The threatened change in balance could force the two conflicting parties into negotiations.

Occasionally, the solution was a duel between the leading men on each side of the feud. More often, the solution was a duel between the leading men on each side of the feud. Often, the solution involved payments of tangibles (such as silver) or intangibles (such as *goðorð* or similar authority). Solutions also involved sentences of outlawry. Since it was necessary that the solution stick in the absence of any police force or authority, the resolution of a feud sometimes included a re-arrangement of family ties, such as marriages, or the exchange of foster-children, to bind the two sides together.

The formal court system of Iceland usually did not provide the function of halting the feud. Rather, the courts were often used as a way to escalate the feud as one side forced a legal judgment upon the other. Court cases were sometimes used as a way to search for a settlement, rather than forming the basis of the settlement.

The state in saga-age Iceland was based on a delicate balance between moderation, on one hand, and aggression, on the other. Icelanders differed from other feuding societies in world history in that Icelanders were much more willing to find a compromise. Prolonged violence was not economically feasible; Iceland was a farming society, not a military society.

In addition, Icelandic society had many affinity groups, which could limit the size of the feud. There existed kin groups, *goðar-þingmenn*

groups, and other friendship groups. As a feud grew, individuals might easily find themselves with conflicting loyalties because they belonged to groups having loyalties on both sides of the feud. When the feud grew too large, some people might be forced to switch sides or withdraw support from the feud.

When large groups assembled for combat during a feud, it usually signaled consensus — that violence had escalated to the level where it was time to reach a settlement” [Short 2010: 47–48].

Общая динамика стереотипной родовой исландской распри обрисована У. Шортом достаточно ясно. Хотя хотелось бы высказать некоторые замечания.

На мой взгляд, суждение У. Шорта о мирном характере древнеисландского общества спорно. Масштабы насилия в каждом конкретном случае определялись характером конкретной распри, и делать односторонние обобщения о превалировании мести или заключения мира с выплатой возмещения, как мне представляется, рискованно.

Ученый выдвигает ценную мысль — раздробленность древнескандинавского общества на патрилокальные расширенные семьи, вполне экономически самостоятельные субъекты права, действительно позволяла избежать жестокого, без надежды на мировую столкновения гораздо более крупных коллективов родичей при осуществлении кровной мести, как это зачастую имело место в других обществах, где также был принят обычай кровной мести, но общество состояло из гораздо более многочисленных конгломератов семей или «родов». На это также справедливо обратил внимание Джесси Байок [Байок 2012: 337–356].

После краткого введения в проблематику социальных взаимодействий в древнеисландском обществе перейдем к более внимательному рассмотрению этих определяющих жизнь древнескандинавского общества правовых отношений, как позволяют нам подробные описания саг об исландцах.

3.2. Исландские родовые саги как исторический источник

Как специалист по материальной культуре древних скандинавов отмечу, что в исландских родовых сагах легко опознать реалии материальной культуры эпохи викингов. Так, в «Саге о Ньяле» (19 наиболее старых списков датируются 1300–1550 гг.) в повествовании о сожжении семьи Ньяля сказано, что когда из горящего хутора, прикрывшись женской накидкой, ускользнул сын Ньяля Хельги, то он, защищаясь от дружинников Флоси, отрубает одному из них низ щита вместе с ногой. Для обозначения низа щита используется слово, означающее рыбий хвост: «*hann hafði haft sverð undir hendi sér ok hjó til mannz ok kom l skjöldinn ok af sporðinn ok fótinn af mannum. Þá kom Flosi at ok hjó á hals Helga, svá at þegar tók af höfuðit*» [Стеблин-Каменский 2002: 203] — «У него под рукою был меч, и он рубанул человека, и меч вошел в щит и отрубил хвост щита (sporðr, с суффиксированным артиклем -inn — “хвост рыбы, низ щита” [Стеблин-Каменский 2002: 264]) — и ногу человека. Тогда подошел Флоси и рубанул Хельги по шее так, что отлетела голова» (перевод мой. — И.Г.). Таким образом, следует думать, что здесь речь идет о большом миндалевидном щите, получившем широкое распространение как раз в XI столетии. Воины с такими щитами показаны на гобелене из Байо, изображающем битву при Гастингсе [Rud 1994: 82–83].

В «Саге о людях с Песчаного берега» описывается богато украшенное серебром навершие меча Стейнтора, который у него был в мелком родовом столкновении на мысе Снежной горы в Западных фьордах Исландии или, как это событие громко называет сага, битве при Лебедином фьорде (997 г.), причем подчеркивается устный характер информации (см. приложение).

Как повествует сага, «*ok er svá frá sagt*» — «говорят», что «*hjöltin váru hvít fyrir silfri, ok vafiðr silfri meðalkaflinn ok gyldar listur á*» — «навершие (то есть части составного навершия меча) те были обделаны (букв. «побелены») серебром, и обвита серебром рукоять та, и [были] золотые пластины на [ней]». Не следует

путать древнеисландские слова для обозначения навершия меча — *hjolt* — и для именованя рукояти — *meðalkaflí*, как это сделано в общем превосходном переводе саги А.В. Циммерлинга [An Icelandic-English dictionary 1957]).

Таким образом, в саге дано описание типичного оружия эпохи викингов, то есть франкского, каролингского по происхождению меча с составным навершием. Такие мечи как в Норвегии эпохи викингов, так и в Восточной Европе того времени (IX–XI вв.), судя по археологическим данным, были массовым материалом. Для некоторых особо роскошных типов таких мечей было характерно обвитие рукояти серебряной проволокой и покрытие навершия и перекрестия серебряными пластинами, орнаментированными в зверином стиле [Петерсен 2005: 43–45]. Судя по всему, у Стейнтора был меч типа S, который по Яну Петерсену датируется как раз второй половиной X в., что совпадает с временем битвы при Лебедином фьорде, которая здесь описывается (997 г. н.э.). Классик скандинавской археологии описывает меч типа S следующим образом:

«Для него столь же характерны утолщенная центральная часть головки навершия и прямые перекрестья, расширяющиеся на концах <...> Рукояти типа S снова становятся массивными и тяжелыми, подобно ранним типам первой половины IX в. Основные наиболее характерные черты этого типа — утолщенная, почти шаровидная центральная часть головки навершия и выпуклые, не имеющие ребра стороны перекрестий <...> Навершие трехчастное, с крупной центральной частью и более низкими и меньшими по размеру крайними частями. На центральной части головки навершия также могут быть канавки или уступы, отчего она может показаться пятичастной. Детали рукояти подлинного типа S всегда покрыты орнаментированными серебряными пластинами <...> Орнамент всегда изысканный — не в виде простых вертикальных полосок, а плетеный или даже в зверином стиле. На многих мечах на торцевых сторонах перекрестий сохранились тонкие серебряные пластины с более простым геометрическим узором. Все клинки, которые можно определить, двулезвийные; 3 из них с клеймом *Ulfberht* <...> На рукояти одного меча сохранилась обмотка из серебряной про-

локи (С22138а из Вестерхауга, Лётен (Хедмарк). Аналогичная известна только на трех мечах типа Z [мечи типа Z более характерны для Восточной Европы. — И.Г.] <...> При датировании мечей типа S следует обратить внимание на то, что в комплексах отсутствуют категории вооружения, характерные для IX в. <...> Однако два топора типа L позволяют датировать тип второй половиной X в. Уверен, что к этому же времени относится топор типа M из того же комплекса, что и наконечник копья с гранями на втулке <...> “Погремушки” из двух комплексов относятся не к самым поздним типам, но к позднему главному типу <...> Я нашел один меч типа S и в Англии. На рукояти меча, очевидно, найденного в Темзе, сохранилась обмотка из серебряной проволоки, аналогичная обмотке двух норвежских мечей <...> И наконец, меч этого типа известен в Исландии, где найден в комплексе с копьем и топором типа K. Интересно, что данная находка подтверждает, что здесь этот тип не относится к раннему периоду эпохи викингов» [Петерсен 2005: 173–178].

Впрочем, в сагах имеются и явные анахронизмы. К таковым, например, можно отнести упоминание в *Egs* огромного топора Грима Лысого (начало X в.), напоминающего позднесредневековые алебарды XIV–XV вв.

Формулы клятвы Мёрда, предваряющей тяжбу, в «Саге о Ньяле» в точности совпадают с архаичной клятвой на священном кольце годи, предварявшей тяжбу в дохристианские времена согласно «Законам Ульвльота» по тексту, зафиксированному в «Книге о взятии земли» Ари Торгильссона (см. приложение, с. 190). Это сильный аргумент в пользу исторической достоверности уникального подробного описания тяжбы в «Саге о Ньяле», в котором приводятся юридические формулы, которые должен был произносить истец, свидетели-соседи и сторона ответчика.

Однако главным аргументом в пользу исторической достоверности социальных отношений, описанных в исландских родовых сагах, по моему мнению, является сохранение вплоть до эпохи записи саг традиционного характера конфликтов коллективов родичей и способов их урегулирования, что очень хорошо видно по «Саге об Исландцах» Снорри Тордарсона.

Таким образом, в текстах классических родовых исландских саг представлены как социальные, так и материальные реалии как времени записи саг, когда продолжал играть ведущую роль долг кровной мести, так и времени описываемых событий.

3.3. Взаимоотношения годи и их тинговых в микрорегионе Исландии в конце X в. н.э. Покровительство годи, справедливость и закон, борьба за имущество

Ни одно общество не обходится без властных структур и систем перераспределения власти, без соответствующих ценностей. В случае догосударственных обществ анализ этих феноменов невозможно провести на материале общества в целом наблюдая последнее, мы можем быть жертвой иллюзии, будто имеем дело с обществом равных, когда на самом деле речь идет лишь об отсутствии централизованной универсальной политической иерархии. Для адекватного анализа в таких ситуациях требуется изучать структуры масштабом поменьше и задачей становится определить крупнейшую общественную единицу, которая в действительности осуществляет принятие решений (или же некую группу, отличающуюся единством в рамках такой единицы).

Роберт Левин.

*«Интернализация политических ценностей
в догосударственных обществах»*

Несмотря на равенство исландцев согласно древнегерманскому праву, никто не мог добиться успеха в тяжбе без помощи влиятельных вождей-жрецов — древнеисландских *годи*. Годи не только содержали храм (он же — пиршественный зал, приложение, с. 205–207), не только помогали своим тинговым и союзникам при ведении тяжб и выражали свое согласие на назначение судей,

не только ездили со своими тинговыми на народное собрание, но и конкурировали между собою за сферы влияния и при случае могли, с согласия своих клиентов, присваивать себе хуторскую недвижимость в округе. Все это подробнейшим образом показано в главах 30–31 «Саги о людях с Песчаного берега» [Буоск 1982: 152–154; Miller 1984; Байок 2012: 165–190]. Эта сага, вероятно, является самым ценным источником о годи и их функциях.

Упоминаемые в рассматриваемом эпизоде саги участки хуторов вольноотпущенников Эрлюга и Ульвара и хутора годи Арнкеля конца X в. хорошо прослеживаются на археологических раскопках [Thórðarson 1932]. Хотя не очень корректно привлекать для анализа юридической обоснованности действий упоминаемых тут персонажей гораздо более поздний исландский свод законов «Серый Гусь» (XII–XIII вв.), как это сделано у Д. Байока и А.В. Циммерлинга [Байок 2012: 167, 173–176, 180, 182–183; Исландские саги 2004, 2: 307], практика саги вполне согласуется с нормами «Серого Гуся» (например, претензии сыновей Торбранда на имущество своих вольноотпущенников были вполне правомерны, см.: [Ingvarsson 1970: 316; Nastrup 1985]).

На мой взгляд, Д. Байок достаточно тенденциозно пересказывает эту историю. В саге действительно рассказывается о соперничестве двух годи, Арнкеля и Снорри Годи, но годи Арнкель все не выглядит таким презирающим общество нарушителем норм умеренности, захватывающим собственность бондов, а проявивший изрядное коварство и точно выбравший время для устранения соперника Снорри Годи не кажется умеренным блюстителем законных прав бондов.

Единственный действительно отрицательный персонаж тут — Торольв Скрюченная Нога — бывший свирепый викинг, превратившийся в эгоистичного, злобного и склочного старика, падкого на чужое добро. Он притесняет Ульвара, рачительного хозяина, являющегося вольноотпущенником живущих недалеко сыновей Торбранда. Сначала Торольв крадет сено Ульвара, черной неблагодарностью отплатив ему за добрый хозяйственный совет, а затем его рабы поджигают хутор Ульвара (поджог не удал-

ся, поджигатели были схвачены и повешены людьми Арнкеля) и последний был вынужден обратиться за помощью к сыну Торольва, годи Арнкелю, стать его клиентом и передать ему право на свой участок (приложение, с. 138–141). Вопреки Байоку, можно сказать, что Арнкель поступил благородно, взяв под свое покровительство Ульвара. Конечно, он не мог сделать это бескорыстно. Ульвар передал своему покровителю годи право на свою землю, а после смерти своего брата Эрлюга — также права и на его хозяйство. Конечно, Арнкель не вполне законно, но по договоренности с Ульваром присвоил себе хозяйство Ульвара после его убийства по наущению Торольва, потому что сыновья Торбранда действительно имели преимущественное право наследовать своему вольноотпущеннику, но Арнкель просто выполнял условия договоренности со своим клиентом.

В свою очередь, на Снорри Годи сперва вовсе не действовали подстрекательства злобного Торольва против своего сына Арнкеля, а также увещевания сыновей Торбранда, стремившихся вернуть себе землю своих вольноотпущенников. Только когда Торольв, желая привлечь на свою сторону могущественного годи со Священной горы, чтобы насолить в то время не менее влиятельному своему сыну Арнкелю, передает Снорри Годи право на ценнейший в округе, еще не сведенный к концу X столетия лес Вороньего мыса, начинается противостояние Снорри Годи и Арнкеля. Однако следует думать, что вначале Снорри выступил на стороне Торольва. Скрюченная Нога формально, так как на тинге никакая вира Арнкелю за убийство поджигателей — рабов Торольва — так и не была назначена. Поэтому Торольв был очень недоволен «заступничеством» Снорри Годи (приложение, с. 141–145).

Когда умирает брат Ульвара Эрлюг, его хозяйство, Дворы Эрлюга, Ульвар передает своему покровителю годи Арнкелю в обмен прав своих бывших хозяев, сыновей Торбранда. Сыновья Торбранда жалуются Снорри Годи, но получают отказ (приложение, с. 146–147).

Злобный Торольв Скрюченная Нога никак не может успокоиться, и подосланный им наемный убийца Гильс Ведун убивает

Ульвара. Люди Арнкеля настигают Гильса Ведуна и приканчивают его, а отношения Арнкеля со своим отцом Торольвом еще более ухудшаются. Арнкель забирает себе хутор Ульвара, который тот завещал ему, а сыновья Торбранда опять получают отказ на просьбу о покровительстве Снорри Годи: осторожный и расчетливый Снорри упорно не хочет ссориться из-за чужих имущественных интересов с годи Арнкелем (приложение, с. 147–151).

Логично, что реальное противостояние Снорри Годи и годи Арнкеля начинается вследствие прямого столкновения их имущественных интересов уже после смерти Торольва Скрюченная Нога (приложение, с. 151–153), когда лес Вороньего мыса реально перешел в полное распоряжение Снорри Годи. Причем тут Снорри действует достаточно бесцеремонно, а его «проводатый» (*fylgðarmaðr*) Хаук (Крюк) первым нападает на Арнкеля, который отражает нападение и сражает Хаука, и в тяжбе об убийстве этого раба правым на тинге вполне резонно признается Арнкель, который в данном случае защищался (приложение, с. 153–155).

Очень похоже, что пытавшийся убить Арнкеля преступник по имени Торлейв, которому не дал приюта Снорри, был подослан именно им как наемный убийца (приложение, с. 155–157).

Наконец, подстрекательство Торлейва Кимби, одного из сыновей Торбранда, на пиру действует, и Снорри Годи дает сыновьям Торбранда добро на убийство Арнкеля. Арнкель доблестно пал зимой на сеновале, защищаясь от многочисленных врагов. Ему дается положительная посмертная характеристика. Правда, убийцы Арнкеля не понесли сурового наказания, вероятно, как благодаря казуистическому искусству Снорри Годи, так и тому обстоятельству, которое подробно комментируется в саге — сторной истца здесь выступают только женщины, что было признано по этому прецеденту недопустимой практикой (приложение, с. 157–164).

Как бы то ни было, история соперничества Арнкеля и Снорри ясно показывает, что юридическое равенство, наличествующее в древнескандинавском обществе, отнюдь не означало равенства фактического. Бондам невозможно было добиться успеха в реше-

нии их споров без помощи могущественных вождей-жрецов — годи. Сами годи активно использовали свое влияние, в частности дабы заполучить имущество своих клиентов. Известно, что впоследствии, в XIII в., концентрация земельной собственности в руках годи фактически сделало древнеисландское тинговое народоправство формальностью. Далее, неприязненные взаимоотношения Арнкеля и его отца Торольва показывают, что зачастую взаимоотношения годи и их тинговых, а также годи между собою выходили на первый план, затеняя долг кровного родства. Также из этого эпизода видно, что вольноотпущенники, бывшие рабы-трэли, мало в чем уступали по статусу обычным исландским бондам и вполне могли быть крепкими хозяйственниками, такими как Ульвар.

3.4. Долг кровной мести и его определяющие следствия для общественной психологии древних исландцев

Издrevле обычай кровной мести был священным долгом мужчины и воина, и даже вскоре после принятия христианства на альтинге подобное представление сохранялось в обществе, как свидетельствует 106 глава «Саги о Ньяле». Здесь слепому юноше Амунди Бог временно дарует зрение, чтобы тот мог отомстить за своего отца, убив своего кровного врага Лютинга, который насмехается над ним (приложение, с. 164–166).

В «Саге о людях с Песчаного берега» рассказывается, как воин Стюр в битве при Лебедином фьорде (997 г. н.э.), отважно сражаясь, сначала убил человека в противостоящем отряде, но затем, когда вождь вражеской дружины Снорри Годи попрекнул его за несовершенство долга кровной мести в отношении Стейнтора — его родича, в дружине которого Стюр и сражается, Стюр примыкает к дружине Снорри Годи и убивает человека из дружины Стейнтора! Таким образом, долг кровной мести стоял выше воинской дисциплины и верности военному вождю (приложение, с. 167–172).

Противостоящие дружины рассказчик саги воспринимает как аналоги враждующих коллективов родичей, этих основных

субъектов архаического права, потому личности убитых Стюром людей не важны, они даже не упоминаются по именам. Важна эквивалентная плата кровью.

Мужчина мстит, а защищенная законом женщина подстрекает к мести. Такова главная, отнюдь не романтическая роль женщины в сагах (о подстрекательстве к мести см.: [Jakobsson 1998a: 17–19; Vuock 1982: 87–90; Байок 2012: 301–313; Губанов 2004: 25–27]). Поведение подстрекательницы обеспечивалось ее защищенностью в ходе распри, так как женщин и детей нельзя было убивать, в отличие от мужчин [Jakobsson 1998b].

Выразительно подстрекательство Хильдигуд к мести своего родича Флоси из «Саги о Ньяле». Это происходило вскоре после принятия христианства в 1000 г., и Хильдигуд под угрозой общественного остракизма закликает Флоси отомстить за своего родича Хёскульда, убитого сыновьями Ньяля после пустяковой ссоры. Флоси, понимая гибельность междуусобицы, изменился в лице, однако угроза общественного поношения заставляет его приняться за вербовку союзников для осуществления кровной мести (приложение, с. 172–174).

Предполагаю, что обычай накидывания окровавленных одежд убитого на мстителя при подстрекательстве женщины к мести был очень важным ритуалом в древнескандинавском обществе. Память о нем сохранила живая песенная традиция фарерской баллады — через тысячу лет после его бытования (приложение, с. 175)!

Подстрекая к мести, служанка Хравнкеля, жреца Фрейра и годи на востоке Исландии, призывает его напасть на родича его кровного врага Сама, которого звали Эйвинд, хотя тот не имел отношения к распре и приехал в Исландию после многих лет отсутствия. При этом она нахваливает его статный облик и вооружение, например блестящий щит, и использует для его характеристики слово *menntg*, которое означает человека видного, ладного, выдающегося [Губанов 2004: 26].

Для замирения враждующих семей использовали передачу ребенка в качестве заложника. Приемный отец был обязан любить

мальчика и заботиться о его воспитании (в «Саге о Ньяле» мудрый провидец Ньяль берет на воспитание мальчика Хёскульда, который так нелепо погиб от рук его сыновей впоследствии, когда вырос) [Губанов 2004: 30–32].

3.5. Судебная тяжба на народном собрании в Исландии

Рис. 1. Карта Исландии с указанием мест тингов

Судебная процедура на тинге подробно описывается в «Саге о Ньяле». При этом часто применялась процедура делегирования противостоящими коллективами родичей своих союзников в коллегию третейских судей, состоящую из 12 человек (о третейских судьях см.: [Heusler 1911: 40–41, 73–95; Heusler 1912: 43–58; Ingvarsson 1970: 319–380; Miller 1984; Wyock 1982: 102–106, 260–265]).

Подобный процесс описан в 122 главе «Саги о Ньяле». Однако, несмотря на усилия третейских судей, обмен издевательскими речами между сыном Ньяля Скарпхеდიном и Флоси приводит к срыву переговоров (приложение, с. 175–182).

После убийства семьи Ньяля (в 1010 или 1011 г.) проходит ряд тингов, региональных и общеисландских, на которых иск предъявляют родичи Ньяля, заручившись поддержкой людей Западных фьордов, а Флоси защищают люди Восточных фьордов. Кровник за Ньяля Мёрд договорился с известным толкователем законов Торхалем, сыном Асгрима, а Флоси поступил незачинно с точки зрения древнеисландской морали — он подкупил известного беспринципного крючкотвора Эйольва. От борьбы между этими знаками традиционного права зависел исход тяжбы.

В главе 142 «Саги о Ньяле» детально описывается процедура ведения тяжбы на тинге «по законам все-войска» (at allsherjar lögum), то есть вооруженного, по древнегерманскому обычаю, народа. Сторона истца, используя одинаковую терминологию, дважды предъявляла обвинение, затем два свидетеля предъявления обвинения (lýsingarvottar) слово в слово повторяли обвинения истца. Представлялись соседи места убийства (vettvangsbúar) — девять человек, которые выносили предварительный приговор. Наконец, три дюжины судей (dómendur) [Jóhannesson 1974: 66; Benediktsson 1974a: 180] выносили окончательный приговор по рассматриваемому на тинге делу об убийстве (приложение, с. 183–190).

Насколько можно доверять столь подробному описанию тяжбы сторон в «Саге о Ньяле»? Насколько отвечали реальности приведенные в саге юридические формулы обвинения, клятв соседей-свидетелей и речей истца?

Здесь в первую очередь следует сравнить текст юридической клятвы Мёрда (параграф 12) с сохранившейся в книге о первопоселенцах в Исландии, в «Книге о взятии земли» (о текстологии «Книги о взятии земли» см.: [Jóhannesson 1941; Rafnsson 1974: 13–67]; критику конкретных сведений «Книги о взятии земли» см.: [Bekker-Nielsen 1965: 35–4; Rafnsson 1974]; возражения критикам см.: [Benediktsson 1974b; Benediktsson 1969]), текстом древней дохристианской юридической клятвы на священном наружном кольце — браслете годи, которую привез, наряду с другими неписаными юридическими нормами, незадолго до учреждения альтинга около 930 г.н.э. в Исландию из Норвегии Ульвльот.

Эти первые, не сохранившиеся в полном объеме законы называют «Законами Ульвльота» (критическую точку зрения касательно древности «Законов Ульвльота» и норвежских «Законов Гулатинга», якобы взятых Ульвльотом за основу, см.: [Lindal 1969]).

Текстуально формулы клятвы истца Мёрда и формулы архаической клятвы на священном кольце «Законов Ульвльота» по тексту «Книги взятия земли» совпадают, за исключением того, что на место окропленного кровью жертвенных животных священного кольца годи положена Библия. Этот факт делает вероятным истинность текста подробнейшего описания процедуры тяжбы в целом, приведенного в «Саге о Ньяле», как традиции, идущей из глубины веков (приложение, с. 190).

Крюкотвор Эйольв сумел так запутать дело формальными придрками (имевшими, однако, в глазах древнеисландского общества большой вес), что стало невозможно добиться справедливости. Он обманом добился того, что сторона Мёрда вывела из состава коллегии судей шесть членов, чего не сделала сторона Флоси, в результате чего у коллегии судей оказался неправомочный численный состав. Таким образом, сторона кровников Ньяля проиграла иск. На тинге произошла крупная битва между людьми Западных и Восточных фьордов (в 1011 или 1012 г.). В битве люди Флоси потерпели поражение, и собравшийся после нее тинг решением 12 третейских судей теперь решил дело уже в пользу Мёрда и других кровников Ньяля (гл. 145).

Следует отметить что, как правило, противостоящим коллективам родичей удавалось примириться, когда была сполна выплачена подходящая вира. Однако преступник мог быть объявлен человеком вне закона (буков. «лесным человеком», то есть изгнанником). Это происходило, во-первых, если не была достигнута договоренность о приемлемой для кровников вине и, во-вторых, если было совершено слишком тяжкое по меркам архаического общества преступление (например, убийство близкого родича или женщины, которое не искупалось никакой вирой).

Вероятно, корни древнеисландских судебных процедур следует искать в глубинах архаики. Об этом говорит, в частности,

описание суда по древнему архаическому способу «суда у дверей» (*duradómr*, процедура которого была сходна с тинговой) с вредоносными восставшими мертвецами, наславшими на людей пагубное колдовство и мор, в гл. 53–55 «Саги о людях с Песчаного берега» (приложение, с. 191–199) (т.н. «чудеса на Вещей реке» в 1000–1001 гг. н.э., разбор этих событий как кровной мести мертвецов см.: [Ólason 1971; Вуокс 1982:131–133]).

3.6. Выводы

На материале саг выявляются следующие черты обычая кровной мести и урегулирования распри в народном собрании (тинге).

1. Чудо с Амунди, которого Бог временно исцелил от слепоты ради совершения мести за отца, указывает на высшую положительную оценку кровной мести, на ее сакрализацию (гл. 106 «Саги о Ньяле»).

2. Стюр, доблестно сражаясь в своей дружине, тем не менее игнорирует подчинение вождю своей дружины, убивает воина из нее ради совершения долга кровной мести (гл. 44 «Саги о людях с Песчаного берега»). Иначе говоря, традиции «горизонтального» взаимодействия равных в правовом отношении коллективов родичей были гораздо сильнее «вертикальных» вожеств, подчинения военному лидеру.

3. Защищенная законом подстрекательница к мести, судя по всему, не литературный образ, а социальная реальность (гл. 116 «Саги о Ньяле» — подстрекательство Хильдигуд). Обряд накидывания женщиной на мстителя окровавленной одежды убитого зафиксирован в фарерских балладах, бытующих в живой устной традиции до нынешнего времени.

Тинг проходил следующим образом:

1. Нередкая практика — формирование тяжущимися коллективами родичей коллегии третейских судей из своих влиятельных союзников (гл. 122–123 «Саги о Ньяле»).

2. Существовала неписаная, но четкая регламентация процедуры ведения тяжбы на тинге. После идущей с дохристианских времен и первоначально произносившейся на священном брас-

лете-кольце годи клятвы истца следовало предъявление иска истцом или его представителем, это делалось дважды, потом свидетели предъявления обвинения слово в слово вновь излагали дело. Затем соседи (места убийства), числом девять, не будучи родичами истца или зависимыми от него людьми, выносили предварительное решение по делу. Коллегия из трех дюжин судей (отвода отдельных членов которой могла потребовать сторона защиты, то есть сам обвиняемый, его родичи и сторонники (гл. 142–145 «Саги о Ньяле») выносила окончательный приговор (если это не был суд из 12 третейских судей).

3. Основным средством урегулирования распри было присуждение и выплата возмещения, которое должны были выплатить убийца и его родня (12 эйриров за раба-трэля, за свободного человека выкуп мог достигать нескольких сот эйриров, как за Хёскульда в «Саге о Ньяле»). В случае срыва договоренности или особой тяжести содеянного (убийства женщины или близкого родича) обвиняемый мог лишиться покровительства закона (стать изгнанником, «лесным человеком»), и в таком случае преступник мог быть безнаказанно убит, а его имущество могло быть конфисковано (гл. 13 «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра»).

Часть II

ГЛАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СКАНДИНАВИИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ — СВЯЩЕННЫЙ ПИР И КОРАБЛЬ

Глава 1

Об историчности описаний древнескандинавского священного пира в сагах

Древнескандинавские дома каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами фиксируются с римского железного века. Основная функция древнегерманского дома с центральным очагом или очагами — играть роль пиршественного зала, причем пиршество — *veizla* — зачастую носило сакральный характер, а священный пир был основным культовым действием древних скандинавов.

Устройство древнескандинавских домов, конечно, варьировалось в зависимости, скажем, от доступности дерева, но в своих главных чертах мало менялось на протяжении столетий. По хорошо сохранившемуся археологическому исландскому материалу выделяются два типа древнескандинавских домов с центральными очагами.

В малых домах с единственным центральным очагом крыша опиралась на два ряда деревянных столбов. Таковы, скажем, старорладожские постройки I яруса (кольцевой древнескандинавский хутор середины VIII в.) или хорошо сохранившаяся Грелина землянка в Исландии [Ólafsson 1979] (рис. 2).

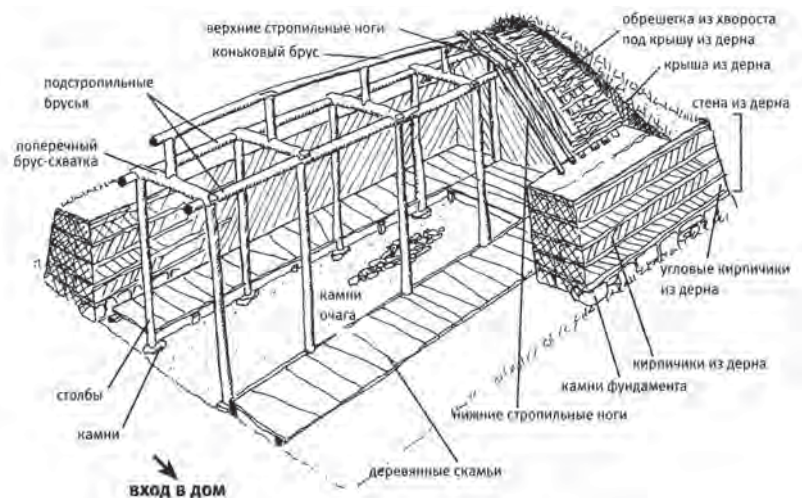

Рис. 2. Грелина землянка в разрезе. По Д.Л. Байоку

В больших длинных домах было несколько центральных очагов по оси здания и два ряда деревянных столбов. Несущие столбы с двух сторон здания позволяли разгрузить стены, в которых теперь было возможно сделать двери, ведущие к боковым пристройкам [Einarsson 1995]. Такова, например, огромная усадьба Борг на Лафотенских островах и хорошо сохранившийся, погребенный в результате извержения Геклы хутор Жердь в Исландии [Grønvald 1994] (рис. 3).

Такой тип жилища ясно прослеживается по крайней мере со времен римского железного века. Так, на поселении Гундеруп в Ютландии (Дания) Гудмундом Хаттом открыты и описаны типичные древнегерманские длинные дома. По кладу римских монет поселение датируется приблизительно 100 г. н.э. Типичный длинный дом в Гиндерупе имел 17 м в длину и 5 м в ширину. Западная его часть представляла собой жилое помещение и пиршественный зал, имела глиняный пол, два напольных открытых очага на центральной оси здания еще овальной формы. Крышу поддерживали два ряда деревянных столбов, всего их было две-

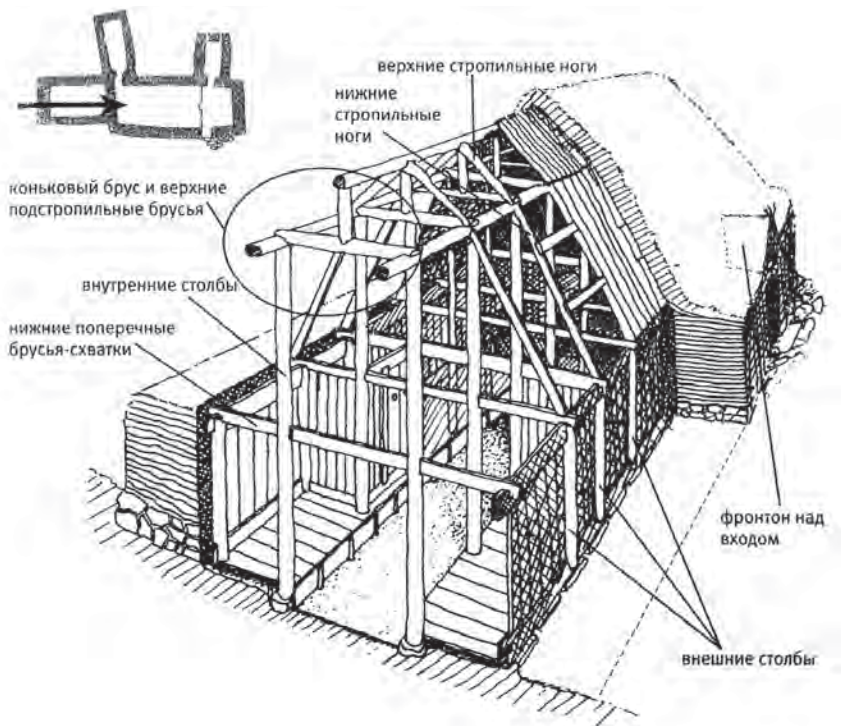

Рис. 3. Хутор Жердь в разрезе. Исландия. XI в. По Д.Л. Байоку

надцать. В восточной части дома из Гиндерупа, в помещении хозяйственного назначения, пол был земляной [Natt 1937: 168, 169, 171].

Функционально древнегерманский длинный дом каркасно-столбовой конструкции с центральными очагами по оси был приспособлен для проживания под одной крышей расширенной семьи из трех поколений родичей. Таким образом, архаическая социальная структура древнегерманского общества определила форму жилища. Подобные длинные дома существовали во многих традиционных культурах. Так, домохозяйство ирокезской расширенной семьи красочно описывается Льюисом Генри Морганом:

«Дома в их деревнях строились из переплетенных жердей и покрывались древесной корой. Длина их доходила до тридцати, пятидесяти, восьмидесяти и даже ста футов. Посредине дома шел проход, а в каждом конце была дверь. Внутри дом разделялся на помещения, отстоящие друг от друга на расстоянии приблизительно семи футов.

Образованные таким образом помещения, похожие на стойла, были открыты во всю ширину в сторону центрального прохода. Эти дома могли вместить пять, десять и двадцать семейств в зависимости от числа комнат, причем каждой семье обычно предоставлялось одно помещение. Домохозяйство строилось на принципе кровного родства. Замужние женщины, обыкновенно сестры, родные или коллатеральные, принадлежали к тому же самому роду или клану. Дома часто украшались изображениями символа рода или тотема. Мужья этих женщин и жены их сыновей принадлежали к различным другим родам. Дети состояли в роде матери. Хотя муж и жена принадлежали к различным родам, но большинство домочадцев были членами одного и того же рода, а именно рода матери <...> В каждом доме было несколько очагов, обычно один очаг на четыре помещения. Очаги помещались в середине центрального прохода, трубы в доме не было. Во главе каждого домохозяйства стояла женщина, которая и руководила всей домашней хозяйственной жизнью. Когда на всех очагах поспевала пища, приглашали домоправительницу, которая должна была распределять из котла еду для всех отдельных семейств в зависимости от их потребностей <...> Старая женщина племени сенека тридцать лет тому назад рассказывала автору этой книги, что, когда она была молодой девушкой, она жила в таком общинном доме, называвшемся у них “длинным домом”, в котором помещалось восемь семейств и имелось два очага, а ее мать и бабушка в свое время были правительницами таких огромных домохозяйств» [Морган 1934б: 42–44].

Еще более сходны с древнескандинавскими длинные дома каркасно-столбовой конструкции индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки, что объясняется как сходством базовой социальной структуры, состоящей в обоих случаях из патрилокальных расширенных семей из трех поколений родичей, живущих под одной крышей, так и значительным сходством при-

родных условий и ландшафтов Северо-Запада США и Канады и Северной Европы, в частности Норвегии. В отчете экспедиции Льюиса и Кларка 1805–1806 гг. на Северо-Запад США, цитируемом в последней книге Л.Г. Моргана, в частности, говорится:

«В обширных домах индейцев помещается обычно несколько семей, состоящих из родителей, их сыновей, невесток и внуков. Продовольственные запасы этих семей принадлежат всем сообща, и семейная гармония редко нарушается <...> Жена после свадьбы немедленно переезжает в семью мужа и живет в ней, пока семья чересчур не разрастается и не приходится искать другого помещения <...> Все дома в этой округе — это большие деревянные постройки, имеющие в длину двадцать — пятьдесят футов и в ширину 14–20 футов. Строятся они таким образом: в землю врываются два или несколько гладко обструганных столбов в зависимости от числа помещений. Высота столба над поверхностью грунта составляет 14–18 футов. Верхушки столба выдолблены таким образом, что в них удобно укладываются концы круглых балок, которые связывают все вертикальные столбы, образуя таким образом конек крыши всего здания. С каждой стороны первого ряда столбов устанавливается второй ряд высотой около пяти футов, образующий карниз крыши. Часто вся постройка врывается в землю на четыре — пять футов, таким образом, карниз крыши опущен очень низко. Между нижними и верхними столбами попарно укладываются балки, несколько более мелкие и крепко связанные с двух концов веревкой из волокна кедровой коры. Поперек этого ряда укладываются горизонтально два или три других ряда балок и укрепляются такими же перевязями из кедровой коры. Стены сделаны из белых досок, но они очень низки и верхний конец поднимается несколько выше карниза крыши. Точно так же делается фасад. Затем крыша покрывается двойным рядом тонких досок, и только в центре оставляется для выхода дыма щель в два — три фута. Войти в это помещение надо через узкое отверстие, вырезанное в стене с таким расчетом, чтобы в эту дыру могла пролезть человеческая фигура. Только самые большие дома разделяются на отдельные помещения, так как, вообще говоря, в одной комнате могут вполне свободно устроиться три или четыре семейства. В центре каждой комнаты оставляется квадрат в 6–8 кв. футов, углубленный в землю примерно на 12 дюймов и об-

шитый досками. Это место очага, который обычно растапливается сосновой корой. Кругом очага разостланы циновки, на которых можно и сидеть, и спать. Однако у индейцев есть и более постоянные постели, устроенные в виде нар. Для этого в двух или трех местах вколачиваются столбы приблизительно на расстоянии четырех футов от стены. К столбам этим прикрепляется один или два ряда досок, и, таким образом, по стене образуются своего рода нары, на которых индейцы спят и раскладывают свои изделия» [Морган 1934б: 47, 74–75].

Естественно, вместительный зал древнегерманского длинного дома мог служить и для дружинных пиров. Яркое описание пира дано в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне». В ней рассказывается, как Эгиль Скаллагримссон на норвежском о. Атлей на священном пиру в честь дис убивает человека конунга, который на предыдущем угощении не попотчевал Эгиля и его спутников пивом, накормив, однако, гостей мясом и хлебом и напоив кислым молоком и традиционной норвежско-исландской кисломолочной сывороткой. На пиру королева Гуннхильд и управитель Бард пытались отравить Эгиля, но знание рунической магии спасло скальда — он вырезал на роге с пивом, в который был подмешан яд, магические руны, окрасил их своей кровью, и зловерный рог лопнул. В темных сенях, при дверях пиршественного зала Бард пал мертвым от руки Эгиля, а спутник Эгиля Алвир тоже упал, мертвецки пьяный, сам же Эгиль сумел успешно ускользнуть в ночи от людей конунга Эрика Кровавая Секира (приложение, с. 199–205).

Описания главного культового действия древних скандинавов, называемого «пир жертвенной крови» (*blótveizla*), даны главным образом в двух древнеисландских источниках, основанных на устной традиции. Эти источники прекрасно дополняют друг друга, повествуя о событиях второй половины IX — середины X в. Я хочу рассмотреть здесь описание блотвейцлы в родовой «Саге о людях с Песчаного берега», в которой рассказывается о событиях конца IX в., и в королевской «Саге о Хаконе Добром», повествующей о событиях второй половины X в.

В работах, написанных преимущественно филологами, стало модным отрицать историчность описаний в сагах «пира (жертвенной) крови», этого главного культового действия древних скандинавов. Как правило, из них хотят сделать нечто вроде сатирического нравоучительного памфлета против язычества, написанного христианским монахом. Так, А.В. Циммерлинг в комментариях к своему превосходному переводу «Саги о людях с Песчаного берега» пишет:

«Сообщения о суеверных первопоселенцах, которые якобы запрящали “глядеть на священную гору невымытым” и “посвящали” детей “своему другу Тору”, явно вносят комический эффект. К тому же интерес исландцев XIII в. к своему прошлому не опирался на какую-либо традицию или среду, где языческий культ мог отправляться <...> Против этого можно возразить, что мифологические песни “Старшей Эдды”, в которых нетрудно найти сообщения о действиях жрецов, были впервые записаны в том же XIII в. Однако передача языческих (по происхождению) текстов не равнозначна сохранению дохристианской обрядности: сведения о последней могут быть точными лишь в том случае, если отправление культа не прерывалось. <...> Возможность записи в 1220-е годы такого текста, как “Младшая Эдда”, одновременно являющегося руководством по скальдической поэзии и компедиумом языческой мифологии, наглядно свидетельствует о том, что язычество к этому времени перестало быть угрозой для христианского общества и могло рассматриваться как *культурное наследие*, интерес к которому не является чем-то предосудительным. То же самое справедливо и по отношению к описаниям капищ в родовых и королевских сагах, тем более что они обычно сопровождаются нравоучительными или ироническими комментариями» [Исландские саги 2004, 2: 294–296].

В этом длинном пассаже я не вижу весомых аргументов против историчности описаний культа в сагах. «Комический эффект» явно может представляться только модернизатору психологии древних. Совершенно необязательно практиковать вплоть до времени записи саг дохристианский культ, чтобы сохранить историческую память о нем. Гораздо более удивительно как раз сохранение мифологических текстов «Эдды». Олав Ульсен, автор первой объемной

монографии о древнескандинавском культе и храме, высказывал сомнение в историчности описаний культа в «Книге о взятии земли», аргументируя это тем, что сведения об этом могли быть почерпнуты из саг [Olsen 1966]. При этом ученый не аргументирует, почему сведениям саг по этой части нельзя доверять (вероятно, тут сказывается предубеждение школы Сигурда Нордаля против рассматривания саг как исторических источников в принципе).

Также неясно, почему ряд исследователей рассматривает важнейшую фигуру древнескандинавского вождя-жреца, годи, который поддерживал храм и приводил своих тинговых на народное собрание, чисто исландским новообразованием. Д. Байок, почему-то также склоняющийся к этой версии, приводит ссылки на упоминание этого «титула» в старших и младших рунических надписях континентальной Скандинавии и на упоминание чело- века по имени Торхадд, который был годи в норвежском Грандхейме, в «Книге о взятии земли». Исследователь пишет: «Имеется норвежская надпись старшими рунами, датированная около 400 г. н.э., где, видимо, содержится это слово. Его же читают на нескольких датских рунических камнях с острова Фюн, датированных IX и началом X в. [Benediktsson 1974a: 172; Wimmer 1899–1901, 2: 346–351, 352–361, 368–383; Magerøy 1965: 31–33] <...> “Книга о взятии земли” (гл. 297 “Книги Стурлы”, гл. 258 “Книги Хаука”) упоминает некоего Торхадда из Грандхейма, который был в Норвегии “капищным священником” (дисл. *hofgodi*), а в Исландии поселился в Восточных фьордах» [Байок 2012: 159].

Надо сказать, что упоминание *hofgodi* в «Книге о взятии земли» — это свидетельство существования годи в Норвегии во времена исландских первопоселенцев. Если учесть появление этого слова уже в эпоху старших рунических надписей, то аргументация Д. Байока о статусе и функциях годи как чисто исландских инноваций станет не очень убедительной (однако вполне в русле общей, на мой взгляд, ошибочной концепции автора об уникальности древнеисландского общества и феодальных государствах у континентальных скандинавов и других древнегерманских народов в раннее Средневековье).

В четвертой главе «Саги о людях с Песчаного берега» рассказывается, как один из исландских первопоселенцев, годи (т.е. жрец-вождь) Торольв, по прозвищу Мострарская Борода, обосновался на Западном побережье Исландии и построил здесь храм Тора, представлявший собою типичный древнескандинавский «длинный дом». Вырезанные на столбах в храме антропоморфные личины богов, вероятно, напоминали лица со столбов повозки из погребения в Усеберге, также в столбы с драконьими головами усебергских саней вбиты гвозди с ярко-желтыми шляпками [Osebergfundet 1920]. Не таковы ли были «священные гвозди» столбов внутри капища Торольва? Возможно, столбы украшала зооморфная плетенка (рис. 4, 5).

Наряду с культовыми предметами, упоминаемыми в других сагах, в «Саге о людях с Песчаного берега» говорится о наручном браслете — священном кольце годи. Напомню, наручные кольца играли важную роль в дружинной культуре древних скандинавов: в «Беовульфе» постоянный эпитет конунга — «распределитель (или «ломатель») колец», а в эддических «Речах Фафнира» эпитет Сигурда — «портящий кольца». Видимо, священное кольцо годи передавалось по наследству, в саге упоминается, что такое кольцо носил через 100 лет потомок Торольва Мострарской Бороды знаменитый по многим сагам Снорри Годи. Наконец, что очень важно, основная юридическая формула истца в начале тяжбы в дохристианское время произносилась на священном кольце годи, о чем я писал выше.

Главной обязанностью годи было именно содержание храма в округе, за что тинговые даже платили, согласно свидетельству «Саги о людях с Песчаного берега», определенные «налоги». Храм Тора подробно описан в начале этой саги (приложение, с. 205–206).

«Сага о Хаконе Добром» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона дополняет описание священного пира рассказом о кубках, которые осушали на нем в честь важных для традиционного общества богов. Такие священные «тосты» устраивались в честь Одина — важнейшего для дружинной культуры бога мертвых,

Рис. 4. Мужская голова, украшавшая повозку из погребения в Усеберге.
Дерево. Норвегия. 830 е годы н.э.

Рис. 5. Деталь украшения саней из погребения в Усеберге
с зооморфным орнаментом и декоративными гвоздями.
Дерево. Металл. Норвегия. 830 е годы н.э.

павших воинов, пирующего с ними в Вальгалле, в честь Фрейра, бога плодородия и мужской силы, дабы он даровал урожай и мир, в честь Браги — за мастерство сказителя и напоследок в честь предков, погребенных в курганах. Таким образом, тут упоминаются возлияния богам, характерным для аграрного и дружинного общества, а также проявление культа предков. Надо думать, что кубок или рог, наполненный пивом, передавали от сотрапезника к сотрапезнику (приложение, с. 206–207).

Серьезным аргументом в пользу историчности свидетельств саг я считаю использование в них архаической лексики «Старшей Эдды» в наименовании культовых предметов.

Бог Хёнир в «Прорицании вёльвы» после гибели богов в сражении с чудовищами (Регнарёк) находит некое «дерево жребия», тут употреблено др.-исл. существительное *hlaut-viðr*. Значение др.-исл. *hlaut* (сущ. ср. р. -а-) в этом композите — «кровь жертвенных животных», или «жребий, удел» (г. *hlauts* — «жребий», д-а. *hlīet* — то же, д-в-н. *hlōz* — то же (н. *Los*), ср. др.-исл. *hlutr* (сущ. м.р. -i-) — «часть, доля, вещь» (д.-а. *hlyte*, д-в-н. *hluz*; тж. *hlotr*, д-а. *hlot* (а. *lot*), ш. *lott*, д. *lod*, нор. *Lodd*) [Стеблин-Каменский 2002: 241] (приложение, с. 207).

Согласно тому же «Прорицанию вёльвы», Хёнир вместе с Одином и Лодуром делает первых людей, мужчину Ясеня (др.-исл. *Askr*) и женщину Иву (др.-исл. *Embla*). Хёнир дает им дух (др.-исл. *óð*), Один — дыхание (др.-исл. *OND*), а Лодур — тепло жизни и «хорошие цвета», то есть облик (приложение, с. 207–208).

Ясно, что композиты с начальным элементом в виде *hlaut* в исландских сагах обозначают главные культовые предметы, используемые на «пире (жертвенной) крови». Сам термин *hlaut* тут принято переводить как «кровь жертвенных животных» [Стеблин-Каменский 2002: 241]. Так, прут или кропило для обрызгивания собранных на пир людей жертвенной кровью животных называется в сагах *hlaut-teinn* (сущ. м. р. -а-). Вполне вероятно, что это аналог упоминающемуся в эддическом «Прорицании вёльвы» «дереву жертвенной крови», которое называется *hlaut-viðr* и которое находит по возрождению мира творец первых людей бог

Хёнир. А чаша с кровью жертвенных животных, которую ставили в алтарной части храма, именуется в сагах *hlaut-bolli* (сущ. м.р. -an-) с тем же словом в начале композита.

Сохранение столь архаического пласта сакральной лексики в описании древнескандинавского «пира жертвенной крови», как я полагаю, — это сильный аргумент в пользу историчности рассказов устной традиции о древнескандинавском культовом пире — главном культовом действе Скандинавии эпохи викингов, которые впоследствии были зафиксированы в текстах саг.

Встает вопрос о том, какое значение *hlaut* считать первоначальным — «жертвенная кровь» или «жребий». Если слово первоначально означало, как в других германских языках, «долю», «жребий» (что, на мой взгляд, более вероятно), то в таком случае получается, что лексема (как в качестве независимой лексемы, так и в качестве части сложных слов) для наименования крови жертвенных животных имеет специализированное значение, не имеющее почвы в христианском культе, что с большой вероятностью свидетельствует как раз об историчности описываемых в сагах обрядов. Менее вероятно, что в сагах *hlaut* употребляется именно в значении, характерном для дохристианских культовых практик, и уже определяло собственно «жертвенную кровь». В этом случае тем более странно считать описание ритуала древнескандинавского священного пира фантазией христиан, утративших связь с дохристианским культом.

Глава 2

Древнескандинавский корабль ранней эпохи викингов и возникновение специализированных типов кораблей в позднюю эпоху викингов: археологические находки и письменные источники

Корабль издавна имел не только практическое применение как транспортное средство, но и высшее, религиозное назначение. С давних времен известен северогерманский обычай погре-

бения в ладье [Лебедев 2005: 155–164, 186–200]. Захоронения воинов вендельского периода (VII в. н.э.) с роскошным вооружением, конями и жертвами скота наиболее своеобразны и впечатляющи.

Сакральность обряда погребения в ладье явственно демонстрирует пассаж из «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона. Там говорится о коварном убийстве прекрасного бога Бальдра, любимца всех остальных богов-асов. Когда боги забавы ради метали в заговоренного Бальдра оружие, которое не могло причинить ему вреда, злобный бог Локи подговорил слепого аса Хёда бросить в Бальдра побегом омелы, с которого не взяли обещания не вредить Бальдру. Хёд швырнул прут, и он пронзил благого Бальдра. Так свершилось величайшее в мире злодейство. Все асы были неутешны, все живое оплакивало светлого Бальдра. Далее повествуется о погребении бога Бальдра в ладье, которую спустили на хляби морские [Снорри Стурлусон 2005: 48–49].

Следует сказать, что согласно мифу Бальдр в подземном царстве мертвых богини Хель переживет гибель мира и богов и вернется в возрожденный мир нового космического цикла. На основании этого многие специалисты по сравнительной мифологии считают образ Бальдра архетипическим, трактуя его как умирающего бога, принесенного в жертву и возрождающегося, как сама жизнь и природа.

Наиболее хорошо сохранившийся корабль из погребений такого рода — это найденный в 80-х годах XIX столетия в Гокстаде в южной Норвегии в кургане под слоем синей глины. По новейшему дендрохронологическому исследованию гокстадский корабль датируется приблизительно 890-ми годами н.э. Это универсальное морское судно с мощным дубовым килем и шпангоутом, с клинкерной обшивкой внахлест, соединенной железными корабельными заклепками. Помимо весел судно, вероятно, имело съемную мачту и четырехугольный парус северного типа.

Вначале следует рассказать о предшественниках корабля универсального типа эпохи викингов. По чертежу Йоханессена, гребное судно IV в. н.э. из Нидама имело максимальную длину

22,85 м, максимальную ширину 3,26 м и высоту борта 1,09 м, то есть было достаточно широким. Его можно рассматривать как ранний, эпохи великого переселения народов, предшественник широкого универсального корабля эпохи викингов [фон Фиркс 1982].

Еще ближе к «гокстадскому» типу северогерманские суда вендельской эпохи.

Небольшой, такой же короткий, как более поздние шнеки, корабль из Квальсунда (690 г.н.э. +/- 70 лет), найденный в 1920 г. Херманом Шетелигом в Норвегии южнее г. Бергена на островке Херо, уже имел Т-образный в сечении киль и круто загибающиеся вверх высокие штевни (высотой в 4 м), подобно судну из Гокстада. Корабль из Квальсунда, как и построенный почти 200 лет спустя Гокстад, тоже был достаточно широким — при общей длине 18 м наибольшая ширина корабля составляет 3,2 м, а высота в средней части, включая киль, 0,9 м [фон Фиркс 1982].

Хотя корабль англосаксонского конунга начала VII в. из Саттон-Ху при сопоставлении цифр кажется близким к длинному специализированному кораблю поздней эпохи викингов (длина 27 м при ширине только 4,5 м, у Скульделёв-2 — 29 м при ширине 4,2 м), это лишь иллюзия, вызванная тем, что общая длина судна из Саттон-Ху берется вместе с длинными, слабо наклоненными над ватерлинией архаичными штевнями, подобными штевням корабля из Нидама IV в. н.э. На самом деле, если сопоставить чертежи судна из Саттон-Ху и норвежского Гокстада, заметно большое сходство очертаний судов. Гокстад отличается только короткими, круто изогнутыми вверх «рогами» штевней. Таким образом, силуэты кораблей из Саттон-Ху и Гокстада различаются, но в плане обводы этих широких кораблей сходны [Evans 1994: 26–27; *The Viking*, 1966: 252–253].

Итак, при различии размеров в плане корабли вендельской эпохи из норвежского Квальсунда и восточноанглийского Саттон-Ху были весьма сходны с классическим кораблем эпохи викингов из Гокстада в Осло-фьорде, главным образом по показателю соотношения длины к ширине (они довольно широкие, вместительные).

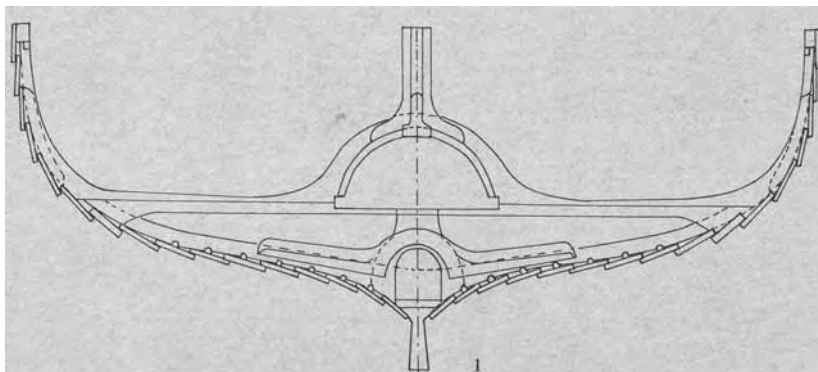

Рис. 6. Корабль из Гокстада в разрезе. Осло фьорд. Норвегия. 890 е годы н.э.

Хорошее представление об устройстве корабля из Гокстада дает поперечный разрез судна (рис. 6). Несущий дубовый каркас корабля состоял из киля Т-образной в сечении формы, вытесанного из цельного бруса, изогнутых «ребер» шпангоутов и поперечных балок-бимсов, которые тянулись от борта до борта и на которые стелился съемный палубный настил из сосновых досок. Эта несущая конструкция была внахлест обшита дубовыми досками по 16 с каждого борта (т.н. клинкерная обшивка). Нижняя доска крепилась к килю металлическими корабельными заклепками, к ней заклепками была прикреплена вторая доска, к которой таким же образом прикреплялась нижняя часть третьей. Доски, находящиеся выше самых нижних, но ниже ватерлинии, были привязаны к шпангоутам прочными веревками из еловых корней, корабельные заклепки здесь не использовались. Эти доски входили в пазы шпангоутов с помощью специальных выступов-шпунтов, а веревки проходили через два отверстия в шпунтах и через два соответствующих отверстия в шпангоутах. Более толстая, чем другие доски обшивки, десятая снизу доска, находившаяся на ватерлинии, по-древнеисландски называлась *meginhúfr*. Эта доска железными корабельными заклепками прочно прикреплялась к шпангоутам и поперечным балкам-бимсам. Доски выше также железными корабельными заклепками крепились

к присоединенным к поперечным бимсам раскосам, образующим верхнюю часть бортов и как бы продолжающим шпангоуты [The Viking 1966: 252–253].

По длине гокстадский корабль невелик — 23,4 м — и вполне сравним с такими более ранними древнегерманскими кораблями, как гребное судно из Нидама IV в. н.э., у которого еще не было паруса, но был киль, шпангоут и клинкерная дощатая обшивка, или с несколько более узким (военным?) кораблем из Квальсунда (Норвегия) 750 г. н.э. При этом следует отметить, что ширина корабля из Гокстада, учитывая его небольшую длину, значительна — 5 м, но это не мешает его мореходным качествам, что, вероятно, имело место касательно более поздних специализированных грузовых судов. Таким образом, можно предположить, что тут перед нами универсальный корабль викингов IX столетия, который мог использоваться как для военных походов, так и в качестве грузового судна, учитывая его значительную ширину и, следовательно, вместимость. Гокстадский корабль был прекрасно приспособлен для плавания по бурным водам Северной Атлантики, как показали натурные эксперименты с репликой этого судна (рис. 7).

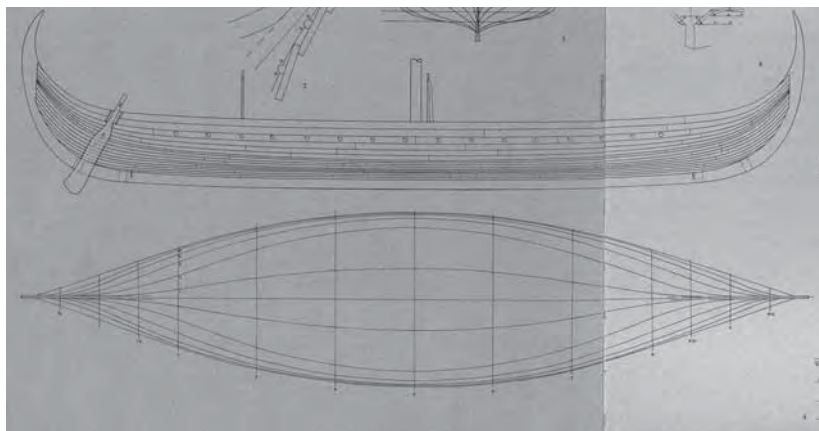

Рис. 7. Корабль из Гостада. Осло фьорд. Норвегия. 890 е годы н.э.

Другие экземпляры боевых судов эпохи викингов, за исключением «длинного корабля» Скульделёв-2, о котором я еще буду говорить, не превышают по размерам Гокстад, как видно из следующей таблицы.

Таблица 1

**Параметры некоторых найденных боевых кораблей
скандинавов и западных славян эпохи викингов
(по Д. Эльмерсу с дополнениями)**

Место находки	Длина, м	Ширина, м	Высота борта, м	Осадка, м	Дата (год, век)	Способ передвижения
Усеберг	21,4	5,1	1,4	0,75	Ок. 800	парус?
Гокстад	23,4	5	1,7	2,0	Ок. 800	
Скульделёв-2	≈28	4,2			Ок. 834	
Туне	≈20	4,3			X–XI	
Ладбю	20,6	2,9	0,7	2,25		12 пар гребцов, парус
Скульделёв-5	≈18	2,6	1,1			
Хедебю	≈16	2,5			X–XI	
Фромборк	17,4	2,8	0,9	0,5	X	ок. 12 пар гребцов, парус
Ральсвик-2 (славяне, о. Рюген)	9,5	2,5	1,0		IX–X	8–10 пар гребцов, парус

Если учесть, что и более ранние боевые корабли типа судна из Квальсунда поздней вендельской эпохи (VIII в. н.э.) и даже корабля из Нидама позднеримского времени (IV в. н.э.) сопоставимы по размеру с Гокстадом и уже имеют мощный киль и развитую клинкерную обшивку, следует признать, что традиция строительства универсальных клинкерных ладей гокстадского типа у северных германцев насчитывает столетия [Хлевов 2002: 98–99].

Судя по письменным источникам, уже по крайней мере к концу IX столетия произошла специализация, разделение скандинавских кораблей на военные и грузовые, торговые.

Тип военного корабля, который строили, например, «конунги-викинги» в X и XI в., называется в сагах *langskip* — «длинный корабль». Эти клинкерные ладьи, вроде Большого Змея норвежского конунга Олава Трюгвасона, действительно достигали значительной для того времени длины (до 30–40 м) и были довольно узкими, что обеспечивало хорошую маневренность, когда корабли снимали парус, маневрировали на веслах, сцеплялись борт к борту, когда начиналась рукопашная и воины старались «очистить от людей» корабли врагов.

Археологические исследования, принесшие выдающиеся результаты, проводились в конце 1950-х — начале 1960-х годов в Роскильде-фьорде в Дании недалеко от Копенгагена на о. Зеландия. Здесь обнаружены все главные типы судов эпохи викингов. По последним данным, находки из Роскильде-фьорда датируются первой половиной XI в., то есть поздней эпохой викингов [Olsen, Crumlin-Pedersen 1967].

Скульделёв-5 длиной 17,4 м и шириной 2,6 м представляет собою типичную *шнеку* — длинный боевой корабль легкого класса на 40 человек команды. Три верхние доски из ясеня взяты с другого, разобранныго корабля, а на одной из досок борта вырезан лист аканта в стиле Рингерике (первая половина XI в.) [Olsen, Crumlin-Pedersen 1978: 68, 109, 113–114; Olsen, Crumlin-Pedersen 2002].

Преимущественно шнеки были задействованы в крупных походах корабельных дружин в XI–XII в. Известно, что в 1066 г. Вильгельм Завоеватель, отправляясь завоевывать англосаксонскую Англию, посадил свою конную армию нормандских рыцарей с обслуживающим персоналом на 600 шнек. Разгромленная армией Новгородской республики на р. Вороной войско шведского короля прибыло на нескольких десятках шнеках.

В «Саге об Эгиле» шнека упоминается в связи с Гулатингом, происходившем в Норвегии в 930-х годах н.э. (см. свидетельство «Саги об Эгиле» в приложении, с. 116).

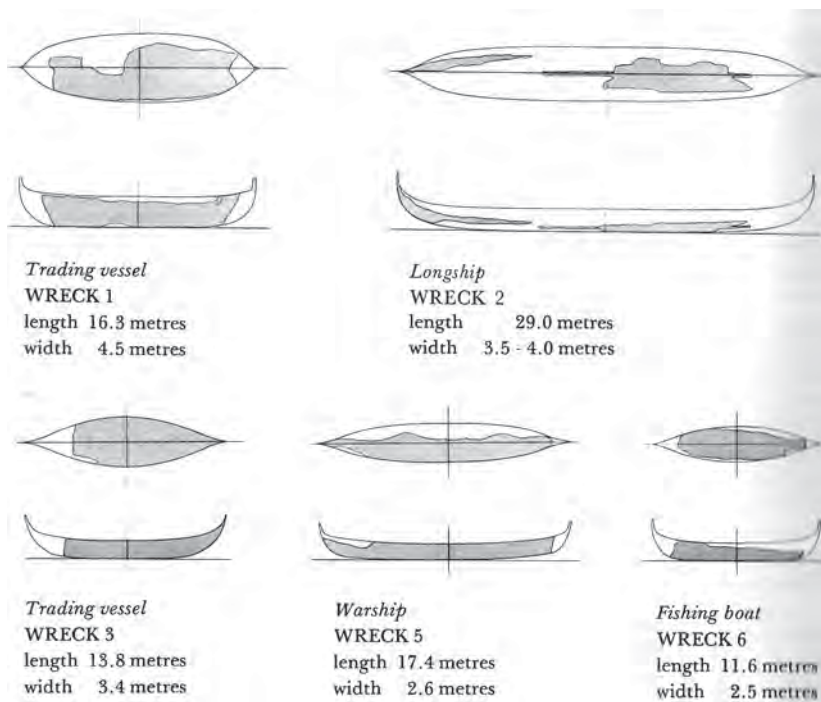

Рис. 8. Типы скандинавских кораблей из Скульделёв. Первая половина XI в.
Музей кораблей викингов в Роскильде фьорде. Дания

Судя по письменным источникам, на которые я сошлюсь ниже, *лангскипы*, «длинные корабли», которые по пропорциям корпуса значительно отличались от универсальных судов гокстадского типа, так как были значительно длиннее и уже, начали строить по инициативе качественно усиливавших свою власть конунгов в конце IX в. Типичный длинный корабль поздней эпохи викингов найден в датском Роскильде-фьорде, у Скульделёв. Корабль Скульделёв-2 был более 28 м в длину и только 4,2 м в ширину. По последним данным, Скульделёв-2 был построен в 1042 г. в районе Дублина в Ирландии [Olsen, Crumlin-Pedersen 2002: 359–360].

Самый крупный из известных ныне лангскипов длиной 36 м, а шириной всего 3,5 м, имевший всего около метра осадки, был

найден в феврале 1997 г. при дноуглубительных работах близ островка, на котором расположен музей кораблей викингов в Роскильде-фьорде. Этот громадный для эпохи викингов корабль, названный исследователями Роскильде-6, мог брать на борт до 100 человек дружины. Он был построен после 1025 г. н.э.

Возможно, именно длинные военные корабли велел построить в 896 г. н.э. уэссекский король Альфред Великий, первый объединитель Англии. Как засвидетельствовано в Англосаксонской хронике, эти 60-весельные суда были вдвое крупнее противостоящих им кораблей викингов, судя по всему, судов типа корабля из Гокстада. В данном случае это привело к печальным последствиям для англосаксов — при отливе большие корабли Альфреда сели на мель, а скандинавские корабли с мелкой осадкой смогли подойти к ним, нанести большой ущерб англосаксам и уйти в открытое море (приложение, с. 208–210).

Объединитель Норвегии конунг Харальд Прекрасноволосый в конце IX в. приказал построить себе большой корабль, названный в «Круге Земном» Снорри Стурлусона «драконом». Очень вероятно, что это был крупный военный корабль, который был длиннее обычных боевых ладей гокстадского типа и, возможно, походил на английские длинные корабли Альфреда Великого. Об этом рассказано в гл. 9 «Саги о Харальде Прекрасноволосом» (приложение, с. 211).

Вернемся к свидетельствам материальной культуры эпохи викингов. Наряду с кораблем Скульделёв-2 в роскильдском фьорде в Дании обнаружены и суда иного типа. Это грузовые торговые суда, вероятно, *кнорры саг*, типа более крупного корабля Скульделёв-1 и малого Скульделёв-3, весьма сходного по размерам и конструкции с торговым кораблем западных славян с о. Рюген, Ральсвик-1. Находки этих специализированных купеческих судов датируются первой половиной XI в. [Херрман 1986: 97].

Длина Скульделёв-1 только 16,5 м, но ширина значительна — 4,6 м. Высота борта корабля Скульделёв-1 существенно превышает соответствующий показатель более ранних универсальных судов и достигает 2,5 м. Таким образом, это «пузатое» парусное

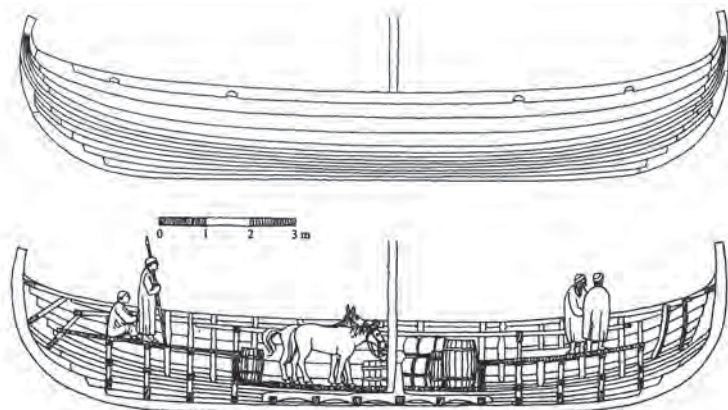

Рис. 9. Кнорр Скульделёв 1. Первая пол. XI в.
Музей кораблей викингов в Роскильде фьорде. Дания

судно с высокими бортами было весьма вместительным. В центре грузовых кораблей типа Скульделёв-1 находилась углубленная ниша типа трюма, куда и складировали груз (рис. 9). Грузоподъемность корабля Скульделёв-1 достигала приблизительно 20–25 т [Херрман 1986: 92–93, 97]. На таких судах в конце IX в. в Исландию с расширенными семьями и движимым имуществом переселялись первопоселенцы из Норвегии.

Согласно «Саге об Эгиле», родовой саге, близкой по стилистике и тематике к «королевским сагам», тип очень большого длинного боевого корабля с командой в 100 человек, как и грузового купеческого судна, которое называлось *кнорр*, уже существовал в Норвегии конца IX в. В девятнадцатой главе саги рассказывается, как приближенный конунга Харальда Прекрасноволосого по имени Торольв, выйдя из-под власти конунга, стал пиратствовать, опустошая набегами земли и грабя торговые суда. У него был очень большой длинный корабль с экипажем более 100 человек (приложение, с. 211–213). Следует предположить, что в Норвегии в это же время, в конце IX столетия, как и в Англии в правление короля Альфреда Великого, строительство огромных длинных кораблей, в полтора-два раза длиннее универ-

сальных клинкерных кораблей гостедского типа, было инициировано усиливающейся королевской властью объединителя страны Харальда Прекрасноволосого. В таком случае неслучайно то, что Торольв был приближенным конунга Харальда Прекрасноволосого.

Думаю, следует доверять информации «Саги об Эгиле» о существовании уже по крайней мере в конце IX в. как специализированных больших длинных судов, так и специализированных грузовых торговых судов типа Скульделёв-1, которые назывались кноррами. К тому времени инфраструктура крупных торгово-ремесленных поселений типа фризского Дорестада в нижнем течении Рейна, Хедебю данов в Шлезвиге или свейской Бирки на о. Бьорко на оз. Мелар существовала более века, и появление специализированных грузовых судов типа Скульделёв-1 для перевозки товаров между ними представляется вполне логичным.

Западноевропейские хронисты, преимущественно Адам Бременский, написавший «Историю Гамбургской церкви» в конце XI в., сообщают нам, сколько дней проходили морские путешествия между торгово-ремесленными поселениями Северной Европы.

Впрочем, в начале XI столетия скандинавские мореходы в своих плаваниях не ограничивались бассейнами Северного и Балтийского морей. Они решались и на более дальние и весьма рискованные плавания в неизведанные земли. Описание одного такого путешествия на север Восточной Европы в Бьярмаланд, вероятно, к устью Северной Двины, содержится в «Саге об Олаве Святом» «Круга Земного» Снорри Стурлусона. Очень вероятно, что Торир Собака отправился в свое авантюрное путешествие около 1026 г. как раз на длинном боевом корабле типа Скульделёв-2 с внушительной дружиной, лелея замыслы захватить всю будущую добычу, а братья Карли и Гуннстейн из Халоголанда — на купеческом судне типа Скульделёв-1, которые можно так хорошо представить по результатам археологических исследований в датском Роскильд-фьорде (приложение, с. 214–219).

Таким образом, как археологические, так и письменные источники позволяют проследить эволюцию кораблей эпохи викингов. В дополнение к широким универсальным кораблям типа Гокстада по крайней мере с конца IX в. н.э. появляются и широко распространяются следующие основные специализированные типы скандинавских судов:

- 1) *шнеки* — маневренные узкие боевые малые суда;
- 2) *лангскиты*, т.е. *длинные корабли* малой ширины и значительной длины, рассчитанные на большие дружины конунгов и вождей;
- 3) *кнорры* — короткие и широкие высокобортые суда с грузовой нишей в палубе у мачты, на которых перевозили товар купцы и которые использовали исландские первопоселенцы для транспортировки своих патрилокальных расширенных семей, скота и движимого имущества, а также имевших сакральное значение столбов почетной скамьи.

Таблица 2

**Дальность и продолжительность плавания между приморскими торговыми местами
(подсчеты на основании данных о продолжительности плавания).
Цифры без скобок соответствуют числам, названным в источниках;
цифры в скобках — вычисленным значениям
(по Д. Эльмерсу, с дополнениями)**

Год	Маршрут		Дальность		Продолжительность		Источник
	из	в	морские мили	км	кругло- суточн. плав.	с ночными перерывами	
852	Хедебю	Бирка	580	1074	(10)	20	Житие Ансгария «Орозий» Альфреда
880	Хедебю	Трусо	410	759	7	(14)	
880	Халого-ланд	Каупанг	950	1759	(15)	30	
880	Каупанг	Хедебю	370	648	5	(10–12)	
949	Земля венедов	Византия	1310	2426		24	Лиутпранд, VI
1075	Сконе	Бирка	350	648	5	(10–12)	Адам, IV, 29, IV, 20, схол.
1075	Волин	Новгород	850	1574	14	(28)	II, 22
1075	Дания	Новгород	1100	2037	(15)	30	IV, 11
1075	Бирка	Новгород	550	1018	(9) 5	(19)	IV, 2 схол.

Окончание таблицы 2

Год	Маршрут		Дальность		Продолжительность		Источник
	из	в	морские мили	км	кругло-суточн. плав.	с ночными перерывами	
1075	Скрингссаль	Трондхейм	648	1200	5		IV, 33
1075	Риббе	Англия	330	611	6 (3)		IV, 1, схол.
1075	Дания (Ольборг)	Исландия	950	1759	30		IV, 31, схол.
1075	Англия	Исландия	648	1200	9		IV, 36, схол.
	Готланд	Гробини	90	166	(2)		
	Готланд	Хедебю	360	666	(6)	(12)	
	Волин	Хедебю	240	444	(4)	(8)	
	Холингштед	Гамбург	120	222		(4)	
	Холингштед	Дорестада	290	537		(10)	
	Дорестада	Лондон	230	425	(4)	(8)	
	Дорестада	Йорк	270	500	(5)		

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная культура Древней Скандинавии, насколько ее можно реконструировать из письменных источников и археологических данных, определялась преимущественно традиционным характером общества родичей и была ярко окрашена дружинной культурой.

Представляется, что древнеисландское общество состояло из патрилокальных расширенных семей, отношения между которыми регулировали обычаи кровной мести, выплаты возмещения за убитого пострадавшему родовому коллективу, а также передачи на воспитание ребенка в качестве заложника-аманата и брака (последние обычаи рассмотрены в моей книге «Культура и общество скандинавов эпохи викингов» [Губанов 2004]). Чтобы отношения кровной вражды не создавали атмосферу тотального кровавого хаоса, войны всех против всех, существовало народное собрание — тинг, собрание правоспособных вооруженных мужчин, на котором принимались важнейшие для общества решения, в частности урегулировались конфликты между враждующими родовыми коллективами. Несмотря на то что, как видим, судебной процедуре на тинге придавалось очень большое значение, нередко здесь же происходили битвы враждебных родовых коллективов. Обо всем этом подробно повествуют саги об исландцах.

На материале саг можно выявить характерные черты обычая кровной мести в древнеисландском обществе.

1. Мечь была первейшим, священным долгом древнескандинавского воина. Сакральный характер мести прекрасно иллюстрирует чудо с прозрением Амунди Слепого (гл. 106 «Саги о Ньяле»), которому Бог даровал зрение ради мести за отца.

2. Долг кровной мести имел приоритет над дружинным долгом, над необходимостью подчиняться приказам руководителя — вождя вооруженного отряда (убийство Стюром двух человек из своей и враждебной дружины в битве при Лебедином фьорде —

гл. 44 «Саги о людях с Песчаного берега»). Таким образом, традиции «горизонтального» общества родичей были сильнее власти военных вождей, позволяли даже игнорировать их приказы в битве, что говорит о слабости «протогосударственных» трендов в древнескандинавском обществе.

3. К мести в родовых сагах подстрекали, как правило, женщины. Подстрекательница к мести — основная роль женщины в сагах об исландцах (гл. 116 «Саги о Ньяле» — подстрекательство Хильдигуд). Вероятно, такое поведение женщин отражало социальную реальность. Женщина-подстрекательница была защищена законом, ей нельзя было мстить.

Полагаю, что у древних индоевропейцев в эпоху индоевропейского единства и существования структурированной родовой организации вопросы кровной вражды коллективов родичей урегулировались еще не в народном собрании, а посредством привлечения родов своей фратрии (нередко экзогамного подразделения племени, возникавшего вследствие разрастания и последующей сегментации исходных родов), как это убедительно показано у ирокезов с привлечением древнегреческого материала Л.Г. Морганом, который писал:

«Далее, если случалось убийство, род убитого обычно собирал совет и, установив факты, принимал меры к отмщению убитого. Род преступника точно так же собирал совет и старался достигнуть примирения или получить прощение со стороны рода убитого; но часто случалось, что род преступника, если убийца и убитый принадлежали к противоположным фратриям, приглашал другие роды своей фратрии общими усилиями добиться прощения. В таком случае фратрия собирала совет и обращалась затем к другой фратрии, к которой отправляла делегацию с поясом из белых раковин, прося устроить собрание фратрии и прийти к миролюбивому соглашению. Семье и роду убитого предлагалось удовлетворение в виде выражений сожаления и ценных подарков. Переговоры между обоими советами продолжались до тех пор, пока не приходили к какому-нибудь положительному или отрицательному решению. Влияние фратрии, состоящей из нескольких родов, должно было быть больше, чем одного рода, а благодаря призыву к участию противополож-

ной фратрии вероятность прощения увеличивалась, в особенности если имелись смягчающие обстоятельства. Мы можем видеть отсюда, как естественно греческая фратрия до наступления цивилизации приняла в свое ведение преимущественно, хотя и не исключительно, дела об убийстве, а равно об очищении убийцы, если он не подвергался наказанию; и точно так же на каком основании после учреждения политического общества фратрия взяла на себя обязанность преследования убийцы судом» [Морган 1934б: 12].

У древних скандинавов тяжбы велись в народном собрании. Исландские родовые саги позволяют в подробностях реконструировать порядок тяжбы на тинге, принятый в древнеисландском обществе.

1. Часто тяжущиеся коллективы родичей делегировали на тинге своих влиятельных союзников в коллегию третейских судей, состоявшую из 12 человек (гл. 122–123 «Саги о Ньяле»). Коллегия двенадцати имела полномочия вынести судебное решение по делу.

2. Процедура ведения тяжбы на тинге между коллективом родичей убитого и коллективом родичей убийцы была тщательно регламентирована (гл. 142 «Саги о Ньяле»). Сначала истцом произносилась важнейшая формульная клятва, которую до христианизации произносили не на Библии, а на священном кольце вождя-жреца — на браслете годи. Потом дважды выступал представитель стороны истца, затем два свидетеля предъявления обвинения излагали дело словами истца. Вслед за этим предварительное решение по делу принимали т.н. «соседи места убийства», девять человек, которые прежде всего не должны были быть родственниками истца или зависимыми от стороны обвинения людьми. В противном случае сторона защиты могла потребовать отвода соседей. Окончательное решение принимали три дюжины судей, отвода которых тоже могли потребовать убийца, его родичи и сторонники, то есть сторона защиты (гл. 142–145 «Саги о Ньяле»).

3. Чаще всего на тинге присуждалась вира, которую должны были выплатить убийца и его родня (12 эйриров за раба-трэля, за свободного выкуп мог достигать нескольких сот эйриров, как за

Хёскульда в «Саге о Ньяле»). Если примирения враждующих коллективов родичей на таких условиях достичь не удавалось, убийца мог быть объявлен «лесным человеком», то есть изгнанником в лес, человеком вне закона, имущество коего конфисковывалось, а он сам мог быть убит родичами убитого (гл. 13 «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра»).

Авторитетные исследователи склоняются к мнению, что феодальная структура была фактически навязана скандинавскому обществу государством в XI–XIII вв., в эпоху интенсивных контактов Скандинавии с феодальной континентальной Европой [Гуревич 2009: 364]. Иное дело Исландия. Изолированность острова от феодальной Европы, принятие христианства и письменности около 1000 г. и традиции народного самоуправления («военной демократии») при живучести структур традиционного общества родичей — это те факторы, которые породили такой феномен, как древнеисландская литература — неисчерпаемый источник по структуре общества, психологии и религиозным представлением древних германцев.

Правда, на исландском материале не прослеживается родовой организации, которая, по Л.Г. Моргану, составляла базис догосударственных обществ. Одалями в Исландии и Норвегии владели патрилокальные расширенные семьи из трех нисходящих поколений родичей, живущих под одной крышей, они же выступали главными субъектами права в делах о кровной мести. Следов более крупных коллективов родичей численностью в несколько сот человек со своими вождями — родов, которые Л.Г. Морган наблюдал у ирокезов и достаточно убедительно фиксировал у древних греков (со своими родовыми культами) и римлян (возглавляемых «отцами» — *patres*, составившими первоначальный Сенат — «совет старейшин») ранних периодов истории Вечного города, в Скандинавии эпохи викингов не наблюдается. Римский род, по Л.Г. Моргану, «характеризовался следующими правами, привилегиями и обязанностями. I. Взаимным правом наследования в имуществе умерших родичей. II. Владением общим кладбищем. III. Общими религиозными обрядами. IV. Обязанностью не

вступать в брак в пределах рода. V. Коллективным владением земель. VI. Взаимной обязанностью помощи, защиты и отмщения обид. VII. Правом носить родовое имя. VIII. Правом усыновлять в род чужих. IX. Правом избирать и смещать своих вождей» [Морган 1934а: 164]. Между тем о древности рода у индоевропейцев убедительно свидетельствует тот отмеченный Л.Г. Морганом факт, что обозначение рода в древнегреческом, латинском и санскрите идентично (лат. *gens*, др.-греч. *γένος*, санскр. *ganas*), то есть является наследием единого индоевропейского языка [Там же: 134]. Думается, распад индоевропейской родовой организации на более мелкие подразделения скандинавских патрилокальных расширенных семей определили права собственности на недвижимое имущество и хуторское хозяйство — одаль.

Ключевые элементы материальной культуры Скандинавии эпохи викингов — дом каркасно-столбовой конструкции, служащий жилищем патрилокальной расширенной семьи и пиршественным залом, а также прекрасно приспособленный как для морских, так и для речных экспедиций корабль.

Наличие архаичной эддической лексики в наименовании культовых предметов при описании в сагах дохристианского храма, главным образом эддического термина *hlaut* («доля»), свидетельствует об историчности описаний в сагах *блотвейцлы* («пира жертвенной крови») — главного культового действия древних скандинавов.

Эволюция древнескандинавских кораблей от универсального гокстадского типа к боевым малым узким *шнекам* народного ополчения и *лангскипам* конунгов-викингов и приближенной к ним знати, а также грузовым торговым *кноррам* хорошо прослеживается при комплексном сопоставлении археологических находок и письменных источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Англосаксонская хроника / Пер. с др. англ. З.Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.

Исландские саги. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева; под ред. С.Ю. Агишева, А.В. Бусыгина, В.В. Рыбакова. М.: Языки славянской культуры, 2004. (*Studia philologica*).

Сага об Эгиле: Пер. с исланд. / Предисл. Х.Л. Борхеса. СПб.: Амфора, 1999.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Ладомир; Наука, 1995.

Стурла Тордарсон. Сага об Исландцах / Пер. с древнеисл. языка, общ. ред., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга; научн. ред. В.В. Рыбакова; указатели В.В. Рыбакова и А.В. Циммерлинга. СПб.: Алетейя, 2007. (Памятники древнеисландской литературы).

Brennu Njáls saga. Herausgegeben von Gustave Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk // *Altnordische Saga Bibliothek.* Herausgegeben von Gustaf Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk. Hf. 13. Halle: Max Niemeyer, 1908.

Edda. Die Lieber des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. Von G. Neckel. Ytidelberg, 1927. Bd I. Text.

Egils saga Skallagrímssonar. Herausgegeben von Finnur Jónsson // *Altnordische Saga Bibliothek.* Herausgegeben von Gustaf Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk. Hf. 3. Halle: Max Niemeyer, 1894.

Eyrbyggja saga. Herausgegeben von Hugo Gering // *Altnordische Saga Bibliothek.* Herausgegeben von Gustaf Cederschiöld, Hugo Gering und Eugen Mogk. Hf. 6. Halle: Max Niemeyer, 1897.

Snorri Sturluson. Heimskringla. Fyrri bindi. Ritstjórn Bergljót S. Kristjáns dóttir, Bragi Halldórsson, Jón Torfason, Örnólfur Thorsson. Mál og menning. Reykjavík, Prentsmiðjan Oddi hf., 1991.

Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til þrentunar. Bd. 3. Reykjavík: Hukodalsútgáfan, 1963.

Литература

Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н.э. СПб.: Нестор История, 2004. 496 с.

Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 228 с. (Kunstkamera Petropolitana).

Губанов И.Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб.: Изд. во СПбГУ, 2004. 142 с.

Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с. (Письмена времени).

Диллон М., Чедвик Н.К. Кельтские королевства / Пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002. 512 с.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Общественные отношения и социальная организация номадов // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 179-194.

Клейнер Ю.А. Стяги и копья (к поэтике эпических реалий) // Висы дружбы. Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М.: Университет им. Дмитрия Пожарского, 2011. С. 157-166.

Крадин Н.Н. Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вождества // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 195-223.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л.: Изд. во ЛГУ, 1985. 285 с.

Лорд А. Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М.: Восточная литература, 1994. 368 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Мердок Дж.П. Социальная структура / Пер. с англ. А.В. Коротаяева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.

Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Л.: Изд. во Института народов севера ЦИК СССР, 1934а. 352 с.

Морган Л.Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Л.: Изд. во Института народов севера ЦИК СССР, 1934б.

Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии / Пер. с исл. В.П. Беркова. Ред., предисл. и примеч. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Изд. во иностранной литературы, 1957. 332 с.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005.

Попов В.А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 17–24.

Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историческим и этимологическим словарем. Изд. 3-е / Подгот. к печ. и ред. В.В. Пассека. М.: Изд. во литературы на иностранных языках, 1953. 288 с.

Стеблин Каменский М.И. Древнеисландский язык. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с. (История языков народов Европы).

Стеблин Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1984.

фон Фиркс И. Суда викингов. М: Судостроение, 1982.

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.

Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.

Amorosi T., Buckland P., Dugmore A., Ingimundarson J.H., McGovern T.H. Raiding the Landscape: Human Impact in the Scandinavian North Atlantic // Human Ecology. 1997. Vol. 25. No. 3. P. 491–518.

Andersen P.S. Samlingen av Norge og kristningen av landet 800–1130 // Handbok i Norges historie 2. Bergen: Universitetsforlaget, 1977. P. 84–91.

Andersson T.M. The Problem of Icelandic Saga Origins: A Historical Survey // Yale Germanic Studies 1. New Haven: Yale University Press, 1964.

Arnalds A. Ecosystem disturbance and recovery in Iceland // Arctic and Alpine Research. 1987. No. 19. P. 508–513.

Árnason V. Morality and Social Structure in the Icelandic Sagas // Journal of English and Germanic Philology. 1991. Vol. 90. No. 2. P. 157–174.

Arnórsdóttir A.S. Kvinner og 'Krigsmenn': kjønnsstilling i det islandske samfunnet på 1100–1200-tallet. Bergen: Universitetet i Bergen, 1990.

Baetke W. Die Isländersaga. Wege der Forschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1974.

Bekker Nielsen H. Frode mænd og tradition // *Norrøn fortællekunst: kapitler af den norsk islandske middelalderlitteraturs historie* / Eds. H. Bekker Nielsen, T.D. Olsen and O. Widding. Copenhagen: Akademisk forlag, 1965. P. 35–41.

Benediktsson J. Landnámabók: Some Remarks on Its Value as a Historical Source // *Saga Book of the Viking Society for Northern Research*. 1969. No. 17. S. 275–292.

Benediktsson J. Landnám og upphaf allsherjarríkis // Saga Íslands. 1974a. No. 1. S. 153 196.

Benediktsson J. Markmið Landnámabókar: Nýjar rannsóknir // Skírnir. 1974b. No. 148. S. 207 215.

Black Michaud J. Cohesive Force: Feud in the Mediterranean and the Middle East. Oxford: Basil Blackwell; Foreword by E.L. Peters, 1975.

Boehm C. Blood Revenge: The Anthropology of Feuding in Montenegro and other Tribal Societies. Lawrence: University Press of Kansas, 1984.

Bragg L. Generational Tensions in Sturlunga saga // Arkiv for nordisk filologi. 1997. No. 112. P. 5 34.

Buckland P.C., Dugmore A.J., Perry D.W., Savory D., Sveinbjarnardóttir G. Holt in Eyafjallasveit, Iceland. A Paleocological Study of the Impact of Landnám // A.A. Vol. 61. København, 1991. P. 252 271.

Buckland P.C., Edwards K.J., Blackford J.J., Dugmore A.J., Sadler J.P., Sveinbjarnardóttir G. A question of Landnám: Pollen, charcoal and insect studies on Papey, Iceland // Ecological relations in historical times / Eds. R. Butlin and N. Roberts. L.: Blackwell, 1995. P. 245 265.

Buckland P.C., Dugmore A., Sadler J. Faunal change or taphonomic problem? A comparison of modern and fossil insect faunas from south east Iceland // Environmental Change in Iceland: Past and Present / Eds. J. Maizels, C. Caseldine. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. P. 127 146.

Byock J.L. Feud in the Icelandic Saga. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1982.

Byock J.L. Saga Form, Oral Prehistory, and the Icelandic Social Context // New Literary History. 1984 1985. No. 16. P. 153 173.

Byock J.L. Cultural Continuity, the Church, and the Concept of Independent Ages in Medieval Iceland // Skandinavistik. 1985a. Vol. 15. No. 1. P. 1 14.

Byock J.L. The Narrative Strategy of Small Feud Stories // Les Sagas de Chevaliers (Riddarasögur) / Ed. Régis Boyer Civilisations 10. P.: Presses de l'Université de Paris Sorbonne, 1985b. P. 404 415.

Byock J.L. The Age of the Sturlungs. Continuity and Change: Political Institutions and Literary Monuments in the Middle Ages // Proceedings of the Tenth International Symposium Organized by the Center for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages / Ed. Elisabeth Vestergaard. Odense: Odense University Press, 1986a. P. 27 42.

Byock J.L. Governmental Order in Early Medieval Iceland // Viator. 1986b. No. 17. P. 19 34.

Byock J.L. Alþingi, Bóndi, Goði, Hólmganga and Outlawry. Encyclopedia of Old Norse Studies / Ed. Philip Pulsiano. N.Y.: Garland Publishers, 1993.

Bø O. Holmganga and Einvígi: Scandinavian Forms of the Duel // Mediaeval Scandinavia. 1969. No. 2. P. 132 148.

Childe G. What happened in history. L., 1942.

Ciklamini M. The Old Icelandic Duel. *Scandinavian Studies* 35. 1963. P. 175 194.

Clover C.J. The Medieval Saga. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1982.

Crumlin Pedersen O., Olsen O. The Skuldelev Ships I. Topography, Archaeology, History, Conservation and Display. Roskilde: Published by the Viking Ship Museum and the National Museum of Denmark. 2002. 360 p.

Damsholt N. The Role of Icelandic Women in the Sagas and in the Production of Homespun Cloth // *Scandinavian Journal of History*. 1984. No. 9. P. 75 90.

Dugmore A.J., Simpson I.A. 1200 years of Icelandic soil erosion reconstructed using tephrochronology. 1999. Неопубликованная работа.

Durrenberger E.P. Production in Medieval Iceland. The Norse of the North Atlantic / Ed. Gerald F. Bigelow // A.A. 1991. Vol. 61. P. 14 21.

Earle T. (ed.) Chieftoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Einarsdóttir Ó. Staða kvenna á þjóðveldisöld. Hugleiðingar í ljósi samfélagsgerðar og efnahagskerfis // *Saga*. 1984. No. 22. P. 7 30.

Einarsson B. The Settlement of Iceland. A Critical Approach // *Granastaðir and the Ecological Heritage*. Gothenburg Archaeological Theses 4. Gothenburg, 1995.

Frank R. Marriage in Twelfth and Thirteenth Century Iceland // *Viator*. 1973. No. 4. P. 473 484.

Friedman D. Private Creation and Enforcement of Law: A Historical Case // *Journal of Legal Studies*. 1979. No. 8. P. 399 415.

Friðriksson S. Grass and Grass Utilization in Iceland // *Ecology*. 1972. No. 53. P. 785 97.

Gelsinger B.E. Icelandic Enterprise: Commerce and Economy in the Middle Ages. Columbia, South Carolina: University of South Carolina Press, 1981.

Grønvald K. Qskulagatímatalið, geislakol, ískjarnar og aldur fornleifa // *Árbók hins íslenska fornleifafélags*. 1994. P. 162 184.

Grønvald K., Óskarsson N., Jonsen S.J., Clausen H.B., Hammer C.U., Bond G., Bard E. Tephra layers from Iceland in the Greenland GRIP ice core correlated with oceanic and land based sediments // *Earth and Planetary Science Letters*. 1995. No. 135. P. 149 55.

Hallberg P. The Icelandic Saga. Trans. Paul Schach. Lincoln: University of Nebraska Press, 1962.

Hallberg P. Forskningsöversikt: Från den norrøna forskningsfronten // *Samlaren*. 1985. No. 106. P. 67 79.

Halldórsson Ó. Uppruni og þema Hrafnkels sögu // *Rannsóknastofnun í bókmenntafræði við Háskóla Íslands, Fræðirit 3*. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1976.

Hallsdóttir M. Pollen analytical studies of human influence on vegetation in relation to the landnám tephra layer in southwest Iceland. Ph.D. dissertation. Lund: University, 1987.

Hartz L. The Founding of New Societies. N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1964.

Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland: An Anthropological Analysis of Structure and Change. Oxford: Clarendon Press, 1985.

Hatt G. Dwelling houses in Jutland in the Iron Age // *Antiquity. A Quarterly Review of Archæology.* 1937. Vol. XI. No. 42. Gloucester: O.G.S. Crawford, F.S.A., and Roland Austin, F.S.A. P. 162-173.

Heller R. Die literarische Darstellung der Frau in den Isländersagas // *Saga 2. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag,* 1958. P. 98-122.

Heusler A. Das Strafrecht der Isländersagas. Leipzig: Duncker und Humboldt, 1911.

Heusler A. Zum isländischen Fehdewesen in der Sturlungzeit // *Abhandlungen der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil. hist. Klasse 4.* Berlin: Verlag der königlichen Akademie der Wissenschaften, in Kommission bei Georg Reimer, 1912.

Holtmark A. Det nye syn på sagaene // *Nordisk tidsskrift for vetenskap, kunst, og industri.* 1959. No. 35. S. 511-523.

Ingófsdóttir G. 'En mér þykir illt að láta risnu mína.' Um virðingu kvenna og stöðu á heimili í Fljótsdæla sögu // *Sagnaþing helgað Jónasi Kristjánssýni sjötugum 10. Apríl 1994,* eds. Gísli Sigurðsson, Guðrún Kvaran and Sigurgeir Steingrímsson. Reykjavík: Hið íslenska bókmenntafélag, 1994. P. 257-67.

Ingvarsson L. Refsingar á Íslandi á þjóðveldistímanum. Reykjavík: Bókaútgáfa menningarsjóðs, 1970.

Íslenskur söguatlas: Frá öndverðu til 18. aldar / Eds. Á.D. Júlíusson, H.S. Kjartjánsson, and J.Ó. Ísberg. Reykjavík: Almenna bókafélagið, 1990. Vol. 1.

Jakobsson S. Friðarviðleitni kirkjunnar á 13 öld // *Saga.* 1998a. No. 36. S. 7-46.

Jakobsson S. Griðamál á ófriðaröld // *Íslenska söguþingið.* 1997. No. 28-31. Raðstefnurit I. Eds. Guðmundur J. Guðmundsson & Eiríkur K. Björnsson. Reykjavík: Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, 1998b. S. 117-134.

Jakobsson S. Hvers konar þjóð voru Íslendingar á miðöldum? // *Skírnir.* 1999. No. 173 (Vor). S. 111-40.

Jarðvegsrof á Íslandi / Eds. Ólafur Arnalds, Elín Fjólá Þórarinsdóttir, Sigmar Metúsalemsson, Ásgeir Jónsson, Einar Grétarsson and Arnór Á.Á. Reykjavík: Landgræðsla ríkisins and Rannsóknastofnun landbúnaðarins. 1997.

Jochens J. En islande médiévale: À la recherche de la famille nucléaire // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations,* 1985. P. 95-112.

Jesch J. Women in the Viking Age. London: The Boydell Press, 1991.

Jochens J. Women in Old Norse Society. Ithaca: Cornell University Press, 1995.

Jóhannesson J. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík: Félagsprentsmiðjan, 1941.

Jóhannesson J. Íslendinga saga. Vol. 2. Fyrirlestrar og ritgerðir um tímabilið 1262–1550. Reykjavík: Almenna bókafélagið, 1958.

Jóhannesson J. A History of the Old Icelandic Commonwealth: Íslendinga saga. Trans. Haraldur Bessason // University of Manitoba Icelandic Studies 2. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1974 (Translated from Íslendinga saga. Vol. 1. Þjóðveldisöld. Reykjavík: Almenna bókafélagið, 1956).

Karlsson G. Goðar og bændur // Saga. 1972. No. 10. S. 5–57.

Karlsson G. Goðar and Hqfðingjar in Medieval Iceland // Saga Book of the Viking Society for Northern Research. 1977. No. 19. P. 358–370.

Karlsson G. Vqld og auður á 13. qld // Saga. 1980. No. 18. S. 5–30.

Karlsson G. Kenningin um fornt kvenfrelsi á Íslandi // Saga. 1986. No. 24. S. 45–77.

Karras R.M. Concubinage and Slavery in the Viking Age // Scandinavian Studies. 1990. No. 62. P. 141–162.

Ker W.P. The Dark Ages. N.Y.: Mentor Books, 1958.

Knudsen A. Internal unrest: Corsican vendetta – a structured catastrophe // Folk. 1985. No. 27. P. 65–70.

Kress H. Ekki hofu vér kvennaskap: Nokkrar laustengdar athuganir um karlmennsku og kvenhatur í Njálu // Sjötiu ritgerðir helgaðar Jakobi Benedikts syni 20. júlí 1977 / Eds. Einar G. Pétursson and Jónas Kristjánsson, Pt. 1. 1977. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar. P. 293–313.

Larsen G. Gjqskutímatall og gjqskulqg frá tíma norræns landnáms á Íslandi // Um Landnám á Íslandi, Ráðstefnurit V, Societas scientiarum Islandica / Ed. G.A. Grímsdóttir. Reykjavík, 1996. P. 81–106.

Lárusson M.M. Logretta // KLNLM Kulturhistorisk Leksikon for Nordisk Middelalder 1956–78 fra vikingetid til reformationstid. 22 bd., inklusive supplement og register. Redigeret. af J. Danstrup., København: Rosenkilde og Bagger, 1966. Bd. 11. S. 136–137.

Lárusson Ó. Alþingi // KLNLM Kulturhistorisk Leksikon for Nordisk Middelalder 1956–78 fra vikingetid til reformationstid. 22 bd., inklusive supplement og register. Redigeret. af J. Danstrup., København: Rosenkilde og Bagger, 1956. Bd. 1. S. 123–126.

Lárusson Ó. Lqg og saga. Reykjavík: Hlaðbúð, 1958.

Líndal S. Sendifqr Úlfjós: Ásamt nokkrum athugasemdum um landnám Ingólfs Arnarsonar // Skírnir. 1969. 143. S. 5–26.

Lunden K. Sagakvinner og sosialvictonanarar: Kvinnehistoriske obser vasjonar // Kjettarar, prestar og sagakvinner: Om historie og historieproduksjon. Oslo: Universitetsforlaget, 1980. P. 46–61.

Magerøy H. Norsk islandske problem // Omstridde spørsmål i Nordens historie 3. Foreningene Nordens historiske publikasjoner 4. Oslo: Universitets forlaget, 1965.

Magnúsdóttir A.G. Ástir og völd: Frillulífi á Íslandi á Þjóðveldisöld. Ný saga // Tímarit sögufélags. 1988. No. 2. P. 4 12.

McGovern T.H. The Archaeology of the Norse North Atlantic // Annual Review of Anthropology. 1990. No. 19. P. 331 351.

McGovern T.H., Bigelow G.F., Amorosi T., Russell D. Northern Islands, Human Error; and Environmental Degradation: A View of Social and Ecological Change in the Medieval North Atlantic // Human Ecology. 1988. No. 16. P. 225 270.

Miller W.I. Avoiding Legal Judgment: The Submission of Disputes to Arbitration in Medieval Iceland // American Journal of Legal History. 1984. No. 28. P. 95 134.

Miller W.I. Bloodtaking and peacemaking: Feud, law, and society in saga Icelans. Chicago; L., 1992.

Mitchell S.A. Heroic Sagas and Ballads. Ithaca: Cornell University Press, 1991.

Mundal E. Til debatten om islendingasogene // Maal og Minne. 1975. S. 105 126.

Mundal E. (ed.). Sagadebatt. Oslo; Bergen; Tromso: Universitetsforlaget, 1977.

Mundal E. Kvinnebiletet i nokre mellomaldergenrar. Eit opposisjonelt kvinnesyn? // Edda. 1982. No. 72. S. 341 371.

Mundal E. Norrønn litteratur som kjelde til nordisk kvinnehistorie // Kvin nospår i medeltiden / Ed. Inger Løvkrone, Kvinnovetenskapliga studier 1. Lund: Lund University Press, 1992. S. 93 113.

Nordal S. Íslenzk menning. Reykjavík: Mál og menning, 1942.

Nordal S. The Historical Element in the Icelandic Family Sagas. W.P. Ker Memorial Lecture 15. Glasgow: Jackson, Son, and Co., 1957.

Nordal S. Hrafnkels saga Freysgoða: A Study. Trans. R. George Thomas. Cardiff: University of Wales Press, 1958.

Ólafsson G. Grelutóttir. Landnámsbær á Eyri við Arnarfjörð // Árbók hins íslenzka Fornleifafélags. 1979. P. 25 73.

Ólason V. Nokkrar athugasemdir um Eyrbyggja sögu // Skírnir. 1971. No. 145. S. 5 25.

Ólason V. Íslensk sagnalist: Erlendur lærdómur // Tímarit Máls og men ningar. 1984. No. 45. S. 174 189.

Olsen O. Hørg, hov og kirke: Historiske og arkæologiske vikingetidsstudier. Copenhagen: Gad, 1966.

Olsen O., Crumlin Pedersen O. The Skuldelev Ships. A Report of the Final Underwater Excavation in 1959 and the Salvaging Operation in 1962 // A.A. Vol. XXXVIII. København, 1967.

Olsen O., Crumlin Pedersen O. Five Viking Ships from Roskilde Fjord. Copenhagen, 1978.

Osebergfunnet. Utgitt av Den norske stat / Ed. by A.W. Brøgger, Hj Falk, Haakon Shetelig. Kristiania, 1920.

Peters E.L. Some Structural Aspects of the Feud among Camel Herding Bedouin of Cyrenaica // Africa. 1967. No. 37. P. 261 282.

Rafnsson S. Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia. Lund: C. W. K. Gleerup, 1974. (Bibliotheca historica Lundensis, 31).

Ross M.C. Women and Power in the Scandinavian Sagas. Stereotypes of Women in Power // Contributions in Women's Studies / Eds. Barbara Garlick et al., 125. N.Y.: Greenwood Press, 1992. P. 105 119.

Runólfsson S. Land Reclamation in Iceland // Arctic and Alpine Research. 1987. No. 19. P. 514 517.

Sawyer P. The age of the Vikings. L., 1966.

Short W. Icelanders in the Viking Age // The People of the Sagas. 2010.

Scovazzi M. La saga di Hrafnkell e il problema delle saghe islandesi. Arona: Paideia, 1960.

Sigfússon B. Full goðorð og forn og heimildir frá 12 öld // Saga. 1960. No. 3. S. 48 75.

Sigurðardóttir A. Islandske kvinders økonomiske retslige stilling i middel alderen // Kvinnans ekonomiska ställning under nordisk medeltid / Eds. Hedda Gunneng and Birgit Strand. Lindome: Kompendiet, 1981. P. 89 104.

Sigurðsson G. Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar: tilgáta um aðferð. Reykjavík, 2002.

Sigurðsson G. The medieval Icelandic saga and oral tradition: a discourse on method. Translated by Nicholas Jones. Cambridge; Mass, 2004.

Solvason B.T.R. Ordered Anarchy, State and Rent Seeking: The Icelandic Commonwealth, 930 1262: Dissertation. Virginia: George Mason University, 1991.

Solvason B.T.R. Institutional Evolution in the Icelandic Commonwealth // Constitutional Political Economy. 1993. Vol. 4. No. 1. P. 97 125.

Sveinbjarnardóttir G. Farm Abandonment in Medieval and Post Medieval Iceland: An Interdisciplinary Study. Oxford: Oxbow Books, 1992. (Oxbow Monograph. 17).

Sveinsson E.Ó. The Age of the Sturlungs: Icelandic Civilization in the Thirteenth Century / Trans. Jóhann S. Hannesson. Ithaca: Cornell University Press, 1953. (Islandica. 36).

Sørensen P.M. Saga og samfund: En indføring i oldislandsk litteratur. Copenhagen: Berlingske forlag, 1977.

Thórarinsson S. The application of tephrochronology in Iceland // Tephra Studies / Eds. S. Self and R.S.J. Sparks. Dordrecht: Reidel, 1981. P. 109 134.

Thórarinnsson T. Þjóðin lifði en skógurinn dó // Ársrit skógræktarfélags Íslands. 1974. No. 74. P. 16-29.

Thórðarson M. Bólstaður við Álftafjörð: Skýrsla um rannsókn 1931 // Ársbók hins íslenska fornleifafélags. 1932. S. 1-28.

Thorláksson H. Snorri Sturluson og Oddaverjar // Snorri: Átta alda minning / Ed. Gunnar Karlsson and Helgi Thorláksson, Reykjavík: Sögufélag, 1979a. S. 53-88.

Thorláksson H. Stórbændur gegn goðum: Hugleiðingar um goðavald, konungsvald og sjálfræðishug bænda um miðbik 13. Aldar // Söguslóðir: Afmælisrit helgað Ólafi Hanssyni sjötugum 18. September 1979 / Eds. Bergsteinn Jónsson, Einar Laxness, and Heimir Thorleifsson. Reykjavík: Sögufélag, 1979b. S. 227-250.

Thorláksson H. Að vita sann á sögunum: Hvað vitneskju geta Íslendingasögurnar veit um íslenskt þjóðfélag fyrir 1200 // Ný saga. 1987. No. 1. P. 87-96.

Thorláksson H. Hvað er blóðhefnd? // Sagnaþing: Helgað Jónasi Kristjánssyni sjötugum 10. apríl 1994 / Eds. Gísli Sigurðsson, Guðrún Kvaran, and Sigurgeir Steingrímsson. Hið íslenska bókmenntafélag, Reykjavík, 1994. S. 389-414.

Tomasson R.F. Iceland: The First New Society. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980.

Vésteinsson O. The Christianisation of Iceland. Priests, Power and Social Change 1000-1300: Dissertation. L.: University of London, University College, 1996.

Vestergaard T.A. The system of kinship in early Norwegian law // Mediaeval Scandinavia: A journal devoted to the study of mediaeval civilization in Scandinavia and Iceland. Odense: Odense university press, 1988. No. 12. P. 160-193.

The Viking / Chief contributor Bertil Almgren. Gothenburg: Tre Tryckare; Cagner & Co, 1966.

Wilson S. Feuding, Conflict and Banditry in Nineteenth Century Corsica. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Wimmer L.F. De danske runemindesmærker: 6 vols. Copenhagen: Gylden dalske boghandels forlag, 1893-1908.

Øye I. Middelalderkvinner i tverrfaglig belysning // Historisk Tidsskrift. 1990. No. 4. P. 435-54.

Список сокращений

- a. английское
- d. датское
- d. a., др. англ. древнеанглийское
- d. v. n. древневерхненемецкое
- др. исл. древнеисландское
- n. немецкое
- нор. норвежское
- ш. шведское
- A.A. Acta Archaeologica
- Bns. Brennu Njálssaga.
- Ebs. Eyrbyggja saga.
- Egs. Egils saga Skallagrimssonar
- И. Илиада, поэма Гомера
- Fsl. Frostatingslov («Законы Фростатинга»), норвежские средневековые областные законы
- GL Гуталаг, средневековые законы о Готланд
- ON Old Norse
- Od. Одиссея, поэма Гомера

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты и переводы

Сага об Эгиле

IV... 11. Um v́arit eptir f́or Haraldr konungr suðr með landi með skipaher, ok lagði undir sik Fjórðu ok Fjalir ok skipaði þar til ríkis mǫnnum sínum; hann setti Hróald jarl yfir Firðafylki.

12. Haraldr konungr, var mjǫk gjǫrhugall, þá er hann hafði eignaz þau fylki, er nýkomin váru í vald hans, um lenda menn ok ríka búendr ok alla þá, er honum var grunr á at nǫkkurrar uppreisnar var af v́án, þá lét hann hvern gera annat hvárt, at geraz hans þjónostumenn, eða fara af landi á brott, en at þriðja kosti sæta afarkostum eða láta lífit, en sumir váru hamlaðir at hǫndum eða fótum.

13. Haraldr konungr eignaðiz í hverju fylki óðul ǫll ok allt land, byggt ok óbyggt, ok jafnvel sjóinn ok vǫtnin, ok skyldu allir búendr vera hans leiglendingar; svá þeir, er á mǫrkina ortu, ok saltkarlarnir ok allir veiðimenn, bæði á sjó ok landi, þá váru allir þeir honum lýðskyldir.

IV... 11. Следующей весной конунг Харальд поплыл со своими кораблями на юг и подчинил себе Фирдир и Фьялир и посадил там управлять своих людей. В Фирдире он посадил ярла Хроальда.

12. Когда под власть Харальда подпали эти новые фюльки, он стал зорко следить за лендрманнами и влиятельными бондами и всеми теми, кого он подозревал, что от них можно было ожидать восстания. Он заставлял каждого выбрать одно из двух: пойти к нему на службу или покинуть страну, а в противном случае он сурово наказывал или лишал жизни. У некоторых же были искалечены руки или ноги.

13. Конунг Харальд присвоил в каждом фюльке наследственные владения и всю землю, заселенную и незаселенную, а также море и воды. Все бонды должны были стать зависимыми от него держателями земли. Лесорубы и солевары, рыбаки и охотники — все они также были обязаны повиноваться ему.

14. En af þessi áþján flýðu margir menn af landi á brott, ok byggðuz þá margar auðnir víða, bæði austr í Jamtaland ok Helsingjaland, ok Vestrlönd: Suðreyjar, Dyflinnar skíði, Írland, Normandí á Vallandi, Katanes á Skotlandi, Orkneyjar ok Hjaltland, Færeyjar, ok í þann tíma fannz Ísland.
[Egs, IV. 11–14]

LVI. 40. Líðr af vetrinn, ok kemr þar, er menn fara til Gulabings; Arinbjörn fjölmenni mjök til þings; var Egill í fqr með honum; Eiríkr konungr var þar ok hafði fjölmenni mikit. Bergöundur var í sveit konungs ok þeir bræðr, ok höfðu þeir sveit mikla.

41. En er þinga skyldi um mál manna, þá gengu hváirtveggju þar til, er dómrinn var settr, at flytja framm sannendi sín; var Öundur þá allstórorðr.

42. En þar er dómrinn var settr, var völlr slétt ok settar niðr heslistengr í völlinn í hring, en löggð um útan snæri umhverfis; váru þat kölluð vébönd; en fyrir innan í hringinum sátu dómendr, tólf ór Firðafylki ok tólf ór Sygnafylki, tólf ór Hördafylki; þær þrennar tylftir manna skyldu þar dæma um mál manna.

14. От этого гнета многие бежали из страны, и были тогда заселены многие обширные, еще пустовавшие земли как на востоке — в Ямталанде и в Хельсингьяланде, так и на западе — на Гебридских Островах, под Дублином в Ирландии, в Нормандии, в Катанесе в Шотландии, на Оркнейских, Шетландских и Фарерских островах. В это же время была открыта Исландия.

Перевод С.С. Масловой Лаианской
[Сага об Эгиле 1999: 14–15]

LVI. 40. Прошла зима, и наступило время ехать на Гулатинг. Аринбьёрн поехал туда с большой дружиной. Эгиль был вместе с ним. Конунг Эйрик тоже был на тинге, и с ним много народу. Берг-Энунд находился среди приближенных конунга, и с ним его братья. У них была большая дружина.

41. Когда на тинге разбирались тяжбы, обе стороны подходили к месту, где сидели судьи, и каждый приводил доказательства своей правоты. Энунд держал здесь большую речь.

42. Местом для судей было ровное поле, кольцом окруженное вехами из орешника. Между вехами была протянута веревка. Она называлась священными узамы. А в кругу сидели судьи: двенадцать из фюлька Фирдир, двенадцать из фюлька Согн и двенадцать из фюлька Хёрдаланд. Эти судьи разбирали тяжбы.

43. Arinbjörn réð því, hverir dómendr váru ór Firðafylki, en Þórðr af Aurlandi, hverir ór Sogni váru; váru þeir allir eins liðs.

44. Arinbjörn hafði haft fjölmenni mikit til þingsins; hann hafði snekkju alskipaða, en hafði mart smáskipa, skútur ok róðrarferjur, er búendr stýrðu; Eiríkr konungr hafði þar mikit lið, langskip sex eða sjau; þar var ok fjölmenni mikit af búöndum.

45. Egill hóf þar mál sitt, at hann krafði dómendr at dæma sér lög af máli þeira Önundar; innti hann þá upp, hver sannendi hann hafði í tilkalli fjár þess, er átt hafði Björn Brynjólfsson.

46. Sagði hann, at Ásgerðr, dóttir Bjarnar, en eiginkona Egils, var til komin arfsins, ok hon væri óðalborin ok lendborin í allar kynkvíslir, en tiginborin framm í ættir, krafði hann þess dómendr, at dæma Ásgerði til handa hálfan arf Bjarnar, lönd ok lausa aura.

47. En er hann hætti rœðu sinni, þá tók Bergönundur til máls: „Gunnhildr kona mín“, sagði hann, „er dóttir Bjarnar ok Álofar, þeirar konu, er Björn hafði lögfengit; er Gunnhildr réttir erfingi Bjarnar.

43. Аринбьёрн рядил, какие судьи будут из Фирдира, а Торд из Ауранда — какие будут из Согна. И те и другие действовали заодно.

44. Аринбьёрна сопровождало на тинг множество людей. Он взял с собой шнеку, полный народу, и много небольших кораблей — скутов, а также гребных лодок, на которых сидели бонды. Конунг Эйрик прибыл туда с большой силой: у него было шесть или семь длинных боевых кораблей. На тинге собралось также множество бондов.

45. Эгиль изложил свое дело и сказал, что судьи должны признать, что закон на его стороне. Он доказывал свои права на имущество, которое раньше принадлежало Бьёрну, сыну Брюньольва.

46. Он сказал также, что его законная жена Асгерд, дочь Бьёрна, должна получить наследство после своего отца. Ведь по своему рождению она имеет право владеть наследными землями, и кроме того, многие ее родичи были лендрманнами, а ее предки были еще знатнее. Эгиль потребовал, чтобы судьи присудили Асгерд половину наследства Бьёрна — его земель и движимости.

47. И когда он кончил речь свою, взял слово Берг-Энунд: «Моя жена Гуннхильд», — сказал он, — «дочь Бьёрна и Алов, законной жены Бьёрна. Гуннхильд — по закону наследница своего отца.

48. Tók ek fyrir þá sǫk upp fé þat allt, er Bjǫrn hafði eptir átt, at ek vissa, at sú ein var dóttir Bjarnar Ǫnnur, er ekki átti arf at taka; var móðir hennar hernumin, en síðan tekin frillutaki, ok ekki at frændaráði, ok flutt land af landi.

49. En þú, Egill! ætlar at fara hér, sem hvarvetna annars staðar, þess er þú hefir komit, með ofkapp þitt ok ójafnað; nú mun þér þat hér ekki týja, þvíat Eiríkr konungr ok Gunnhildr drótning hafa mér því heitit, at ek skal rétt hafa af hverju máli, þar er þeira ríki stendr yfir.

50. Ek mun fœra fram sǫnn vitni fyrir konungi ok dómǫndum, at Þóra hlaðhǫnd, móðir Ásgerðar, var hertekin heiman frá Þóris, bróður síns, ok annat sinni af Aurlandi frá Brynjólfs.

51. Fór hon þá af landi á braut með víkingum ok útlǫgum konungs, ok í þeiri útlegð gátu þau Bjǫrn dóttur þessa, Ásgerði.

52. Nú er furða at um Egil, er hann ætlar at gera ómæt ǫll orð Eiríks konungs, þat fyrst, er þú, Egill! hefir verit hér í landi, síðan er Eiríkr konungr gerði þik útlægan, ok þat, þótt þú hafir fengit ambáttar, at kalla hana arfgengja.

48. Я взял все добро, оставленное Бьёрном, так как знал, что вторая дочь Бьёрна не имеет прав на наследство: ее мать увезли из дому как пленницу, а потом она стала наложницей. Родители ее не давали согласия на брак, и Бьёрн возил ее из страны в страну.

49. А ты, Эгиль, видно вздумал действовать здесь так же, как везде, где бы ты ни появлялся: ты хочешь добиться своего дерзостью и беспределом. Но это тебе не удастся, потому что конунг Эйрик и его жена Гуннхильд обещали мне, что всякая тяжба будет решена в мою пользу, если это будет в их власти.

50. Я пред конунгом и судьями приведу правдивых свидетелей того, что Тора Кружевная Рука, мать Асгерд, была насильно увезена из дома ее брата Торира, а второй раз — из Аурланда от Брюньольва.

51. Она уехала из нашей страны с викингами, которых конунг изгнал, объявил вне закона. Асгерд, дочь Торы и Бьёрна, родилась в изгнании.

52. И прямо удивительно, как Эгиль думает умалить все слова Эйрика конунга. Во-первых, Эгиль, ты жил здесь в стране после того, как конунг Эйрик объявил тебя изгнанным из Норвегии. Кроме того, хотя ты взял в жены рабыню, ты добиваешься для нее наследства.

53. Vil ek þess krefja dómendr, at þeir dæmi mér allan arf Bjarnar, en dæmi Ásgerði ambátt konungs, þvíat hon var svá getin, at þá var faðir hennar ok móðir í útlegð konungs“.

54. Þá tók Arinbjörn til máls: „Vitni munum vér fram bera, Eiríkr konungr! til þess, ok láta eiða fylgja, at þat var skilit í sætt þeira Þóris, fǫður míns, ok Bjarnar hǫlðs, at Ásgerðr, dóttir þeira Bjarnar ok Þóru, var til arfs leidd eptir Björn, fǫður sinn, ok svá þat, sem yðr er sjálfum kunnigt, konungr! at þú gerðir Björn ílendan, ok öllu því máli var þá lukt, er áðr hafði milli staðit sættar manna“.

55. Konungr svarar ekki skjótt máli hans; þá kvað Egill:

25. Þýborna kveðr þorna
þornreið ár horna,
(sýslir hann of sína
síngrinþ) Qnundr, mína.
naddhrister, ák nistes
norn til arfs of borna;
þigg þú auþkonr eiþa,
eiþsært es þat, greiþa.

56. Arinbjörn lét þá fram bera vitnisburðinn tólf menn, ok allir vel til valðir, ok hǫfðu allir þeir heyrt á sætt þeira Þóris ok Bjarnar, ok buðu þá konungi ok dómQndum at sverja þar eptir; dómendr vildu taka eiða þeira, ef konungr bannaði eigi; konungr sagði, at hann myndi þar hvárki

53. Я требую, чтобы судьи присудили все наследство Бьёрна мне, а Асгерд как рабыню — конунгу, потому что она родилась в то время, когда ее отец и мать были изгнанниками, объявленными конунгом вне закона».

54. Потом взял слово Аринбьёрн: «Конунг Эйрик, мы приведем свидетелей и подтвердим их показания клятвами, что мой отец Торир и Бьёрн Свободный договорились, что Асгерд, дочь Бьёрна и Торы, будет наследницей своего отца Бьёрна. Кроме того, конунг, вы сами знаете, что вы дали Бьёрну право жить здесь в стране и что тогда было покончено со всем тем, что прежде мешало примирению».

55. Конунг не спешил с ответом. Тогда Эгиль сказал:

«Он сказал: рабыней
Родилась жена моя.
Алчный Энунд, слушай!
Право на наследство
За женой бесспорно
По ее рождению.
В том готов поклясться, —
Принимай же клятву».

56. Аринбьёрн вызвал двенадцать человек, чтобы они выступили свидетелями. Все они были уважаемые люди. Они слышали, как Торир договаривался с Бьёрном, и предложили поклясться в том перед конунгом и судьями. Судьи хотели принять их клятвы, если конунг не запретит этого. Но конунг

at vinna, at leggja á þat lof eða bann.

57. Þá tók til máls Gunnhildr dróttning, sagði svá: „Þetta er undarligt, konungr! hvernig þú lætr Egil þenna enn mikla vefja mál ǫll fyrir þér; eða hvárt myndir þú eigi móti honum mæla, þótt hann kallaði til konungdómsins í hendr þér?

58. En þótt þú vilir enga órskurði veita, þá er Qnundi sé lið at, þá skal ek þat eigi þola, at Egill troði svá undir fótum vini mína, at hann taki með rangendi sín fé þetta af Qnundi, — en hvar ertu, Askmaðr! far þú til með sveit þína, þar sem dómendrnrir eru, ok lát eigi dæma rangendi þessi“.

59. Síðan hljóp Askmaðr ok þeir sveitungar til dómsins, skáru í sundr vébQndin ok brutu niðr stengrnar, en hleyfðu á braut dómQndunum; þá gerðiz þyss mikill á þinginu, en menn váru þar allir vápnlausir.

60. Þá mælti Egill: „Hvárt mun BergQnundr heyra orð mín?“ „Heyri ek“, sagði hann.

61. „Þá vil ek bjóða þér hólmgQngu, ok þat, at vit berimk hér á þinginu; hafi sá fé þetta, lQnd ok lausa aura, er sigr fær, en þú ver hvers manns niðingr, ef þú þorir eigi“.

сказал, что не станет вмешиваться и не будет ни разрешать, ни запрещать эти клятвы.

57. Тогда взяла слово королева Гуннхильд, и так она сказала:

«Меня, конунг, удивляет, как ты позволяешь, чтобы этот мужичина Эгиль поворачивал все дело по-своему. Может статься, ты не возражал бы ему, даже если бы он потребовал от тебя все твое государство.

58. Но если ты не хочешь оказать Энунду никакой помощи, то я не потерплю, чтобы Эгиль попирал ногами моих друзей и чтобы он неправдой отобрал у Энунда его добро. Где ты, брат мой, Альв Корабельщик? Поспешి со своим отрядом туда, где сидят судьи, и не допусти, чтобы это неправое дело совершилось!»

59. Тогда Альв Корабельщик и его дружинники подскочили к месту суда, сломали орешниковые вехи, разрубили натянутые между ними веревки и разогнали судей. На тинге поднялся сильный шум, но люди там были все без оружия.

60. Тогда Эгиль сказал: «Послушай, Берг-Энунд, что я тебе скажу!»

«Ну, слушаю», — ответил Энунд.

61. «Я вызываю тебя на поединок. Давай биться здесь, на тинге. Пусть тот, кто победит, владеет всем добром — землями и движимым имуществом. Каждый тебя осрамит,

62. Þá svarar Eiríkr konungr: „Ef þú, Egill! ert allfúss til at berjaz, þá skulum vér þat nú veita þér“.

63. Egill svarar: „Ekki vil ek berjaz við þik eða við ofrefli liðs, en fyrir jafnmiklum mǫnnum, þá mun ek eigi flýja, ef mér skal þess unna; mun ek ok at því gera engan mannamun“.

64. Þá mælti Arinbjǫrn: „Fǫrum vér á brott, ekki munum vér hér iðna at sinni, þat at okkr vinni“.
[Egs, LVI, 40–64]

если ты не отважишься на поединок».

62. Тут говорит конунг Эйрик: «Если ты, Эгиль, так рвешься в бой, то мы можем предоставить тебе для этого случай».

63. Эгиль отвечает: «Я не хочу биться с тобой и с твоей большой дружиной, но от равного числа людей я не побегу, кто бы ни были эти люди».

64. Тогда Аринбьёрн сказал: «Давай уедем. Все равно на этот раз мы ничего не добьемся».

Перевод С.С. Масловой Лаианской
(с моими исправлениями. — И.Г.)
[Сага об Эгиле 1999: 181–186].

Сага о Магнусе Добром

Откровенные Высы скальда Сигвата, сына Торда

Hét sá er féll á Fitjum,
fjǫlgegn ok réð hegna
heiptar rán, en hánum,
Hákun, firar unnu;
þjóð hélt fast á fóstra
fjǫlblíðs lögum síðan,
enn eru af því minni,
Aðalsteins, búendr seinir...

Hætt er þat, er allir heitask,
áðr skal við því ráða,
hárir menn, er ek heyri,
hót, skjǫdungu at móti.
Greipt er þat er hǫfðum hnepta
heldr ok niðr í feldi,
slegit hefir þǫgn á þegna,
þingmenn nǫsum stinga.

Зовется тот, кто пал в Фитьяре,
многодобрый,
и велел карать,
месть совершал, но его,
Хакуна, мужи любили;
народ держался крепко
за Воспитанника Адальстейна
(милостивого законами впослед-
ствии,
и есть о том память),
бонды медлили (?)...

Опасно то, когда все ненавидят,
(прежде должно с этим
решить)
седых мужей, как я слышал, угрозы,
Скъельдунгу (= князю) супротив.

Eitt er mál, þat er mæla,
minn dróttinn leggr sína
eign á óðul þegna,
öfgast, búendr göfgir.
[Snorri Sturluson 1991]

Плохо (люто) то,
что головами качают хельды,
и вниз в шубу,
(заказано (уже) молчание тенев),
тингмены носами тычут.
Одну речь, то, что говорят, —
«мой князь возложил свою власть
на одали тенев, гневный»,
— бонды знатные (честные).
(Перевод мой. — И.Г.)

Сага об Эгиле

XXIII, 1. Ketill hæingr hét maðr, sonr Þorkels Naumðeljarls ok Hrafnhildar, dóttur Ketils hæings ór Hrafnistu; Hæingr var göfugr maðr ok ágætr; hann hafði verit inn mesti vinr Þórólfs Kveldúlfssonar ok frændi skyldr.
2. Hann var þá í úthlaupi því, er liðsafnaðr var á Hálogalandi ok menn ætluðu til liðs við Þórólf, svá sem fyrr var ritat; en er Haraldr konungr fór norðan ok menn urðu þess varir, at Þórólfur var af lífi tekinn, þá rufu þeir safnaðinn.
3. Hæingr hafði með sér sex tigu manna ok sneri hann til Torga, en þar váru fyrir Hildiríðarsynir ok höfðu fátt lið, en er Hæingr kom á bæinn, veitti hann þeim atgöngu; fellu þar Hildiríðarsynir ok þeir menn flestir, er þar váru fyrir, en þeir Hæingr tóku fé alt þat, er þeir fengu.

XXIII, 1. Жил человек по имени Кетиль Лосось. Он был сын Торкеля, ярла наумудальского, и Хравнхильд, дочери Кетилия Лосося с Хравнисты. Лосось был знатный и прославленный человек. Он был большим другом Торольва, сына Квельдульва, и его родичем.
2. Когда в Халогаланде собрались люди, чтобы идти на помощь Торольву, о чем уже написано раньше, Кетиль Лосось был среди собравшихся. Но когда конунг Харальд направился на юг и стало известно, что Торольва лишили жизни, все разъехались.
3. С Лососем была тогда его дружина — шесть десятков человек, — и они повернули к Торгару, где были сыновья Хильдирид с небольшой дружиной. Лосось напал на них в усадьбе. Сыновья Хильдирид и большинство их людей были убиты, а Лосось и его люди взяли все, что могли захватить.

4. Eptir þat tók Hæingr knQrru tvá, þá er hann fekk mesta; lét þar bera á út fé þat alt, er hann átti ok hann mátti með komaz; hann hafði með sér konu sína ok bQrn, svá þá menn alla, er at þeim verkum hQfðu verit með honum.

5. Baugr hét maðr, fóstbróðir Hæings, ættstórr maðr ok auðigr; hann stýrði Qðrum knerrinum; en er þeir váru búnir ok byr gaf, þá siglðu þeir í haf út.

6. Fám vetrum áðr hQfðu þeir Ingólfr ok HjQrleifr farit at byggja Ísland, ok var mQnnum þá alltíðrætt um þá ferð, sQgðu menn þar vera allgóða landkosti.

7. Hæingr siglði vestr í haf ok leitaði Íslands...

[Egs, XXIII, 1–7.]

XXV... 26. Snimma um várit bjoggu þeir Kveldúlfr skip sín; þeir hQfðu mikinn skipakost ok góðan; bjoggu tvá knQrru mikla, ok hQfðu á hvárum þrjá tigu manna, þeira er liðfærir váru, ok um framm konur ok ungmenni; þeir hQfðu með sér lausafé alt þat, er þeir máttu með komaz, en jarðir þeira þorði engi maðr at kaupa fyrir ríki konungs.

4. Потом он велел снести все свое и захваченное добро на два кнорра, самых больших, которые ему удалось достать. С ним была жена и дети, а также все те, кто вместе с ним прежде принимал участие в этом деле.

5. Жил человек по имени Бауг. Он был знатным и богатым человеком и побратимом Лосося. Он стал кормчим на втором корабле Лосося. Когда они были готовы и подул попутный ветер, они под парусом вышли в море.

6. За несколько зим до этого Ингольв и Хьёрлейв уехали из страны, чтобы поселиться в Исландии, и об этом много толковали. Люди рассказывали, что там были очень хорошие места.

7. И вот Лосось поплыл за море на запад, чтобы добраться до Исландии.

Перевод С.С. Масловой Лашанской (с моими исправлениями. — И.Г.) [Сага об Эгиле 1999: 68–69]

XXV... 26. Ранней весной Квельдульв и его люди стали снаряжать свои корабли. У них были большие и добрые суда. Они снарядили два больших кнорра, и на каждом было три десятка крепких мужчин, а кроме того женщины и дети. Они взяли все добро, которое могли увезти, но земли их никто не смел купить из страха перед могущественным конунгом.

27. En er þeir váru búnir, þá siglðu þeir í brott; þeir siglðu í eyjar þær, er Sólundir heita; þat eru margar eyjar ok stórar, ok svá mjök vágskornar, at þat er mælt, at þar munu fáir menn vita allar hafnir.
[Egs, XXV, 26–27].

27. Когда они были готовы, они отплыли. Они направились к островам, которые называются Солундир. Там много островов, среди них и большие. Берега их так изрезаны, что лишь немногим знакомы там все бухты, пригодные как стоянки для кораблей.

Перевод С. С. Масловой Лашанской
(с моими исправлениями. — И.Г.)
[Сага об Эгиле 1999: 79–80].

XXIX, 1. Skallagrímr var iðjumaðr mikill; hann hafði með sér jafnan margt manna, lét sækja mjök fǫng þau, er fyrir váru ok til atvinnu mǫnnnum váru, þvíat þá fyrst hǫfðu þeir fátt kvikfjár hjá því, sem þurfti til fjölmennis þess, sem var; en þat sem var kvikfjárins, þá gekk ǫllum vetrum sjálfala í skógum.

XXIX, 1. Грим Лысый был человек очень деятельный. У него было постоянно множество людей. Он посылал их добывать припасы, потому что сперва у них была такая забота — слишком мало скота для такого множества людей. Тот же скот, который у них был, пасся каждую зиму на подножном корму в лесах.

2. Skallagrímr var skipasmiðr mikill, en rekavið skorti eigi vestr fyrir Mýrar; hann lét gera bæ á Álptanesi ok átti þar bú annat; lét þaðan sækja útróðra ok selveiðar ok eggver, er þá váru gnóg fǫng þau ǫll, svá rekavið at láta at sér flytja; hvalakvámur váru þá ok miklar, ok skjóta mátti sem vildi; alt var þat þá kyrt í veiðistöð, er þat var óvant manni.

2. Грим Лысый был знатный корабельный мастер, а на побережье к западу от Болот не было недостатка в прибойном лесе. Он велел поставить двор на мысе Альптанес, и здесь у него было еще одно хозяйство. Оттуда он посылал людей на рыбную ловлю в море и на охоту за тюленями, а также собирать птичьи яйца. Все это тогда давало вдоволь припасов. Грим Лысый велел доставлять себе также прибойный лес. Водились в то время и большие стада китов, и их можно было бить сколько угодно. Непуганые живот-

3. Et þriðja bú átti hann við sjóinn á vestanverðum Mýrum; var þar enn betr komit at sitja fyrir rekum, ok þar lét hann hafa sæði ok kalla at Qkrum; eyjar lágu þar út fyrir, er hvalr fanz í, ok qlluðu þeir Hvalseyjar.

4. Skallagrímr hafði ok menn sína uppi við laxárnar til veiða; Odd einbúa setti hann við Gljúfrá, at gæta þar laxveiðar; Oddr bjó undir Einbúabrekkum, við hann er kent Einbúanes; Sigmundur hét maðr, er Skallagrímr setti við Norðrá; hann bjó þar, er kallat var á SigmundarstQðum, — þar er nú kallat at Haugum, — við hann er kent Sigmundarnes; síðan færði hann bústað sinn í Munoðarnes, þótti þar hægra til laxveiða.

5. En er framm gekk mjQk kvikfé Skallagríms, þá gekk féit upp til fjalla alt á sumrum; hann fann mikinn mun á, at þat fé varð betra ok feitara, er á heiðum gekk, svá þat, at sauðfé helz á vetrum í fjalldQlum, þótt eigi verði ofan rekit.

ные тогда спокойно подпускали к себе охотников.

3. Третий двор Грима Лысого стоял у моря в западной части Болот. Это было лучшее место для сбора прибойного леса. Тут же были посевы, и Грим Лысый назвал этот двор Акрами (Пашнями). Недалеко от берега там лежали острова, возле которых водились киты. Их назвали Хвальсейар (Китовые Острова).

4. Грим Лысый также поселил своих людей в горах, около рек, где ловились лососи. Он посадил Одда Бобыля возле реки Глювры, чтобы тот ловил лососей. Одд жил у холма Эйнбуабрекка (Холм Бобыля). По нему назван также гребень Эйнбуанес (Гребень Бобыля). У реки Нордры (Северной Реки) Грим Лысый посадил человека, которого звали Сигмунд. Он жил в том месте, которое называли Сигмундарстадир (Двор Сигмунда), а теперь называют Хаугар (Курганы). По нему назван гребень Сигмундарнес (Гребень Сигмунда). Позже он переселился на Мунодарнес (Отрадный Мыс), где как будто лучше ловились лососи.

5. А когда у Грима Лысого стало много скота, он стал посылать его на лето в горы. Грим Лысый считал, что скот, который пасется на горных пастбищах, становится лучше и тучнее. Овец иногда и зимой держали в горных долинах, если их не пригоняли вниз.

6. Síðan lét Skallagrímr gera bœ uppi við fjallit, ok átti þar bú; lét þar varðveita sauðfé sitt; þat bú varðveitti Gríss, ok er við hann kend Grísartunga; stóð þá á mǫrgum fótum fjárafli Skallagríms.
[Egs, XXIX, 1–6].

6. Позже Грим Лысый построил двор наверху, в горах, и там также было его хозяйство. Он велел пасти там своих овец. За этим хозяйством надзирал Грис, и по нему то место было названо Грисартунга («Язык», т.е. Междуречье Гриса). Стада Грима Лысого паслись во многих местах.

Перевод С.С. Масловой Лашанской
(с моими исправлениями. — И.Г.)
[Сага об Эгиле 1999: 90–91].

Сага об Исландцах

168. Eyjólfur átti Þuríði, dóttur Sturlu Sighvatssonar ok Vigdísar Gíslsdóttur.

Þat er sagt eitthvert sinn um sumarit, helgan dag, at menn sátu úti þar á Mǫðruvöllum í góðu veðri, Eyjólfur bóndi ok fylgdarmenn hans ok Þuríður husfreyja. Þau Ófeigr ok Vigdís Gíslsdóttir váru þar þá heimamenn með Eyjólf.

Þá mælti Eyjólfur í gamni til Vigdísar: „Hvat myndi honum Gizuri til ganga, er hann vildi eigi byggð þína í Skagafirði“.

Vigdís varð fá um.

Þá svarar Þuríður, dóttir hennar: „Því at Gizuri“, segir hon, „þótti hver herkerling líkligri til at hefna fǫður míns, Sturlu, en þú. Sér hann þat, at þér er litr einn gefinn“.

168. ...Эйюльв был женат на Турид, дочери Стурлы, сына Сигхвата, и Вигдис, дочери Гисли.

Рассказывают, что как-то раз тем летом, в воскресный день, люди сидели в хорошую погоду на дворе в Подмаренничных Полях: среди них были и бонд Эйюльв со своими провожатыми, и Турид, хозяйка хутора. Офейг со своей женой Вигдис, дочерью Гисли, тоже были там, в числе домочадцев Эйюльва. Тут Эйюльв в шутку сказал Вигдис: «Что же нашло на Гицура, коли он не пожелал терпеть твой хутор в Нагорном Фьорде?»

Вигдис помрачнела и смолкла.

Тогда отвечает ее дочь Турид: «Потому что Гицуру», — говорит она, — «любая ворчливая старуха кажется более подходящей, чтобы мстить за моего отца Стурлу, чем

Eyjólfr svarar engu ok var rauðr sem dreyri.

[**Sturlunga saga 1963: 424**].

172. Flugumýrabrenna.

Nú urðu margir atburðir senn, ok má þó frá einum senn segja. Gizurr Þorvaldsson lá ok þau Gróa inum vestra megin í skála innar við þili þat, er næst var kvennaskála. En Hallr, sonr hans, ok þau Ingibjörg lágu þar fyrir utan þilit næst í stafnrekku, ok var gluggr kringlótt á þilinu milli rúmma. Í þann glugg hljóp Gizurr um nóttina ok utar á þau Hall, son sinn, ok bað hann vaka skjótt. Gizurr komst í brynju ok fekk stálhúfu setta á hofuð sér. Gróa tók sverðit Brynjubít ok spretti friðböndum ok fekk Gizuri. Brá hann þá sverðinu. Hallr Gizurarson hljóp upp skjótt ok fekk öll vápn sín ok engi klæði pá fyrst nema línklæði. Hann eggjaði menn þegar at duga vel, kvað ekki mundu til saka.

Þeir Eyjólfr ok Hrani hófðu svá skipt liði til atgöngu, at Eyjólfr gekk at syðrum durum, en Hrani at nyrðrum durum með tuttugu menn hvárr. Kolbeinn grön ok

ты. Гицур видит, что у тебя ничего, кроме красивой внешности (þér er litr einn gefinn), нет».

Эйольв ничего не ответил и стал красным, как кровь...

Перевод А.В. Циммерлинга

[Стурла Тордарсон 2007: 305].

172. Сожжение на Мошкарном Болоте [22 октября 1253 г.]

Затем произошло много событий одновременно, но одновременно можно поведать лишь о нескольких.

Гицур, сын Торвальда, и его жена Гроа лежали с западной стороны горницы возле перегородки, отделявшей женский отсек горницы от главного. А его сын Халль с Ингибьёрг лежали по ту сторону перегородки в [угловой] кровати у столба (stafnrekka), и в перегородке между их кроватями было круглое окошко. Гицур проскочил ночью в это окошко к Халлю с Ингибьёрг и велел им быстрее просыпаться. Гицур влез в кольчугу и успел нацепить стальной шишак себе на голову. Гроа взяла меч Бронрез, развязала тесьму на ножнах (friðbönd) и подала Гицуру. Затем он обнажил меч. Халль, сын Гицура, быстро вскочил и подхватил все свое оружие, но никакой одежды, кроме холщового белья, на нем поначалу не было. Он сразу стал призывать мужей проявить себя, и сказал, что враг их, мол, достать не сумеет.

Ari Ingimundarson, Þorsteinn genja gengu at syðrum durum með Eyjólfí, en með Hrana sveitungar hans, Jón af Bakka, Einarr af Qxnahóli. En tveir heldu logum, Skraf-Oddr ok Þórarinn Ljótsungi.

Þessir menn fengu vápn sín í skálanum ok snerust allir til varnar: Gizurr sjálf Þorvaldsson ok synir hans þrír, Gizurr glaði, Björn Ólafsson, Beinir Steinsson, Þorsteinn Skeggjason, Guðmundr ofsi, frændi Gizurar, Þórðr djákni, — ok eru nú tíu, Þorbjörn nef, Svartr Þórisson, Grímr lqmbungr, — hann hljóp upp einhverr manna skjótast ok þreif húðfat ór setinu ok rak fyrir skáladyrrin nyrðri, svá at hurðin gekk aldri upp með vörn Halls Gizurarsonar ok peira fimm, er þar vörðu með honum. Gátu þeir Hrani aldri komizt í skálann. Dugði þeim því lengi drengilig vörn svá, at einum megin væri at þeim gengit svá, at þeir kæmist í skálann. Ásgrímr hét maðr, er enn fekk vápn, norðan frá Þverá, — hann var með Þórolfí munk Qlgerðarmanni, — ok Halldórr Qgmundarson, er síðan var kallaðr hálshoggr. Þessir fimmtán veittu vörn allir drengiliga. Jón prestr Halldórsson hafði eigi vápn, en

Эйольв с Храни поделили войско для приступа таким образом, что Эйольв подошел к южным дверям, а Храни — к северным; у каждого из них было двадцать человек. Кольбейн Ус, Ари, сын Ингимунда, и Торстейн Дылда пошли к южным дверям вместе с Эйольвом, а с Храни пошли его спутники, Йон с Яра и Эйнар с Воловьего Пригорка. Двое — Одд Трепло и Торарин Чадо Льота — держали факелы.

Эти люди из спавших в горнице успели схватить оружие и стали держать оборону: сам Гицур, сын Торвальда, и трое его сыновей, Гицур Веселый, Бьёрн, сын Олава, Бейнир, сын Стейна, Торстейн, сын Skeggi, Гудмунд Дерзкий — он был родичем Гицура, — Торд Дьякон, — это уже десять, — Торбьёрн Нос, Сварг, сын Торира, Грим Ягнятник, — он вскочил одним из самых первых, стащил с настила спальный мешок и отволок его к северным дверям в горницу, и двери эти остались неприступными, благодаря Халлю, сыну Гицура, и тем пятерым, что держали оборону вместе с ним; Храни и его люди так и не смогли прорваться в горницу с того краю. Мужественная оборона позволила защитникам держаться так долго потому, что подступиться к ним можно было только с одной стороны. Асгримом звался человек, который тоже успел схватить оружие. Он был с севера, с Поперечной

hann dugði þó drengiliga til, eggjaði alla menn at duga sem bezt ok bar klæði á vápn þeira Eyjólfss jafnan, er hann mátti. Skafti Dálksson, hann einn, var svá manna fyrir í skálanum, at ekki fullting var at. Steinn smiðr fekk bolǫxi. Hann var lítt í vǫrn, en þó var hann hjá féloǫgum sínum. Guðmundr Fálkason ok Sokki Ormsson hǫfðu sofit í litlustofu. Ketill sútari ok Kormákr bryti, Guðlaugr piltr váru í klefa ok Kolbjǫrn veljungr. Þeir kómust engir í skálann.

Nú veittu þeir Eyjólfir atsókn harða í skálanum. Tókst nu harðr bardagi ok snǫrp atganga, því at viðnámit varð it drengiligsta. Þeir bǫrðust lengi nætr ok hǫfðu svá harðan atgang, at því er þeir menn hafa sagt, er þar váru, at eldr þótti af hrjóta, er vápnin mættust. Ok svá sagði Þorsteinn Guðmundarson síðan, at hann kvaðst þess hvergi komit hafa, at menn hefði jafnfræknliga varizt. Ok allir hafa vǫrn þá ágætt, er varð á Flugumýri, bæði vinir ok óvinir.

Kolbeinn grǫn var fremstr Eyjólfss manna ok Ari Ingimundarson, Kvistungar, Þorsteinn Guðmundarson, Eiríkr Brandsson. Hjuggu þeir bæði hart ok tíðum. Þeir Bjǫrn Ólafsson ok Gizurr glaði, Guðmundr ofsi, Þórðr

Реки, и сопровождал Пивовара, монаха Торольва. Еще одним был Халльдор, сын Эгмунда, которого позже прозвали Рубленая Шея. Все эти пятнадцать человек бились доблестно. У священника Йона, сына Халльдора, оружия не было, но он тоже вел себя мужественно, призывал мужей проявить себя и, когда мог, бросал одежды на оружие Эйольва и его спутников. Скафти, сын Далька, — лишь от него одного из всех мужчин в горнице не было никакого проку. Стейн Кузнец схватил дровяной топор. Он мало участвовал в обороне, но, тем не менее, не отходил от своих товарищей. Гудмунд, сын Фальки, и Сокки, сын Орма, спали в каморке. Кетиль Дубильщик и Кормак Кухарь, Гудлауг Подпасок и Кольбьёрн Отборщик были в клетки (klefi). Никому из них до горницы добраться не удалось.

Вот люди Эйольва идут на приступ к горнице, и завязывается жестокая битва с плотным рукопашным боем, ведь сопротивление было отчаянным. Они долго сражались ночью и рубились столь яростно, что, по рассказам бывших там, когда стлывалось оружие, летели искры. Торстейн, сын Гудмунда, впоследствии рассказывал, что ему не доводилось бывать в тех местах, где люди оборонялись бы доблестней. И Оборону Мошкарного Болота в один голос прославляют все, как друзья, так и недруги.

djákni, Þorbjörn nef gerðu slíkt í móti. Reidði þá Kolbein grön stundum utar í skálann, en stundum viku hinir undan meir norðr í skálann. Þeir bǫrðust lengi nætr ok tóku hvíldir sem við skinnleik.

Ok er þeir Hrani kómust eigi í skálann, þá fór Jón af Bakka upp á húsin ok þeir þrír með honum ok váru á verði.

Fótar-Örn var lengstum á hesti ok skygndist um.

Þeir Hrani gátu upp komit svá hurðinni, at leggja mátti sverðum. En þó urðu fáir menn af því sárir.

Þeir Björn Ólafsson ok Gizurr glaði hǫfðu brotit fengit nǫkkur spjót ór krókum, er stóðu fyrir framan stafnrekkju í kvennaskáladurum, ok varð þeim þat gott til varnar. Margir menn hǫfðu ok skjǫldu af Gizurar mǫnnum.

Þorsteinn Skeggjason varði stafnrekkju gegnt rúmi því, er Hallr hafði legit í. Hann hafði skjǫld ok sverð ok varðist vel. Ísleifr Gizurarson varðist þar ok með honum. Þorsteinn gekk fram fyrir Ísleif, ok bárust sár á hann.

Björn Ólafsson lagði spjóti til Eyjólfss Þorsteinssonar, ok fell hann á bak aftr um kistu ok varð ekki sárr. Björn eggjaði jafnan um nóttina féлага sína ok

Впереди всех людей Эйольва был Кольбейн Ус, а рядом с ним бились Арн, сын Ингимунда, Квистунги, Торстейн, сын Гудмунда, Эйрик, сын Бранда. Они рубили и часто, и мощно. Бьёрн, сын Олава, Гицур Веселый, Гудмунд Дерзкий, Торд Дьякон, Торбьёрн Нос отвечали под стать им. То Кольбейн с товарищами подавались назад, то защитники горницы пятились внутрь на север. Они долго сражались ночью и делали короткие передышки, словно в играх со шкурой.

Храни и его людям никак не удавалось прорваться в горницу. Тогда Йон с Яра с двумя людьми отошел в сторону, взобрался на постройки и заступил на стражу.

Эрн Нога большую часть времени сидел на лошади и пристально всматривался в происходящее.

Храни и его людям удалось, наконец, подвинуть дверь настолько, что стало возможно рубиться мечами. Однако раненых при этом было немного.

Бьёрн, сын Олава, и Гицур Веселый сумели сорвать несколько копий с крюков, висевших у передней кровати за дверьми в женский отсек <горницы>, и это здорово помогало им держать оборону. У многих людей Гицура, кроме того, были щиты. Торстейн, сын Скегги, оборонял угловую кровать напротив спального места Халля. У него были щит и меч, и он оборонялся достойно. Вместе с ним оборону держал Ислейв, сын Ги-

bað þá Eyjólf reka af sér, kvað þeira eigi óvænna, er fyrir váru, ok hans vörn brá Gizurr jafnan við síðan, at hann kvaðst aldri rǫskvara mann sét hafa.

Gizurr Þorvaldsson hljóp þá upp í stafnrekkjuna, er sár bárust á Þorstein. Ok þá sóttu þeir Eyjólf norðr um kvennaskáladýrrin, ok var Eyjólf þá framarliga. Þat sá Gizurr, er hann var í stafnrekkjunni, ok ætlaði at hǫggva tveim hǫndum á handlegg Eyjólf með Brynjubít, en blóðrefillinn sverðsins kom upp í tjaldsprotann, ok kom þat hǫgg ekki á Eyjólf. Aldri sáu þeir Eyjólf Gizur um nóttina ok eggjuðu þó, at hann skyldi láta sjá sik, en hann svaraði engu.

Þá bað Kolbeinn grǫn, at honum skyldi hrinda á fylking þeira Gizurar manna, ok var þat gert. Varð þá í hrǫngl mikit. Ok í þeiri svipan hjó Ari Ingimundarson hǫnd af Ketilbirni Gizurarsyni. Hann mælti við sveininn, er hann lét hǫndina, svá at af tók: „Skall þar einum, ok skyldi brátt meir.“

Skildir margir hengu í skálanum, ok bað Gizurr menn taka skjölduna ok skjóta skjaldborg í þeim durum, er skálar mættust, ok var svá gert.

Sóttu þeir Hrani ok Kolbeinn fast at ok gátu ekki at gert skjaldborginni. Þrífir Kolbeinn

цура. Торстейн заслонял собой Ислейва и принимал на себя раны.

Бьёрн, сын Олава, ударил копьем Эйольва, сына Торстейна, и тот упал навзничь и растянулся на сундуке; ранен он не был. Бьёрн ночью постоянно призывал своих товарищей идти вперед и прогнать Эйольва, говоря, что они ничуть не слабее его, и Гицур постоянно вспоминал потом его оборону, и говорил, что никогда в жизни не видал более храброго человека.

Гицур, сын Торвальда, бросился к угловой кровати, когда увидел, что Торстейн принимает на себя все раны. Эйольв и его люди наступали в это время на север через двери женского отсека, и Эйольв на миг оказался впереди всех. Гицур видел, что тот идет по угловой кровати, и хотел ударить Эйольва Бронерезом с обеих рук по предплечью, но острое меча задело шест, на котором висел полог кровати, и удар миновал Эйольва. А Эйольв и его люди Гицура в ту ночь не видели вообще и подстрекали его показаться, но он ничего не отвечал им.

Тут Кольбейн Ус попросил, чтобы его вытолкнули прямо на строй людей Гицура, и это было исполнено. Образовалась страшная давка. И в этот миг Ари, сын Ингимунда, отрубил Кетильбьёрну, сыну Гицура, руку. Он сказал мальчику, когда тот потерял руку, и она полетела

þá til ok ætlaði at rífa af þeim skjölduna, en Gizurr hjó á hǫndina. Ok þá bǫrðust þeir enn lengi.

Ok þá er Eyjólfur sá, at þeim sóttist seint, en uggði, at heraðsmenn myndi at koma, þá báru þeir eld at. Jón af Bakka hafði haft tjǫrupinn með sér, ok þá tóku þeir gærur af þǫnum, er þar váru úti, ok báru þar í eld ok tjǫruna. Sumir tóku tǫðu ok tráðu í gluggana ok lǫgðu þar eld í, ok varð þá reykr mikill brátt í húsunum ok svælumikit.

Gizurr lagðist niðr í skálanum með setstokkinum ǫðrum megin ok lagði nasirnar ok hǫfuðit við gólfít ok þar Gróa, kona hans, hjá honum. Þorbjǫrn nef lá þar hjá þeim, ok horfðust þeir Gizurr at hǫfðunum. Þorbjǫrn heyrði, at Gizurr bað fyrir sér á marga vega háleitliga til guðs, svá at eigi kvaðst hann slíkan formála heyrtr hafa, en hann þóttist eigi sinn munn mega í sundr hefja fyrir reykr. Ok eftir þat stóð Gizurr upp, ok helt Gróa á honum. Gizurr gekk í anddyrit syðra, ok var honum þá erfitt mjök bæði af reykr ok hita ok var þat í hug at leita út heldr en vera lengr inni svældr.

Gizurr glaði stóð við dyrrin ok talaði við Kolbein grǫn. Ok

прочь: «Один уже получил, а другим ждать недолго».

В горнице висело много щитов, и Гицур просил своих людей взять щиты и выстроить из них стену (skjóta skjaldborg) возле тех дверей, которые вели из одного отсека в другой, и это было исполнено.

Храни с Кольбейном вовсю наступают, но ничего не могут поделывать со стеной из щитов. Тогда Кольбейн подскакивает и пытается вырвать щиты у защитников. Но Гицур ударил его по руке. Еще после этого они долго сражались.

И поскольку Эйольв видел, что приступ затянулся, — и боялся, что подспеют жители округи, — они поднесли к дому огонь. Йон с Яра привез с собой смолу на щепках; они сняли висевшие во дворе овчины (gærur) с крючьев, кинули в них смолу и подожгли. Другие взяли кизяк, запихали его в окошки и подожгли, и постройки быстро наполнились дымом и страшной копотью.

Гицур лег ничком в горнице на помосте, с краю столба, и уткнул голову и ноздри в пол; подле него легла его жена Гроа. Напротив них лежал Торбьёрн Нос, и их с Гицуром головы были рядом. Торбьёрн услышал, как Гицур торжественно и на многие лады молился Богу — никогда, по словам Торбьёрна, не слышал он прежде таких обращений, а сам он и рта не мог раскрыть из-за дыма. И после этого Гицур встал, а Гроа его поддер-

bauð Kolbeinn honum grið, því at þeir höfðu fyrr þat við mælt, at hvárr skyldi öðrum grið gefa, hvárr sem vald hefði til. Gizurr Þorvaldsson stóð at baki nafna sínum, meðan þeir töludu þetta, ok svalaði honum heldr meðan. Gizurr glaði beiddist, at hann myndi kjósa mann með sér til griða. Kolbeinn játti því, þegar frá væri skiliðr Gizurr ok synir hans.

Þá kom þar til Gróa í anddyrit Ingibjörg Sturludóttir ok var í náttserk einum ok berfætt. Hon var þá þrettán vetra gǫmul ok var bæði mikil vexti ok skǫrulig at sjá. Silfrbelti hafði vafizt um færtr henni, er hon komst ór hvílunni fram, var þar í pungr ok þar í gull hennar mǫrg, hafði hon þat þar með sér. Gróa varð fegin henni mjök ok segir, at eitt skyldi yfir þær ganga báðar.

Ok er Gizuri hafði heldr svalat, þá var honum þat í hug at hlaupa eigi út. Hann var í línklæðum ok í brynju, stálhúfu á höfði, sverðit Brynjubít í hendi. Gróa var ok í náttserk einum. Gizurr gekk at henni Gróa ok tók fingrgull tvau ór brókarbeltis pungu sínum ok fekk henni í hönd, því at hann ætlaði henni líf, en sér dauða. Annat fingrgullit hafði átt Magnús byskup, fǫðurbróðir hans, en annat Þorvaldr, faðir

жала. Гицур направился к южным сениям: ему было невольно от дыма и жара, и он склонялся к мысли, что лучше уж выйти наружу, чем коптиться в доме.

У дверей стоял Гицур Веселый и беседовал с Кольбейном Усом. И Кольбейн предложил ему пощаду, ибо они с Гицуром прежде уславливались, что каждый из них, у кого будет такая возможность, пощадит другого. Гицур, сын Торвальда, стоял за спиной своего тезки, пока они это обговаривали, и ему стало чуть прохладней. Гицур Веселый попросил, чтобы ему разрешили вывести из дому еще одного человека, и чтоб его спутник тоже получил пощаду. Кольбейн согласился на это, при условии, что это не Гицур и не его сыновья.

Тут к Гроа в сени подошла Ингибьёрг, дочь Стурлы; она была в одной ночной сорочке и босая. Было ей тогда лишь тринадцать лет, но она была уже и видной, и рослой. На ногах ее, с тех пор, как она выскочила из постели, болтался серебряный поясok: в нем был <зашит> кошель с множеством ее золотых драгоценностей, — она привезла их на хутор с собой. Гроа очень обрадовалась ей и сказала, что у них будет одна судьба.

И после того, как Гицуру немного полегчало, он передумал выбегать наружу. На нем было холщовое белье, броня, на голове — стальной шишак, а в руке — меч Бронерез.

hans. Kvaðst hann vilja, at þeira gripa nyti vinir hans, ef svá færi sem hann vildi. Gizurr fann þá á Gróu, at henni fannst mikit um skilnaðinn þeira. Leitaði Gizurr þá innar eftir húsunum ok með honum Guðmundr, frændi hans. Hann vildi aldri við hann skilja. Þeir kómu at litlustofudurum, ok ætluðu þar út at leita. Þá heyrði hann þar mannamál úti ok bǫlvan. Brott hvarf hann þaðan.

173. Dauði Gizurarsona ok Gróu, konu Gizurar.

Nú verðr þar frá at hverfa.

Þær Gróa ok Ingibjörg gengu nú út at durunum. Gróa bað Ingibjörgu útgöngu. Þat heyrði Kolbeinn grǫn, frændi hennar, ok bað hana út ganga til sín. Hon kvaðst eigi þat vilja, nema hon kǫri mann með sér. Kolbeinn kvað eigi þat mundu. Gróa bað hana út ganga, — „en ek verð at leita sveinsins Þorláks, systursonar míns“, segir hon. Þorleifr hreimr var fadir hans.

Sveinninn hafði út hlaupit áðr, ok loguðu um hann línklæðin, er hann kom ofan á vǫllinn. Hann var tíu vetra gamall. Komst hann til kirkju.

Þat er sumra manna sǫgn, at Þorsteinn genja hryndi Gróu inn í eldinn, ok þar fannst hon í anddyrinu.

Гроа тоже была в одной ночной сорочке. Гицур подошел к своей жене Гроа, вынул из кошеля, что был у него в поясном ремне, два золотых перстня и вручил ей: он надеялся, что она выживет, и думал, что обречен на смерть. Один из этих золотых перстней достался ему от дяди по отцу, епископа Магнуса, а второй — от его отца Торвальда. Гицур сказал, что хочет, чтобы эти сокровища еще сослужили добрую службу его друзьям, если все сложится, как он хочет. Гицур понял по лицу Гроа, что ей тяжело расставаться с ним. Затем Гицур отошел внутрь дома; его сопровождал его родич Гудмунд, который ни за что не желал его покидать. Они подошли к дверям в каморку и собрались выбежать оттуда наружу. Тут он услышал людскую речь с бранью, и ушел прочь.

173. Смерть сыновей Гицура и его жены Гроа.

Теперь следует прервать этот рассказ.

Вот Гроа и Ингибьёрг идут к дверям. Гроа просит, чтоб Ингибьёрг позволили выйти. Это услышал родич Ингибьёрг, Кольбейн Ус, и велел ей выходить к нему. Она отвечала, что выйдет, только если ей позволят вывести с собой мужа. Кольбейн сказал, что это исключено. Гроа просила Ингибьёрг выходить, — а я схожу поищу маленького Торлака, сына моей сестры, — говорит она. Отцом мальчика был Торлейв Лепет.

Kolbeinn gr̄on hlj̄op inn í eldinn eftir Ingibj̄orgu ok bar hana út til kirkju. Tóku þá húsin mj̄ok at loga.

Hallr Gizurarson kom litlu síðar at þeim inum syðrum dyrunum ok Árni beiskr með honum, fylgdarmaðr hans. Þeir váru báðir mj̄ok þreyttir ok móðir af hita. Borði var skotit um þverar dyrrnar. Hallr horfði lítt á ok hlj̄op þegar út yfir borði. Hann hafði sverð í hendi ok ekki fleira vápna. Einnarr Þorgrímsson var nær staddr, er Hallr hlj̄op út, ok hjó í h̄ofuð honum með sverði, ok var þat banasár. Ok er hann fell, hjó annarr á fótinn hægra fyrir neðan kné, svá at nær tók af. Þórólfr munkr frá Þverá, ǫlgerðarmaðr, var nýgenginn áðr ut ok var þar í túninu. Hann tók gæru, er þar lá, ok skaut undir Hall, þá er þeir Einnarr gengu frá honum. Hann kippti ǫllu saman, Halli ok gærinni, á leið til kirkjunnar, þá er þeir hugðu eigi at. En Hallr var fáklæddr, ok kom kuldi í sár hans. Munkrinn var ok berfættr, ok kól hann ok. Gat hann þó komit þeim báðum í kirkju um síðir.

Árni beiskr hlj̄op þegar út eftir Halli. Hann drap fótum í borði, var þá við aldr ok fell, er hann kom ut.

Þeir spurðu, hvern þar færi svá hrapalliga.

Мальчик уже выскочил к тому времени наружу; холщовые одежды на нем горели, когда он бежал по полю вниз к церкви. Ему было десять лет. Он добежал до церкви.

Некоторые люди рассказывают, будто Торстейн Дылда швырнул Гроа обратно в огонь; ее тело нашли в сенах.

Кольбейн Ус прыгнул в огонь за Ингибьёрг и принес ее к церкви. К этому времени постройки занялись вовсю.

Чуть позже к южным дверям подошли Халль, сын Гицура, и его провожатый Арни Лютый. Оба были сильно изнурены и изнемогали от жара. Поперек дверей была брошена столешница. Халль почти не смотрел по сторонам и выпрыгнул наружу прямо через столешницу. В руке у него был меч, а другого оружия не было. Эйнар, сын Торгрима, стоял поблизости, когда выпрыгивал Халль; он ударил его мечом в голову, и это была смертельная рана. Когда Халль упал, другой человек рубанул его по правой ноге ниже колена, и почти отсек ему ногу. Монах Торольв с Поперечной Реки, Пивовар, только-только вышел наружу и оставался на выгоне. Он подобрал лежащую овчину и накрыл ею Халля, когда Эйнар с товарищем отошли от него. Он тащил Халля под овчиной всю дорогу до церкви, и они ничего не заподозрили. Но Халль был едва одет, и раны

„Árni beiskr er hér,“ segir hann, „ok mun ek ekki griða biðja. Sé ek ok, at sá liggr hér skammt frá mér, er mér líkar eigi illa, at ek hafa slíka fõr ok hann“.

Kolbeinn mælti þá: „Man engi nú Snorra Sturlu-son, ef þú fær grið“.

Báðir unnu þeir Kolbeinn á honum ok Ari Íngimundarson, ok fleiri hjuggu þeir hann, ok lét hann þegar líf sitt.

Þá fell ofan skálinn, fyrst norðan af skálanum suðr um loftit, er í var skálanum, þessir menn urðu þar undir: Ísleifr Gizurarson, Ketilbjörn, bróðir hans, Björn Ólafsson, Steinn smiðr, Kolbjörn, Ásgrímr. Guðlaugr piltr, Ketill sútari, Kormákr bryti létust í klefanum. Sokki Ormsson lézt í litlustofu. Páll hét lausamaðr einn, er fannst dauðr í borðhúsi í stofunni. Snauðir menn kofnuðu níu í gestahúsi, ok hét maðr Þorfinnr, faðir Þorólfs tinsmiðs. Hálf þriði tigr manna lézt í brennunni.

Halldórr Ogmundarson gekk út suðr dyrr af búrinu ok var þar fyrir Eyjólfur Þorsteinsson ok gaf honum grið. Ok er hann kom mjök at kirkjunni, var þar fyrir sá maðr, er Þorgils smiðr hét, er síðan var veginn á Mõðruvöllum. Hann tók til hans ok kvað honum eigi annt í kirkjuna, en

его заледенели. Монах тоже был бос, и тоже замерз. Под конец ему все же удалось зайти в церковь и втащить туда Халля.

Арни Лютый выскочил сразу вслед за Халлем. Он запнулся ногами о столешницу, ибо был уже в возрасте, и упал наземь.

Те спросили, кто это там несется, сломя голову.

«Здесь Арни Лютый», — говорит он, — «и я не буду просить пощады. К тому же я вижу, что здесь рядом лежит тот, чью судьбу мне не грех разделить».

Тогда Кольбейн молвил: «Коли дать тебе пощаду, позабудешь Snorri, сына Стурлы».

Оба они, Кольбейн и Ари, сын Ингимунда, одновременно поразили Арни; кроме них Арни ударили и другие люди, и он тут же испустил дух.

Затем горница стала рушиться — вначале с северной стороны, а потом рухнул и чердак, что был устроен с южного края. Под ней остались эти люди: Ислейв, сын Гицура, его брат Кетильбьёрн, Бьёрн, сын Олава, Стейн Кузнец, Кольбьёрн и Асгрим. Гудлауг Подпасок, Кетиль Дубильщик и Кормак Кухарь погибли в чулане. Сокки, сын Орма, погиб в каморке. Одного бродягу звали Паль, его нашли мертвым в клетке для столешниц (borðhús). Девятеро бедняков, ночевавших в приюте для гостей (gestahús), оказались погребены

annarr hjó til hans með sverði við forkirkjuna, ok kom framan á hálsinn inum hægra megin, ok hraut blóðit allt á kirkjuna. Var þat mikill áverkí. Komst hann við þat í kirkju.

Nú tóku ǫll húsin at loga, nema eldhús brann eigi ok litlastofa ok skyrbúr.

174. Hversu Gizurr barg lífi sínu.

Nú er at segja frá Gizuri Þorvaldssyni, at hann kom at skyrbúri, ok hann Guðmundr, frændi hans, fylgdi honum. Gizurr bað hann fara frá sér, kvað heldr mega einn fá nokkurt undanbragð, ef þess vildi auðna, þar sem þeir fengu eigi báðir. Þar kom þá ok Jón prestur Halldórsson, ok kvað Gizurr þá báða skyldu brott fara frá sér at sinni. Gizurr steypiti þá af sér brynjunni ok stálhúfunni, en hafði sverðit í hendi. Þeir Jón prestur leituðu til suðrdura af búrinu ok fengu báðir grið. Gizurr Þorvaldsson gekk í búrit. Hann sá, hvar skyrker stóð á stokkum í búrinu. Þar hleypti hann sverðinu Brynjubít ofan í skyrit, svá at þat sǫkk upp um hjóltin. Gizurr sá, at þar var ker í jǫrðu hjá lítit, ok var í sýra, en skyrkerit stóð þar yfir ofan ok huldí mjök sýrukerit, þat er í jǫrðunni var. Þar var rúm þat, er maðr mátti komast í kerit, ok fór Gizurr þar í kerit, þat er

в ней; одного из них звали Торфинн, он был отцом Торольва Лудильщика. Всего в пожаре погибло двадцать пять человек.

Халльдор, сын Эгмунда, миновал чулан и вышел через южные двери наружу. Там стоял Эйольв, сын Торстейна, который даровал ему пощады. И когда он уже подошел к церкви, ему повстречался человек по имени Торгильтс Кузнец — позже его убили на Подмареннических Полях. Он схватил Халльдора одной рукой у самого входа в церковь, сказав, что тому нечего делать внутри, а другой рукой ударил его мечом, и попал по шее справа, так что вся кровь брызнула на церковь. Это была большая рана. С ней Халльдор зашел в церковь.

Вот уже запыхали все постройки хутора, не сгорели лишь кухня с каморкой, да творожный чулан.

174. О том, как Гицур спас свою жизнь.

Теперь следует рассказать о Гицуре, сыне Торвальда, что он пошел к творожному чулану, а Гудмунд, его родич, сопровождал его. Гицур велел Гудмунду уйти от него прочь, и сказал, что испытает напоследок кое-какие хитрости, которые, если и помогут, то ему одному, но не им вдвоем. Потом к ним примкнул священник Йон, сын Халльдора, но Гицур велел им с Гудмундом оставить его и идти прочь. Затем Гицур сбросил с себя броню и шишак; меч он по-прежнему

í jörðunni var, ok settist niðr í sýruna í línklæðum einum, ok tók honum sýran í geirvörtur. Kalt var í sýrunni.

Skamma hríð hafði hann þar setit, áðr hann heyrði mannamál ok heyrði, at um var talat, ef hann fyndist, at þrír menn váru til ætlaðir til áverka við hann, ok skyldi sitt hogg hoggva hvern ok fara ekki ótt at ok vita, hvernig hann yrði við. Hrani var til ætlaðr ok Kolbeinn grön ok Ari Ingimundarson. Nú kómu þeir í búrit með ljósi ok leituðu allt. Þeir kómu at kerinu, er Gizurr sat í kerinu, ok lögðu í kerit þrír menn með spjótum eða fjórir. Þeir þrættu um. Sögðu sumir, at fyrir yrði, en sumir ekki. Gizurr hafði lófana fyrir kviði sér sem hógligast, at þeir skyldi sem sízt kenna, at fyrir yrði. Hann skeindist á lófunum ok svá framan á beinum á sköfnungunum. Váru þat lítil sár ok mörq. Svá hefir Gizurr sagt sjálf, áðr þeir kæmi í búrit, at hann skalf af kulda, svá at svaglaði í kerinu, en er þeir kómu í búrit, þá skalf hann ekki. Tvisvar leituðu þeir um búrit, ok fór svá í hvárttveggja sinn.

Eftir þat gengu þeir í brott ok út ok bjuggust í braut. Gengu menn þá til gríða, þeir er lífs váru, Guðmundr Fálkason, Þórðr djákni, Óláfr, er síðan var

держал в руке. Йон с Гудмундом миновали чулан и вышли из южных дверей: оба они получили пощаду. Гицур, сын Торвальда, зашел в чулан. Он увидел, что на настиле в чулане стоит сосуд (ker) с творогом. Туда, в творог, он и засунул меч Бронерез, так что тот засел по самую рукоять. Гицур увидел, что рядом, в земле, зарыт небольшой сосуд с сывороткой, а сосуд с творогом нависает над ним, почти закрывая второй сосуд, тот, что в земле. Там было достаточно места, чтобы в сосуд пролез человек, и Гицур залез в тот сосуд, что был зарыт в землю, и сел в сыворотку в одном холщовом белье; сыворотка достигала его сосков. Холодно было в сыворотке.

Не успел он просидеть там долго, как услышал людскую речь, и разобрал, что говорят о том, что когда его обнаружат, трое назначенных для этого людей должны будут его поразить: каждый из этих троих должен был, не страшась, нанести по удару, и проверить, что из этого вышло. Это доверялось Храни, Кольбейну Усу и Ари, сыну Ингимунда. Вот они входят в чулан с факелом и обыскивают все вокруг. Они подошли к сосуду <с творогом>, закрывавшему второй сосуд, где сидел Гицур, и трое или четверо мужчин ткнули в сосуд копиями. Они заспорили. Некоторым казалось, что что-то есть, но другие это отрицали. Гицур держал на животе

kallaðr gestr, ok hafði Einarr Þorgrímsson unnit á honum. Þá var í dagan. Stigu brennumenn þá á bak ok riðu út ór garði. Fótar-Orn reið síðast ok segir Eyjólf, at hann sá mann ganga til kirkju ok var leiddr, ok kvaðst hyggja, at Gizurr væri, kvað þat eitt ráð at snúa aftr. Þeir svöruðu margir, kváðu þat ekki vera mega. Varð ok ekki af, at þeir sneri aftr.

Gizurr hafði þá gengit til kirkju sem Orn ætlaði, því at svá var honum kalt orðit, at hann þoldi eigi lengr þar at vera. Ok er Gizurr kom í kirkju, váru klæði borin at honum, ok vermdi sú kona hann á lærum sér, er Hallfríðr hét ok var kǫlluð garðafylja, er síðan var heimakona með Kálfi Brandssyni á Víðimýri. Ornaði honum brátt. Hann var háss orðinn mjök af reyk ok kulda. Gizurr hresstist brátt ok bar sik vel ok drengiliga eftir slíka mannraun ok harma. Hallr, sonr hans andaðist, þá er nær var hálfjóst. Þá er brenna var á Flugumýri, var liðit frá Qnundarbrennu fjórum vetrum fátt í sex tigu vetra, en frá Þorvaldsbrennu hálfri þriðri tigr vetra.

Þessi tíðendi spurðust brátt, ok þótti öllum vitrum mǫnnum þessi tíðendi einhver mest hafa orðit hér á Íslandi, sem guð

ладони так расслабленно, как только мог, чтобы те как можно позднее догадались, что попали в тело. Он повредил себе ладони и оцарапал лобковые кости. Ран было много, но все они были легкие. Гицур сам рассказывал так, что до того, как те зашли в чулан, он дрожал от холода столь сильно, что сосуд звенел, но когда те вошли в чулан, он больше не дрожал. Дважды обыскивали они чулан, и все повторялось сначала.

После этого они ушли из чулана, и вышли во двор, и собрались в обратный путь. Тут оставшиеся в живых запросили пощады: то были Гудмунд, сын Фальки, Торд Дьякон и Олав, которого позже прозвали Гостем — его ранил в битве Эйнар, сын Торгрима. Уже занимался день. Затем поджигатели сели в седло и выехали со двора. Эрн Нога ехал самым последним. Он говорит Эйольву, что видел, как к церкви подходил человек, и его заводили внутрь. Эрн сказал, что, по его мнению, это — Гицур, и по всем признакам надо поворачивать назад. Многие отвечали, что этого просто не может быть. И затея вернуться не воплотилась.

Гицур действительно вышел к церкви, как и предполагал Эрн, ибо ему стало так холодно, что он больше не мог сидеть в сосуде. А когда Гицур пришел в церковь, с него стащили одежды, и женщина по имени Халльфрид и прозвиению Хуторская Кобылка согрела его на своих ляж-

fyrirgefi þeim, er gerðu, með sinni mikilli miskunn ok mildi.

Gizurr reið þá upp í Tungu fyrst um morgininn ok fátt manna með honum. Gerði hann þat til varúðar, ef óvini hans hefði at borit. Var hann þá aftr kominn á Flugumýri ok nǫkkurir Tungubændr með honum, er Páll Kolbeinsson frá Stað kom þar til móts við hann ok margt manna með honum. Þá var borinn út á skildi Ísleifr Gizurarson, ok var hans ekki eftir nema búkrinn steiktr innan í brynjunni. Þá fundust ok brjóstin af Gróu, ok var þat borit út á skildi at Gizuri.

Þá mælti Gizurr: „Páll frændi,“ segir hann, „hér máttu nú sjá Ísleif, son minn, ok Gróu, konu mína“.

Ok fann Páll, at hann leit frá, ok stǫkk ór andlitinu sem haglkorn væri.

Á Flugumýri brann mikit fé, er margir menn áttu, þeir er þar váru. Ok margir menn hǫfðu þangat lét gripa sinna, dúnklaða ok annarra gripa, ok brann þat allt. En þat brann þó mest í fémunum, er Gizurr átti, — fyrst bærinn á Flugumýri, er engi var jafnvirðuligr í Skagafirði fyrir utan staðinn at Hólum. Þar váru ǫll hús mjök vǫnduð at smíði, forskálar allir alþildir til stofu at ganga, skáli altjaldaðr ok stofa.

ках — позже она была домочадцем хутора на Тальниковом Болоте у Кальва, сына Бранда. Ему быстро стало тепло. Он сильно охрип от дыма и холода. Гицур быстро взбодрился; он держался на редкость мужественно и достойно после тех испытаний и горя, которые ему выпали. Халль, его сын, умер, когда наполовину рассвело. Сожжение на Мошкарном Болоте произошло, когда со времени Сожжения Энунда [1197 г.] минуло шестьдесят шесть зим, а со времени Сожжения Торвальда [1228 г.] — двадцать пять зим.

Весть об этих событиях распространилась быстро, и все мудрые люди сочли это одним из ужаснейших поступков, когда-либо совершенных в Исландии, да простит его Бог тем, кто его совершил, в своей великой милости и кротости.

Гицур отъехал утром и поднялся в Междуречья с небольшим числом народа. Сделал он это, дабы упредить своих недругов, на случай, если удастся застичь кого-то из них врасплох. Затем он вернулся на Мошкарное Болото вместе с несколькими бондами из Междуречий. К нему с множеством народа прибыл Паль, сын Кольбейна, с Усадьбы. На щите пронесли тогда Ислейва, сына Гицура: от него ничего не осталось, кроме туловища, зажаренного в броне. Затем нашли также груди Гроа, и их тоже принесли Гицuru на щите.

Þar brunnu ok margir gripir, er átti Íngibjörg Sturludóttir. Íngibjörgu bauð til sín eftir brennuna Halldóra, dóttir Snorra Bárðarsonar, frændkona hennar, er þá bjó í Odda. Fór hon þangat ok fǫrunautar hennar með henni. Var hon mjök þrekuð, barn at aldri. [Sturlunga saga 1963: 434–445].

Тут Гицур молвил:

«Родич Паль», — говорит он, — «взгляни: здесь ты можешь видеть теперь моего сына Ислейва и мою жену Гроа».

И Паль увидел, что когда Гицур от-вернулся в сторону, слезы градом хлынули из его глаз.

На Мошкарном Болоте сгорело большое богатство, принадлежавшее людям, которые там оказались. Ведь многие привезли на хутор свои драгоценности — дорогие перины и прочие ценные вещи, и все это сгорело дотла. Но больше всего имущества потерял Гицур, — и, самое главное, хутор на Мошкарном Болоте, равного которому по изобилию во всем Нагорном Фьорде не было, если не считать епископской усадьбы на Пригорках. Все постройки там были богато украшены резьбой, вся передняя часть горницы, вплоть до покоев, обита досками, и вся горница с покоем завешена пологам. Там сгорели и многие сокровища, принадлежавшие Ингибьёрг, дочери Стурлы.

Ингибьёрг после пожара пригласила к себе ее родственница Халльдора, дочь Снорри, сына Барда; она жила тогда на хуторе в Одди. Ингибьёрг отправилась туда вместе со своими спутниками. Она была очень изнурена, еще ребенок годами.

Перевод А.В. Циммерлинга

[Стурла Тордарсон 2007: 310–317].

Сага о людях с Песчаного берега

XXX, 1. Nú skal þessu næst segja frá Þórólfi bægifót: hann tók nú at eldaz fast ok gerðiz illr ok æfr við ellina ok mjök ójafnaðarfullr; lagðiz ok mjök ómjúkt á með þeim Arnkatli feðgum.

2. Þat var einn dag, at Þórólfr reið inn til Úlfarsfells at finna Úlfar bónda; hann var forverksmaðr góðr ok tekinn til þess, at honum hirðiz skjótar hey en ǫðrum mǫnnum; hann var ok svá fésæll, at fé hans dó aldri af megri eða drephríðum.

3. En er þeir Þórólfr fundust, spurði Þórólfr, hvert ráð Úlfarr gæfi honum, hversu hann skyldi haga verksháttum sínum, eða hversu honum segði hugr um sumar, hversu þerrisamt vera mundi.

4. Úlfarr svarar: “Eigi kann ek þér annat ráð at kenna en sjálfum mér: ek mun láta bera út ljá í dag ok slá undir sem mest má þessa viku alla; þvíat ek hygg, at hon muni verða regnsǫm, en ek get, at eptir þat mun verða gott til þerra enn næsta hálfan mánað”.

5. Fór þetta svá sem hann sagði, þvíat þat fannz opt á, at hann kunni gørr veðr at sjá, en aðrir menn. Síðan fór Þórólfr

XXX, 1. Теперь следует рассказать про Торольва Скрюченная Нога. К этому времени он совсем одряхлел и состарился и в своей старости сделался крайне злобным, буйным и склонным к насилию; он перестал ладить даже со своим сыном Арнке-лем.

2. Однажды днем случилось так, что Торольв отправился к Ульваровой Горе к бонду Ульвару; тот был отменный хозяин, и считалось, что сено сохнет у него быстрее, чем у соседей. У него, к тому же, была такая благодать со скотом, что скот его никогда не падал от недокорма и не знал болезней.

3. Когда Торольв с Ульваром встретились, Торольв спросил Ульвара, что тот ему посоветует, чтобы лучше управиться с работой, и каким Ульвару видится это лето, выдастся ли оно засушливым, или нет.

4. Ульвар отвечает: — Я могу дать тебе лишь тот совет, которому последую сам: я сегодня же велю вынести косы и косить без передышки всю неделю подряд, потому что она, думаю, будет дождливой. А вот после этого погода, как я полагаю, полмесяца будет сухой и хорошей.

5. Все было именно так, как сказал Ульвар, ибо частенько оказывалось, что он угадывал с погодой лучше, чем прочие люди.

heim; hann hafði með sér mart verkmanna, lét hann nú ok þegar taka til engiverka.

6. Veðr fór þannig, sem Úlfarr hafði sagt. Þeir Þórólfr ok Úlfarr áttu engi saman upp á hálsinn; þeir slógu fyrst hey mikit hváriritveggju, síðan þurkuðu þeir ok færðu í stórsæti.

7. Þat var einn morgun snemma, at Þórólfr stóð upp; sá hann þá út. Var veðr þykt, ok hugði hann, at glepaz mundi þerririnn; það hann þræla sína upp standa ok aka saman heyi, ok það þá at vinna sem mest um daginn, — “þvíat mér syniz veðr eigi trúligt”.

8. Þrælarnir klædduz ok fóru til heyverks, en Þórólfr hlóð heyinu ok eggjaði á fast um verkit, at sem mest gengi fram.

9. Þenna morgun sá Úlfarr út snemma, ok er hann kom inn, spurðu verkmennt at veðri. Hann það þá sofa í náðum — “veðr er gott”, sagði hann, “ok mun skína af í dag; skulu þér slá í tǫðu í dag; en vér munum annan dag hirða hey vart, þat er vér eigum upp á hálsinn”.

10. Fórá svá um veðrit sem hann sagði. Ok er á leið kveld, sendi Úlfarr mann upp á hálsinn, at sjá um andvirki sitt, þat er þar stóð. Þórólfr lét aka þrennum eykjum um daginn, ok hǫfðu

Затем Торольв поехал домой; у него было много работников, и он тотчас велел приступить к сенокосу.

6. Погода была именно такой, как сказал Ульвар. У Торольва с Ульваром был общий луг на склоне горы. Вначале и те, и другие усердно косили траву, а после принялись сушить ее и укладывать в скирды.

7. Однажды утром Торольв рано поднялся на ноги и выглянул во двор: погода была пасмурной, и он решил, что сухой поре настал конец. Он велел своим рабам подыматься и ехать за сеном и просил постараться успеть как можно больше, — ибо погода кажется мне ненадежной.

8. Рабы оделись и отправились на сенокос, а сам Торольв складывал сено и всю поторапливал рабов, чтобы они управились как можно быстрее.

9. В то же утро Ульвар рано поднялся на ноги и выглянул во двор. Когда он вернулся, работники спросили, какая погода. Он просил их спать спокойно.

— Погода хорошая, — сказал он, — днем развеется, и будет солнце. Сегодня вы покосите выгон, а завтра заберем сено со своей части склона.

10. Погода была именно такой, как он сказал.

Когда стало смеркаться, Ульвар послал своего человека на склон взглянуть на стоявшие там стога. Торольв распорядился навьючить трех волов

þeir hirt heyit at nóni, þat er hann átti.

11. Þá bað hann þá aka heyi Úlfars í garð sinn; þeir gerðu sem hann mælti. En er sendimaðr Úlfars sá þat, hljóp hann ok sagði Úlfari. Úlfarr fór upp á hálsinn ok var óðr mjök ok spyr, hví Þórólfr rænti sik.

12. Þórólfr kvaz eigi hirða, hvat hann sagði, ok var málóði ok illr viðreignar, ok helt þeim við áhöld; sá Úlfarr þá engan sinn kost annan en verða á brottu; ferr Úlfarr þá til Arnkels ok segir honum skaða sinn ok bað hann ásjá, léz ella allr mundu fyrir borði verða.

13. Arnkell sagðiz mundu beiða fǫður sinn bóta fyrir heyit, en kvað sér þó þungt hug segja um, at nǫkkut mundi at sǫk hafa.

14. Ok er þeir feðgar funduz, bað Arnkell fǫður sinn bæta Úlfari heytǫkuna, en Þórólfr kvað præl þann helzti auðgan. Arnkell bað hann gera fyrir sín orð, ok bæta honum heyit. Þórólfr kveðz ekki gera þar fyrir, nema versnaði hlutr Úlfars, ok skilðuz þeir við þat.

15. En er Arnkell fann Úlfar, segir hann honum, hversu Þórólfr hefir svarat. Þat fannz á Úlfari, at honum þótti, sem Arnkell hefði lítt fylgt málinu; ok kvað hann ráða slíku við fǫður sinn, ef hann vildi.

и возить на них сено в течение всего дня; к трем часам они управились со всем сеном со своей части.

11. Тогда Торольв велел отвезти на свой двор сено Ульвара. Когда посланец Ульвара это увидел, то прибежал домой и обо всем рассказал хозяину. Ульвар отправился на склон в сильном гневе; он спрашивает, отчего Торольв вздумал его ограбить.

12. Торольв сказал, что ему нет дела до речей Ульвара, вошел в раж, и иметь дело с ним было плохо; еще немного, и они бы сцепились. Ульвар не нашел другого выхода, как уйти восвояси; затем Ульвар едет к Арнкелю и рассказывает ему о понесенном уроне.

13. Арнкель сказал, что попытается заставить отца заплатить за сено. Однако же, он сказал, что вовсе не уверен в том, подействует ли это.

14. Когда отец с сыном встретились, Арнкель попросил своего отца возместить Ульвару стоимость сена, но Торольв сказал, что этот раб и без того слишком богат. Арнкель просил уважить его слово и все-таки заплатить за сено. Торольв сказал, что сделает это лишь в том случае, если Ульвар будет нуждаться, и на этом они расстанутся.

15. Встретившись с Ульваром, Арнкель рассказывает, какой ответ дал Торольв. По виду Ульвара легко было понять, что он не считает, что Арнкель положил ради него много усилий; он сказал, что уж он-то бы

16. Arnkell galt Úlfari fyrir heyt slíkt verð, sem honum líkaði; ok er þeir feðgar funduz í annat sinn, heimti Arnkell enn heyverð at fõður sínum, en Þórólfr lét eigi batna um svõrin, ok skilðu þeir þá reiðir.

17. Um haustit eptir lét Arnkell reka af fjalli yxn VII, er Þórólfr, faðir hans, átti, ok lét drepa alla í bú sitt. Þetta líkaði Þórólfi stórilla, ok heimti verð at Arnkatli, en Arnkell kvað þá skyldu koma fyrir heyt Úlfars. Þá líkaði Þórólfi miklu verr en áðr, ok kallaz þetta af Úlfari hlotit hafa, kvað hann sik skyldu fyrir finna.

[Ebs, XXX, 1–17].

XXXI. 1. Þenna vetr um jól hafði Þórólfr drykkju mikla ok veitti kappsamliga þrælum sínum; en er þeir vǫru druknir, eggjar hann þá, at fara inn til Úlfarsfells ok brenna Úlfar inni, ok hét at gefa þeim þar til frelsi.

2. Þrælarnir sǫgðuz þetta mundu vinna til frelsis sér, ef hann efndi orð sín. Síðan fóru þeir VI saman inn til Úlfarsfells; tóku þeir viðkǫst ok drógu at bænum ok slógu eldi í.

3. Í þenna tíma sátu þeir Arnkell við drykkju á Bólstað; ok er þeir

смог добиться толку от своего отца, будь он на месте Арнкеля.

16. Арнкель сам заплатил Ульвару за сено такую цену, которую тот называл. При следующей встрече Арнкель снова потребовал от отца возместить стоимость взятого сена, но ответы Торольва в лучшую сторону не менялись; оба расстались в гневе.

17. Осенью Арнкель велел пригнать с гор семь волов, принадлежавших Торольву, его отцу, и забить их всех на своем дворе. Это крайне не понравилось Торольву, и он потребовал возместить ему урон, но Арнкель ответил, что это ровно столько, сколько стоило сено Ульвара. Тогда Торольв пришел в еще худшее расположение духа, чем прежде, и уверился, что все это произошло по вине Ульвара; он сказал, что ему это еще припомнит.

XXXI. 1. Зимой во время йоля Торольв устроил большую попойку и щедро потчевал своих рабов; когда те напились, он стал подстрекать их подняться на Ульварову Гору и сжечь Ульвара в его доме. За это он обещал отпустить их на волю.

2. Рабы сказали, что выполнят эту работу, чтоб обрести свободу, если Торольв сдержит слово. Затем они шестером отправились на Ульварову Гору, набрали хвороста, поднесли его к дому и высекли огонь.

3. В это время Арнкель и его домоладцы сидели на Жилом Дворе за

gengu til svefns, sá þeir eld til Úlfarsfells; fóru þá þegar til ok tóku þrælana, en slóktu eldinn; váru þá enn lítt brend húsin. Um morguninn eptir lét Arnkell flytja þrælana inn í Vaðilshöfða, ok váru þeir þar hengðir allir.

4. Eptir þat handsalaði Úlfarr Arnkatli fé sitt allt, ok gerðiz hann þá varnaðarmaðr Úlfars.

5. Þetta handsal líkaði illa Þorbrandssonum, þvíat þeir þóttuz eiga allt fé eptir Úlfar, leysingja sinn, ok tózk af þessu fæð mikil með þeim Arnkatli ok Þorbrandssonum, ok máttu þeir þaðan af eigi leika saman eiga.

6. En áðr höfðu þeir leikiz við, ok var Arnkell þó sterkastr at leikum, en sá maðr tók bezt í móti honum ok var annarr sterkastr, er hét Freysteinn bófi, ok var fóstri Þorbrands ok kenningarson, þvíat þat var flestra manna sQgn, at hann væri hans son, en ambátt var móðir hans; hann var drengiligr maðr ok mikill fyrir sér.

7. Þórólfi bægifót líkaði stórilla við Arnkel, er þrælarnir váru drepnir, ok beiddi bóta fyrir, en Arnkell synjaði þverliga at gjalda fyrir þá nQkkurn penning; líkaði Þórólfi nú verr en áðr.

питьем; когда они пошли спать, то увидели, как с Ульваровой Горы тянется пламя. Они тотчас прибежали на место и схватили рабов, а огонь затушили; постройки к этому времени еще не успели сильно обгореть. На следующее утро Арнкель велел отвезти рабов на Мыс Вадиль, и все они были там повешены.

4. Затем Ульвар завещал Арнкелю все права на свое имущество, а Арнкель принял Ульвара под свою защиту.

5. Этот их уговор очень не понравился сыновьям Торбранда, так как они полагали, что все владения Ульвара после его смерти должны отойти им. Отсюда началась большая вражда между Арнкелем и сыновьями Торбранда; с той поры они уже не могли сообща участвовать в играх,

6. хотя раньше часто встречались на них. При этом Арнкель неизменно оказывался сильнейшим, а вторым по силе был человек, который играл против него и звался Фрейстейн Проньра. Он был воспитанником Торбранда и был ему как родной сын; большинство людей верило, что он, на самом деле, сын Торбранда, только незаконный — матерью его была служанка. Это был человек мужественный и видный собой.

7. Торольв Скрюченная Нога затаил злобу на Арнкеля за убийство рабов. Он потребовал за них виру, но Арнкель наотрез отказался давать за рабов даже один пеннинг; от это-

8. Þat var einn dag, at Þórólfr reið út til Helgafells, at finna Snorra goða, ok bauð Snorri honum þar at vera, en Þórólfr kvaz eigi þurfa at eta mat hans — “em ek því hér kominn, at ek vil, at þú réttir hlut minn, þvíat ek kalla þik heraðshöfðingja ok skyldan at rétta þeira manna hlut, er áðr eru vanhluta”.

9. “Fyrir hverjum liggir hlutr þinn undir, bóndi?” sagði Snorri. “Fyrir Arnkatli, syni mínum”, segir Þórólfr.

Snorri mælti: “Þat skaltu eigi kæra, þvíat þér á svá hvern hlutr at þykkja, sem honum, því hann er betri maðr en þú”.

10. “Þann veg er eigi,” segir hann, “þvíat hann veitir mér nú mestan ágang; vil ek nú geraz vinr þinn fullkominn, Snorri! en þú tak við eptirmálum um þræla mína, er Arnkell hefir drepa látit, ok mun ek eigi mæla mér allar bætrnar”.

Snorri svarar: “Eigi vil ek ganga í deilu með ykkur feðgum”.

11. Þórólfr svarar: “Engi ertu vinr Arnkels, en þat kann vera, at þér þykki ek féglöggr, en nú skal eigi þat; ek veit”, sagði hann, “at þú vilt eiga Krákunes ok skóginn með, er

го Торольв пришел в еще худшее расположение духа.

8. Однажды днем случилось так, что Торольв отправился верхом к Снорри Годи на Святую Гору, и Снорри предложил ему погостить, но Торольв сказал, что не собирается проедать здесь чужой хлеб, — пришел я сюда потому, что я хочу от тебя, чтобы ты выправил мою долю. Я заявляю, что ты первый хёвдинг в нашей округе и потому обязан выправлять долю тех, кто ранее был несправедливо ущемлен.

9. — Кто же ущемляет твои права, бонд? — сказал Снорри.

— Арнкель, мой сын, — говорит Торольв.

Снорри сказал:

— На это ты жаловаться не должен, потому что он намного лучший муж, чем ты, с какой стороны вас ни сравнивать.

10. — Это не так, — говорит Торольв, — ибо ныне он совсем не дает мне проходу. Теперь я хочу завязать с тобой крепкую дружбу, Снорри, а ты прими у меня тяжбу о смерти рабов, которых велел убить Арнкель, и я не буду настаивать на том, чтобы вся вира отошла мне.

Снорри отвечает:

— В ваши с сыном распри я встречать не намерен.

11. Торольв отвечает:

— Ты отнюдь не друг Арнкеля. Может, впрочем, статься, что ты считаешь меня прижимистым, но сейчас

mest gersemi er hér í sveit; nú mun ek þetta allt handsala þér, en þú mæl eftir þræla mína, ok fylg því svá sköfuliga, at þú vaxir af, en þeir þykkiz ofgört hafa, er mik svívirðu; vil ek ok engum manni hlífa láta, þeim er hér hafa hlut í átt, hvárt sem hann er meiri eða minni minn vandamaðr“.

12. Snorri þóttiz mjök þurfa skóginn; ok er svá sagt, at hann tók handsöllum á landinu ok tók við eptirmáli þrælanna; reið Þórolfr síðan heim ok unði vel við, en þetta mæltiz lítt fyrir af öðrum mönnum.

13. Um várit lét Snorri búa mál til Þórsnessþings á hendr Arnkatli um þræladrápit; fjölmenntu þeir báðir til þingsins ok helt Snorri fram málum.

14. Ok er mál koma í dóm, kvaddi Arnkell sér bjargkviðar ok færði þat til varna, at þrælarnir váru teknir með kveiktum eldi til bæjarbrennu. Þá færði Snorri þat fram, at þrælarnir váru óhelgir á þeim vættvangi — “en þat, at þér færðuð þá inn í Vaðilshöfða ok drápuð þá þar, þat hygg ek, at þeir væri þar eigi óhelgir“. Helt þá Snorri fram málinu ok eyddi bjargkviðnum Arnkels.

это не так. Я знаю, — сказал он, — что ты мечтаешь завладеть Вороньим Мысом и тамошним лесом, а это величайшее сокровище здесь в округе. Я тут же откажусь от всех этих земель в твою пользу, а ты прими тяжбы об убийстве рабов и веди их с рвением, достаточным для того, чтобы слава твоя умножилась, а те, кто унизил меня, об этом бы пожалели. Я не хочу прощать никого из тех, кто в этом повинен, пускай даже он состоит со мной в ближнем или дальнем родстве.

12. Снорри знал, что лес ему очень нужен. И, как рассказывают, он принял поруку на земли и взялся вести тяжбу об убийстве рабов. После этого Торольф уехал домой; он был очень доволен тем, как все обернулось, но прочие люди отзывались об их сделке неодобрительно.

13. Весной Снорри возбудил против Арнкеля тяжбу об убийстве рабов и вынес ее на Тинг Мыса Тора. Обе стороны явились на тинг с большими отрядами. Снорри произнес свои иски в установленном порядке.

14. И когда все они были переданы в суд, Арнкель потребовал от судей оправдательного приговора, и привел то основание, что рабы были застигнуты при поджоге хутора с высеченным огнем. На это Снорри выставил такой довод: по закону рабов можно было убить на месте преступления, — но поскольку вы затем отвезли их на Мыс Вадиль,

15. Eptir þat áttu menn hlut í at sætta þá, ok varð sættum á komit, skyldu þeir bræðr gera um málit, Styrr ok Vermundr; þeir dæmðu fyrir þrælana XII aura fyrir hvern; gjaldiz féit þegar á þinginu. Ok er féit var goldit, fekk Snorri Þórólfi sjóðinn.

16. Hann tók við ok mælti: “Eigi ætlaða ek til þess, þá er ek fekk þér land mitt, at þú mundir þessu svá lítilmannliga fylgja, ok þat veit ek, at eigi mundi Arnkell þessa hafa varnat mér, at ek hefða slíkar boetr fyrir þræla mína, ef ek hefða undir hann lagit”.

17. Snorri svarar: “Þat kalla ek, at þú sér skammlauss af þessu, en eigi vil ek veðsetja virðing mína til móts við illgirni þína ok ranglæti”.

Þórólfr svarar: “Þat er ok mest ván, at ek sækja þik eigi optarr at málum, ok sofi yðr þó eigi ǫll vá heraðsmǫnnum”.

18. Eptir þetta fóru menn af þinginu, ok unðu þeir Arnkell ok Snorri illa við þessar málalyktir, en Þórólfr þó verst, sem makligt var.

[Ebs, XXXI, 1–18].

где они и были убиты, я полагаю, что там они уже подлежали вире.

Этим Снорри отвел возражение Арнкеля и спас свою тяжбу.

15. После этого вмешались посредники и приложили руку к тому, чтобы завершить дело миром. Обе стороны согласились на мировую; приговор должны были огласить братья Стюр с Вермундом. Они присудили за каждого из рабов двенадцать эйриров и деньги эти тотчас были выплачены на тинге.

Когда деньги были получены, Снорри вручил кошель Торольву.

16. Он принял его и сказал так:

— Не рассчитывал я, когда отдавал тебе свою землю, что ты поведешь тяжбу столь малодушно. Я знаю, что Арнкель вряд ли бы отказал мне, если б я сам запросил у него столь ничтожную виру.

17. Снорри отвечает:

— Я заявляю, что позор с тебя снят, но я не намерен ставить свое доброе имя в заклад в обмен на твое злонаравие и кривду.

Торольв отвечает:

— Можешь рассчитывать на то, что я никогда больше не стану беспокоить тебя со своими делами, и пусть беда не обойдет вас всех стороной в этой округе!

18. После этого люди поехали с тинга домой. И Арнкель, и Снорри были очень недовольны исходом тяжбы, но более всех недоволен был Торольв.

XXXII, 1. Svá er sagt, at þat gerðiz nú til tíðenda, at Órlygr á Órlygsstöðum tók sótt; ok er at honum tók at líða, sat Úlfarr, bróðir hans, yfir honum; hann andaðiz af þessi sótt. En er Órlygr var látinn, fór Arnkell þegar á Órlygsstaði ok tóku þeir Úlfarr fé allt undir sik, þat er þar stóð saman.

2. En er þeir Þorbrandssynir spurðu andlát Órlygs, fóru þeir á Órlygsstaði ok veittu tilkall um fé, þat er þar stóð saman, ok kalla sína eign, þat er leysingi þeira hafði átt, en Úlfarr kvaðz arf eiga eptir bróður sinn at taka. Þeir spurðu, hvern hlut Arnkell vildi at eiga. Arnkell kvað Úlfarr óræntan skyldu fyrir hverjum manni, meðan félag þeira væri, ef hann mætti ráða.

3. Fóru Þorbrandssynir þá í brott, ok fyrst út til Helgafells, ok segja Snorra goða ok beiddu hann liðveizlu, en Snorri goði kvaz eigi mundu þeira mál leggja í þrætur við Arnkel, með því at þeim hafði svá sleppt til tekiz í fyrstunni, at þeir Arnkell höfðu fyrri komit höndum á féit. Þorbrandssynir kvaðu hann eigi mundu meira stjórna, ef hann hirði eigi um slíkt.

XXXII, 1. Вслед за этим, как рассказывают, случилось такое событие, что Эрлюг со Двора Эрлюга слег с болезнью; когда ему стало совсем худо, Ульвар, его брат, стал сидеть при нем. От этой болезни Эрлюг скончался. Как только Эрлюг умер, Ульвар тут же послал за Арнкелем; Арнкель спешно приехал на Двор Эрлюга, и они с Ульваром объявили имущество покойного своим.

2. Когда же о кончине Эрлюга прослышали сыновья Торбранда, они явились на Двор Эрлюга и предъявили свои притязания на все, что принадлежало покойному, заявив, что имущество их вольноотпущенника переходит в их собственность. На это Ульвар сказал, что является наследником своего брата Эрлюга. Они спросили, какова тут доля Арнкеля. Арнкель отвечает, что покамест их союз в силе, никто не посмеет грабить Ульвара, если что-либо здесь будет зависеть от меня.

3. Тогда сыновья Торбранда уехали прочь; вначале они отправились отсюда на север к Святой Горе рассказать обо всем Snorra Годи и попросили у него поддержки, чтобы начать тяжбу. Но Snorra Годи сказал, что не будет тягаться с Арнкелем по этому поводу, потому что они с самого начала были столь неудачливы, что позволили Арнкелю с Ульваром первыми наложить на имущество лапу. На это сыновья Торбранда отвечали, что Snorra

4. Þetta haust eptir hafði Arnkell inni haustboð mikit, en þat var vanði hans, at bjóða Úlfari vin sínum til allra boða ok leiða hann jafnan út með gjöfum.

5. Þann dag, er menn skyldu frá boðinu fara af Bólstað, reið Þórólfr bægifótr heiman; hann fór at finna Spá-Gils, vin sinn — hann bjó í Þórsárdal á Spágilsstöðum — ok bað hann ríða með sér inn á Úlfarsfellsháls. Þræll Þórólfs fór með honum.

6. Ok er er þeir kómu inn á hálsinn, þá mælti Þórólfr: “Þar mun Úlfarr fara frá boðinu, ok meiri ván, at hann hafi gjafir sœmiligar með at fara; nú vilda ek, Spá-Gils!” segir hann, “at þú færir mót honum ok sætir fyrir honum undir garðinum at Úlfarsfelli, ok vil ek, at þú drepir hann, en þar til vil ek gefa þér III merkr silfrs;

7. ok ek skal bótum upp halda fyrir vígit; en þá er þú hefir drepit Úlfar, skaltu taka af honum gripi, þá er hann hefir þegit af Arnkatli; þú skalt hlaupa út með Úlfarsfelli til Krákuness; en ef nökkurir menn fara eptir þér, lát þá skóginn hlífa þér; far síðan á minn fund, ok svá skal ek til sjá, at þik skal eigi saka“.

никогда не сможет забрать себе больше власти, если и впредь будет спускать такое.

4. Той осенью Арнкель устроил у себя на хуторе большое угощение; у него было в обычае приглашать своего друга Ульвара на все пиры, и он каждый раз делал ему на прощание подарки.

5. В тот день, когда люди должны были разъезжаться домой с угощения на Жилом Дворе, Торольв Скрюченная Нога сел верхом и выехал из дому. Он отправился навестить своего друга Гильса Ведуна — тот жил в Долине Реки Тора на Дворе Гильса Ведуна — и просил подняться вместе с ним на кряж Ульваровой Горы. С Торольвом поехал его раб.

6. Когда они поднялись на кряж, Торольв сказал:

— Вон оттуда Ульвар скоро пойдет домой с угощения, и у него, наверняка, с собой будут почетные дары. Теперь я бы хотел от тебя, Гильс Ведун, — говорит он, — чтобы ты вышел ему навстречу и подждал его возле изгороди на Ульваровой Горе. Я хочу, чтобы ты убил его; за это я дам тебе три марки серебра,

7. и я же заплачу виру за это убийство. После того, как убьешь Ульвара, сними с него те вещи, что подарил ему Арнкель. Ты должен бежать с Ульваровой Горы на север к Вороньему Мысу. Если какие-нибудь люди погонятся за тобой, прячься

8. En með því, at Spá-Gils var ómegðarmaðr ok mjök féþurfi, þá tók hann við flugu þessi ok fór útan undir túngarðinn at Úlfarsfelli; sá hann þá, at Úlfarr gekk neðan frá Bólstað ok hafði skjöld góðan, er Arnkell hafði gefit honum, ok sverð búit.

9. Ok er þeir funduz, beiddiz Spá-Gils at sjá sverðit. Hann hœldi Úlfari mjök ok kvað hann vera gøfgan mann, er hann þótti þess verðr, at þiggja enar sœmiligstu gjafar af hofðingjum. Úlfarr vatt við skegginu ok seldi honum sverðit ok skjöldinn. Gils brá þegar sverðinu ok lagði gegnum Úlfar. Eptir þat hljóp hann út með Úlfarsfelli til Krákuness.

10. Arnkell var úti staddr; hann sá, hvar maðr hljóp ok hafði skjöld, ok þóttiz kenna skjöldinn; kom honum í hug, at Úlfarr mundi eigi hafa skjöldinn látit sjálfráðr; kvaddi Arnkell þá menn til at fara eptir mannum — “en með því“, segir hann, “at hér hafa komit fram ráð fōður mins, ok hafi þessi maðr veitt Úlfari bana, þá skulu þér þegar drepa hann, hverr sem hann er, ok látið hann eigi koma mér í augsýn“. Þá gekk Arnkell upp til Úlfarsfells; fundu þeir þar Úlfar dauðan.

в лесу. Оттуда отправляйся ко мне, а я уж сам присмотрю, чтоб тебе не причинили вреда.

8. И поскольку Гильс Ведун имел иждивенцев и очень нуждался в деньгах, он согласился стать наемным убийцей и сел у изгороди возле Ульваровой Горы. Он увидел, как Ульвар поднимается от Жилого Двора в гору с отличным щитом в руках, подарком Арнкеля, и мечом ладной выделки.

9. Когда они встретились, Гильс Ведун попросил позволения взглянуть на меч. Он всю расхваливал Ульвара и сказал, что тот заделался знатью, раз сами хёвдинги удостоивают его столь почетных подарков. Ульвар распустил бороду и дал ему подержать меч со щитом. Гильс тотчас вытащил меч и пронзил Ульвара насквозь. Затем он побежал от Ульваровой Горы на север к Вороньему Мысу.

10. Арнкель стоял на дворе; он увидел, как кто-то бежит, держа в руках щит, и щит этот показался ему знакомым. Ему пришло в голову, что Ульвар вряд ли расстался бы с ним добровольно. Тогда Арнкель кликнул людей, чтобы они бежали за тем человеком вдогонку, — и поскольку, — говорит он, — за этим стоят козни моего отца, и человек этот по его наущению сразил Ульвара, я хочу, чтобы вы тотчас убили его, кто бы он ни был — не желаю, чтоб он попался мне на глаза.

11. Þórólfr bægifótr sá, at Spá-Gils hljóp út með Úlfarsfelli ok hafði skjöld; þóttiz hann þá vita, hversu farit hafði með þeim Úlfari. Þá mælti hann við þrælinn, er honum fylgði: “Nú skaltu fara inn á Kársstaði ok segja Þorbrandssonum, at þeir fari til Úlfarsfells ok láti nú eigi ræna sik leysingjaarfinum, sem fyrr, því nú er Úlfarr drepinn“. Eptir þat reið Þórólfr heim ok þóttiz nú hafa vel sýslat.

12. En þeir, er eptir Spá-Gils hljópu, fengu tekit hann út við klif, er upp ríðr ór fjörunni; fengu þeir þá af honum sannar sǫgur. Ok er hann hafði sagt allt, sem farit hafði, tóku þeir hann af lífi ok kǫsuðu hann þar við klifit, en þeir tóku gripina ok færðu Arnkatli.

13. Þræll Þórólfs kom á Kársstaði ok sagði Þorbrandssonum orðsending Þórólfs. Þá fóru þeir út til Úlfarsfells, ok er þeir kómu þar, var Arnkell þar fyrir, ok mart manna með honum.

14. Þá veittu Þorbrandssynir tilkall um fé, þat er Úlfarr hafði átt, en Arnkell leiddi fram váttaǫgu, þeira er við váru handsal þeira Úlfars, ok kvaðz þat halda mundu, þvíat hann kvað þar eigi ósáttir á hafa

Затем Арнкель поднялся на Ульварову Гору; они нашли Ульвара уже мертвым.

11. Торольв Скрюченная Нога увидел, как Гильс Ведун бежит с Ульваровой Горы на север, держа в руке щит; из этого он понял, как прошла их встреча с Ульваром. Затем он сказал рабу, который сопровождал его:

— Отправляйся теперь на юг ко Двору Кара и скажи сыновьям Торбранда чтобы они выезжали на Ульварову Гору и не позволяли оставить себя без наследства вольноотпущенника, ибо Ульвар уже убит.

Затем Торольв поехал домой; он был очень доволен тем, как провернул это дело.

12. Гнавшиеся же за Гильсом Ведуном, сумели тем временем настичь его на побережье возле одной скалы, вдающейся в море; они выпытали из него всю подноготную. И когда он рассказал, как все было, они лишили его жизни и засыпали труп камнями возле скалы, а щит с мечом взяли с собой и принесли Арнкелю.

13. Раб же Торольва пришел на Двор Кара и передал сыновьям Торбранда сообщение Торольва. Они тут же выехали на Ульварову Гору, но когда они явились туда, то застали там Арнкеля с множеством народа.

14. Тут сыновья Торбранда предъявили свои притязания на все имущество Ульвара, но Арнкель огласил

gengit at lögum, það þá eigi ákall veita um fé þetta, þvíat hann kvaðz halda mundu sem fǫðurarfi sínum.

15. Sá Þorbrandssynir þá sinn kost, at hverfa frá; fóru þeir þá enn út til Helgafells ok sǫgðu Snorra goða, hvar þá var komit, ok báðu hann liðveizlu.

16. Snorri kvað enn farit hafa sem fyrr, at þeir hǫfðu orðit tafli seinni en Arnkell, — “ok munu þér”, sagði hann, “eigi þrifa í hendr Arnkatli eptir þessum penningum, með því at hann hefir áðr tekit undir sik lausafé, en lǫndin liggja yðr ǫllum jafnnær, ok munu þeir þau hafa, sem handsterkari eru; en þess er þó meiri ván, at Arnkell hafi hér af meira hlut, sem af ǫðrum yðrum skiptum;

17. er þat ok satt at segja, at má yðr, þat er yfir margan gengr, þvíat Arnkell sitr nú yfir hvers manns hlut hér í heraði, ok mun þat svá vera, meðan hann lifir, hvárt sem þat er lengr eða skemr“.

18. Þorleifr kimbi svarar: “Satt segir þú þat, Snorri! má þat ok kalla várkunn, at þú réttir eigi várn hlut við Arnkel, þvíat þú heldr engu máli til fulls við

свидетельство тех, кто присутствовал при том, как Ульвар поручал свои владения ему, и сказал, что оставит их себе, так как они были переданы без нарушения законов. Впредь он просил сыновей Торбранда больше не заявлять о своих правах, ибо он намерен отстаивать полученное наследство, как если б был сыном покойного.

15. Сыновья Торбранда не видели для себя другого выхода, кроме как повернуть прочь; оттуда они снова отправились к Святой Горе, повелили Snorri Годи о том, что случилось, и попросили у него поддержки.

16. Snorri сказал, что все вышло в точности, как в предыдущий раз, и они разыграли свою игру на ход позже Арнкеля, — и гроши эти, — сказал он, — вам из рук у него не вырвать, ведь все добро он уже ранее прибрал к рукам. Что до земель, то они равноудалены от вас всех, и, потому, скорее всего, достанутся тем, у кого крепче хватка. Тем более, есть основания ожидать, что Арнкелю здесь, как и в прочих ваших с ним стычках, суждена лучшая доля.

17. По правде сказать, вам придется смириться с тем, что уже затронуло многих, ибо такая доля Арнкеля нынче — сидеть выше всех в этой округе, и так будет продолжаться до тех пор, покуда он жив, независимо от того, как долго это продлится.

hann, því er þit eigiz við með ykkur at skipta“.

Eptir þat fóru þeir Þorbrandssynir heim, ok líkaði þeim allþungt.

[Ebs, XXXII, 1–18].

XXXIII, 1. Snorri goði lét nú vinna Krákunesskóg ok mikit at gera um skógarhöggit. Þórólfi bægifót þótti spillaz skógrinn; reið Þórólfr þá út til Helgafells ok beiddi Snorra at fá sér aptur skóginn, ok kveðz hafa lét honum, en eigi gefit.

2. Snorri kvað þat skyldu skýrra vera, þá er þeir bera um, sem við handsalit váru; kvaz ok eigi skyldu skóginn láta, nema þeir bæri af honum.

3. Þórólfr reið þá í brott ok var í allillu skapi; hann reið þá inn á Bólstað, at finna Arnkel, son sinn. Arnkell fagnar vel fǫður sínum ok spyrr at erendum hans.

4. Þórólfr svarar: “Þat er erendi mitt hingat, at ek sé missmíði á, at fæð er með okkr; vilda ek, at nú legðim vit þat niðr ok tækim upp frændsemi okkra,

18. Торлейв Кимби отвечает:

— Ты, Snorри, говоришь сухую правду. В таком случае неудивительно, что ты не защищаешь нас от притеснений Арнкеля, ведь сам ты ни разу так и не смог превозмочь его, когда вы тягались на тингах.

После этого сыновья Торбранда уехали прочь; они были крайне недовольны исходом дела.

XXXIII, 1. Вот Snorри Годи велит принять за Лес Вороньего Мыса и срубить там много деревьев. Торольв Скрюченная Нога счел, что лес скоро будет вконец сведен. Тогда Торольв сел верхом и выехал на север к Святой Горе и потребовал у Snorри вернуть ему лес обратно, сказав, будто он не дарил, а только одалживал его на время.

2. Snorри сказал, что это легко прояснить, обратившись к свидетельству тех, кто был при том, как Торольв передал ему права — и с лесом он расстанется лишь в том случае, если свидетели покажут против него.

3. Тогда Торольв уехал прочь в самом злобном расположении духа и отправился оттуда напрямик на Жилой Двор к своему сыну Арнкелю. Арнкель приветствовал отца и спросил, какие у него к нему дела.

4. Торольв отвечает: — Привело меня сюда такое дело: по-моему, большая незадача, что между нами сейчас вражда. Я бы хотел, чтобы мы оставили ее и вспомнили о сво-

þvíat þat er óskapligt, at vit sémm ósáttir, þvíat mér þætti, sem vit myndim miklir verða hér í heraði við harðfengi þína, en ráðagerðir mínar“.

5. “Því betr þætti mér“, segir Arnkell, “er fleira væri með okkr“. “Þat vil ek“, sagði Þórólfr, “at vit hafim upphaf at sættargerð okkarri ok vináttu, at vit heimtum Krákunesskóg at Snorra goða, þvíat mér þykkir þat verst, er hann skal sitja yfir hlut okkrum, en hann vill nú eigi lausan láta skóginn fyrir mér ok kallar, at ek hafa gefit hanum, en þat er lygð“, segir hann.

6. Arnkell svarar: “Eigi gerðir þú þat til vináttu við mik, er þú fekk Snorra skóginn, ok mun ek eigi gera þat fyrir róg þitt, at deila við Snorra um skóginn; en veit ek, at hann hefir eigi réttar heimildir á skóginum, en eigi vil ek, at þú hafir fyrir illgirni þína, at gleðjaz af deilu okkarri“.

7. “Þat hygg ek“, segir Þórólfr, “at meirr komi þar til lítilmennska, en þú sparir, at ek henda gaman at deilu ykkarri“.

“Haf þú þat fyrir satt, sem þú vill þar um“, segir Arnkell, “en eigi mun ek svá búit deila um skóginn við Snorra“.

8. Við þetta skildu þeir félagar; fór Þórólfr heim ok unir stórilla sínum hlut ok þykkiz nú eigi sinni ár fyrir borð koma.

ем родстве, ибо нам негоже жить в несогласии. Сдается мне, что мы сильно возвысимся в нашей округе, коли добавим к твоей твердости мою дальновидность.

5. — Чем лучше мы ладим, — говорит Арнкель, — тем больше мне по душе.

— Более всего я хочу — сказал Торольв, — чтобы мы положили начало нашему союзу и дружбе, потребовав Лес Вороньего Мыса у Снорри Годи обратно. Ибо мне невыносимо терпеть, что Снорри сидит на нашей земле и не хочет возвращать лес, ссылаясь на то, что я будто бы его подарил, но это ложь.

6. Арнкель отвечает: — Не дружески поступил ты в тот раз, когда отдавал Снорри лес, и я не последую твоим наветам и не стану затевать распрю. К тому же я не намерен тешить твоё злонравие и радовать тебя нашими со Снорри раздорами.

7. — А я думаю, — говорит Торольв, — что в тебе, скорее, говорит малодушие, чем боязнь потешить меня вашей распрей.

— Думай на этот счет все, что угодно, — говорит Арнкель, — но из-за этого леса я просто так затевать распрю со Снорри не буду.

8. На этом они расстаются. Торольв поехал домой; он был крайне удручен своей участью и не желал смириться с тем, что в этот раз не смог даже перекинуть свое весло за борт.

9. Þórólfr bægifótr kom heim um kveldit ok mælti við engan mann; hann settiz niðr í ǫndvegi sitt ok mataðiz eigi um kveldit; sat hann þar eptir, er menn fóru at sofa. En um morguninn, er menn stóðu upp, sat Þórólfr þar enn ok var dauðr...

[Ebs, XXXIII, 1–9].

XXXV. 1. Snorri goði lét vinna Krákunesskóg allt at einu, þóat Þórólfr bægifótr hefði um vandat; en þat fannz á Arnkatli goða, at honum þótti eigi at lǫgum farit hafa heimildartakan á skóginum, þótti honum Þórólfr hafa gǫrt arfsvik í því, er hann hafði fengit Snorra goða skóginn.

2. Þat var eitt sumar, er Snorri sendi þræla sína at vinna skóginn, ok hjoggu þeir timbr mart ok hlóðu saman ok fóru heim eptir þat. En er timbrit þornaði, lét Arnkell, sem hann mundi heim bera timbrit, en þat varð þó eigi; en þó bað hann smalamann sinn verða varan við, þá er Snorri léti sækja timbrit, ok segja sér.

3. En er þurr var viðrinn, sendi Snorri þræla sína III at sækja viðinn; hann fekk til Hauk, fylgðarmann sinn, at fylgja

9. Вечером Торольв Скрюченная Нога пришел домой и не проронил ни слова. Он сел на свое почетное сиденье и вечером не притронулся к пище; так он продолжал сидеть и в час, когда люди отправились спать. Наутро, когда люди встали, Торольв по-прежнему сидел на своем месте; он был мертв...

XXXV. 1. Снорри Годи велел вновь приняться за Лес Вороньего Мыса, что бы ранее ни говорил на сей счет Торольв Скрюченная Нога. Но Арнкелю легко было понять, что распоряжения Снорри относительно леса пришлось ему не по вкусу и он не считает их вполне законными. Арнкель полагал, что передав лес Снорри Годи, Торольв тем самым извратил порядок наследования.

2. Однажды летом случилось так, что Снорри послал своих рабов в лес для работы; те нарубили множество бревен, сложили их в кучу и после этого уехали домой. Когда бревна начали подсыхать, Арнкель сделал вид, что намерен забрать их к себе на хутор — на самом деле, делать этого он не собирался, зато велел своему пастуху быть начеку и дать ему знать, когда Снорри вышлет за бревнами своих людей.

3. Когда лес вполне подсох, Снорри выслал за ним трех своих рабов; в помощь им он придал своего про-

þrælunum til styrks við þá; fóru þeir síðan ok bundu timbrit á XII hesta; sneru síðan heim á leið.

4. Smalamaðr Arnkels varð varr við ferð þeira ok segir Arnkatli; hann tók vápn sín ok reið eptir þeim ok gat fundit þá út frá Svelgsá milli ok Hóla; ok þegar hann kemr eptir þeim, hljóp Haukr af baki ok lagði til Arnkels með spjóti; kom þat í skjöldinn, ok varð hann eigi sárr.

5. Þá hljóp Arnkell af baki ok lagði til Hauks með spjóti, ok kom þat á hann miðjan, ok fell hann, þar sem nú heitir Hauksá. Ok er þrælarnir sá fall Hauks, tóku þeir á rás ok hljópu heim á leið, ok elti Arnkell þá allt um Øxnabrekkur.

6. Hvarf þá Arnkell aptr ok rak heim með sér viðarhestana; tók af þeim viðinn, en lét lausa hestana, ok festi reipin upp á þá; var þeim síðan vísat út með fjalli; ganga þá hestarnir til þess, er þeir kómu heim til Helgafells.

7. Spurðuz nú þessi tíðendi; stóð allt kyrt þessi misseri; en um várit eptir bjó Snorri goði til vígsmálit Hauks til Þórsnessþings, en Arnkell bjó frumhlaupit til óhelgi Hauki; ok

вожатого Хаука, чтобы тот сопровождал рабов и охранял их. Прибыв на место, они связали бревна и погрузили их на двенадцать лошадей; затем они повернули назад.

4. Пастух Арнкеля проведал об их поездке и доложил Арнкелю. Тот взял свое оружие, поехал вдогонку и поравнялся с ними к северу от Реки Водоворота, между этой рекой и Пригорками. Едва он пристроился за ними, как Хаук спешился и пустил в Арнкеля копье; оно попало в щит, и Арнкель не пострадал.

5. Тогда Арнкель спешился и пустил копье в Хаука; оно попало тому в живот, и Хаук пал. Место, где это случилось, называется сейчас Хауковой Рекой. Когда рабы увидели, что Хаук погиб, они выскочили из повозки и бросились бежать к дому во всю прыть. Арнкель гнался за ними вплоть до Волвьих Откосов.

6. Затем Арнкель повернул обратно к дому, погоняя перед собой лошадей, груженных лесом. Лес он затем разгрузил, а лошадей отпустил прочь, закрепив на них сбрую; после этого их отвели на гору и погнали на север. Так лошади брели, пока не пришли домой на Святую Гору.

7. Новости эти стали известны, однако в течение полугода все было тихо.

Следующей весной Snorri Góði возбудил тяжбу об убийстве Хаука и вынес ее на Тинг Мыса Тора,

fjölmenntu mjök hváirtveggju til þingsins ok gengu með miklu kappi at þessum málum.

8. En þær urðu málalyktir, at Haukr varð óheilagr at frumhlaupinu, ok ónýttuz mál fyrir Snorra goða, ok riðu við þat heim af þinginu; váru þá dylgjur miklar með mǫnnum um sumarit.

[Ebs, XXXV, 1–8].

XXXVI, 1. Þorleifr hét maðr, hann var austfirzkr ok hafði orðit sekr um konumál; hann kom til Helgafells um haustit ok beiddi Snorra goða viðtǫku, en hann veik honum af hǫndum, ok tǫluðu þeir mjök lengi, áðr hann fór á brott.

2. Eptir þat fór Þorleifr inn á Bólstað ok kom þar um kveldit ok var þar aðra nótt. Arnkell stóð upp snemma um morgininn ok negldi saman útihurð sína; en er Þorleifr reis upp, gekk hann til Arnkels ok beiddi hann viðtǫku.

3. Hann svarar heldr seinliga ok spyr, ef hann hefir fundit Snorra goða.

“Fann ek hann“, segir Þorleifr; “ok vildi hann engan kost á gera

а Арнкель вынес на тинг тяжбу об осуждении Хаука за то, что он напал первым. И Снорри, и Арнкель явились на тинг с множеством народа и тягались в суде с большим рвением.

8. В конце концов, Хаук был признан не заслуживающим виры за то, что он первым напал на Арнкеля, и все тяжбы Снорри Годи утратили законную силу. На этом тинг завершился, но стычки между людьми не прекращались в течение всего лета.

XXXVI, 1. Одного человека звали Торлейв; он происходил с Восточных Фьордов и был ранее объявлен вне закона из-за прелюбодеяния. Той осенью Торлейв пришел на Святую Гору и стал упрашивать Снорри Годи взять его к себе, но Снорри ему отказал. Тем не менее, прежде чем Торлейв убрался прочь, они беседовали достаточно долго.

2. После этого Торлейв отправился на юг к Жилому Двору; он явился туда к вечеру и провел на хуторе одну ночь.

Наутро Арнкель рано поднялся на ноги и принялся сколачивать входную дверь. Когда Торлейв поднялся, он подошел к Арнкелю и стал упрашивать взять его к себе.

3. Арнкель отвечает ему довольно холодно и спрашивает, не встречался ли он накануне со Снорри Годи.

— Был я у него, — говорит Торлейв,

at taka við mér, enda er mér lítit um“, segir Þorleifr, “at veita þeim manni fylgð, er jafnan vill sinn hlut láta undir liggja við hvern mann, sem um er at eiga“.

4. “Eigi kemr mér þat í hug“, segir Arnkell, “at Snorri kaupi sínu kaupi betr, þótt hann gefi þér mat til fylgðar“.

“Hér vil ek á halda um viðtökuna, Arnkell! sem þú ert“, segir Þorleifr.

“Eigiemekvanr“, segir Arnkell, “at taka við útanheraðsmönnum“.

5. Áttuz þeir þar við um hríð, helt Þorleifr á um málit, en Arnkell veik af hönndum. Þá boraði Arnkell hurðarokann ok lagði niðr meðan tálguðxina. Þorleifr tók hana upp ok reiddi skjótt yfir höfuð sér ok hugði at setja í höfuð Arnkatli.

6. En er Arnkell heyrði hvininn, hljóp hann undir höggit ok hóf Þorleif upp á bringu sér, ok kendi þar aflsmunar, þvíat Arnkell var ramr at afli; feldi hann Þorleif svá mikit fall, at honum helt við óvit, en øxin hraut ór hendi honum, ok fekk Arnkell hana tekít ok setti í höfuð Þorleifi ok veitti honum banasár.

7. Sá orðrómr lagðiz á, at Snorri goði hefði þenna mann sendan til höfuðs Arnkatli. Snorri lét

— но он не захотел ради меня и пальцем пошевелинуть. Да и мне самому не больно-то хочется, — говорит Торлейв, — быть провожаемым того человека, который всегда готов уступить чужой силе, с кем бы он ни связался.

4. — А мне вовсе не кажется, — говорит Арнкель, — что Снорри сильно прогадал, решив не кормить тебя наравне с прочей челядью.

— Хочу, чтобы ты взял меня в домочадцы, Арнкель! — говорит Торлейв.

— Это вряд ли возможно, — говорит Арнкель, — чтоб я взял изгнанного из херада.

5. Так они препирались какое-то время: Торлейв настаивал на своем, а Арнкель ему отказывал. Затем Арнкель принялся буравить отверстие для засова и отложил плотницкий топорик в сторону. Торлейв тут же подхватил его и быстро занес над головой, метя Арнкелю в голову.

6. Услышав, свист топора, Арнкель пригнулся вниз и схватил Торлейва, подняв его себе на грудь. Тут оказалась разница в силах, ибо мощь Арнкеля была велика; он так приложил Торлейва оземь, что тот едва не лишился чувств, и топорик выскользнул у него из рук. Арнкель подхватил топорик и всадил его Торлейву в голову, и это была смертельная рана.

7. Ходили слухи, что человек этот был подослан Снорри Годи за голо-

þetta mál eigi til sín taka ok lét hér ræða um hvern þat er vildi, ok liðu svá þau misseri, at eigi varð til tíðenda.
[Ebs, XXXVI, 1–7].

XXXVII, 1. Annat haust eptir at vetrnóttum hafði Snorri goði haustboð mikit ok bauð til vinum sínum; þar var ǫldrykkja ok fast drukkit. Þar var ǫlteiti mǫrg; var þar talat um mannjǫfnuð, hverr þar væri gǫfgastr maðr í sveit eða mestr hǫfðingi; ok urðu menn þar eigi á eitt sáttir, sem optast er, ef um mannjǫfnuð er talat; váru þeir flestir, at Snorri goði þótti gǫfgastr maðr, en sumir nefndu til Arnkel; þeir váru enn sumir, er nefndu til Styr.

2. En er þeir tǫluðu þetta, þá svarar þar til Þorleifr kimbi: “Hví þræta menn um slíka hluti, er allir menn megu sjá, hversu er?”

“Hvat villtu til segja, Þorleifr“, sǫgðu þeir, “er þú deilir þetta mál svá mjǫk brotum?”

“Miklu mestr þykki mér Arnkell“, segir hann.

3. “Hvat finnr þú til þess?” segja þeir.

“Þat, er satt er“, segir hann; “ek kalla, at þar sé sem einn maðr, er þeir eru, Snorri goði ok Styrr, fyrir tengða sakir, en engir liggja

вой Арнкеля. Снорри ничем не показал, что дело его касается, и потому каждый мог считать, что ему вздумается, и больше в том году никаких событий не произошло.

XXXVII, 1. На следующий год, в канун наступления зимы, Снорри Годи устроил большое осеннее угощение и зазвал к себе друзей. Наварили вдоль горячей браги, и пили крепко. Было там и множество застольных забав; начали подбирать мужей для сравнения и рассуждать о том, кто самый знатный муж в округе, и кто самый большой хёвдинг. Как это чаще всего и бывает в тех случаях, когда начинают сравнивать мужей, к согласию не пришли: большинство признавало самым знатным Снорри, но некоторые называли Арнкеля; были и такие, кто называл Стюра.

2. Пока они обсуждают все это, Торлейв Кимби подает голос:

— Отчего люди спорят о том, что всем должно быть ясно заранее?

— Куда же ты клонишь, Торлейв, — сказали ему, — раз ты столь круто берешь быка за рога?

— Никто, по-моему, не сравнится с Арнкелем, — говорит он.

3. — Чем же ты подкрепишь свое мнение? — говорят они.

— Истинной правдой, — говорит он, — я заявляю, что Снорри Годи и Стюр — все равно, что один человек, потому они свояки и держатся сообща. А между тем, у двора Арн-

heimamenn Arnkels ógildir hjá garði hans, þeir er Snorri hefir drepit, sem Haukr, fylgðarmaðr Snorra, liggir hér hjá garði hans, er Arnkell hefir drepit“.

Þetta þótti mönnum mjök mælt, ok þó satt, þar sem þeir váru komnir, ok fell niðr þetta tal.

4. En er menn fóru í brott frá boðinu valði Snorri gjafir vinum sínum; hann leiddi Þorbrandssonu til skips inn til Rauðavíkrhofsða.

Ok er þeir skildu, gekk Snorri at Þorleifi kimba ok mælti: “Hér er øx, Þorleifr! er ek vil gefa þér, ok á ek þessa háskaptasta, ok mun hon eigi taka til höfuðs Arnkatli, þá er hann býr um hey sitt á Ørlygsstöðum, ef þú reidir heiman til ór Álptafirði“.

5. Þorleifr tók við øxinni ok mælti: “Hugsa þú svá“, segir hann, “at ek mun eigi dvelja at reiða øxina at honum Arnkatli, þá er þú ert búinn at hefna Hauks, fylgðarmanns þíns“.

Snorri svarar: “Þat þykkiz ek eiga at yðr Þorbrandssonum, at þér haldið njósnum, nær færi gefr á Arnkatli, en ámælið mér þá, ef ek kem eigi til móts við yðr, ef nokkut má at skapaz, ef þér gerið mik varan við“.

Skildu þeir við þat, at hváirtveggju létuz búnir at ráða

келя не лежит никто из его неотомщенных домочадцев, убитых по приказу Снорри Годи, хотя Хаук, провожатый Снорри, был убит Арнкелем и остался неотомщенным.

Речь эта показалась людям во многом справедливой, но чересчур сильной, принимая во внимание место, где она была сказана; больше этот разговор не возобновлялся.

4. Когда народ стал разъезжаться с угощения по домам, Снорри принялся наделять своих друзей подарками. Он проводил сыновей Торбранда до Залива Красной Скалы, где стоял их корабль. Когда они прощались, Снорри подошел к Торлейву Кимби и сказал:

— Вот секира, которую я хочу подарить тебе, Торлейв. Из тех, что есть у меня, у нее самая длинная рукоятка: как знать, может, она и достанет до головы Арнкеля, когда он поедет собирать свое сено на Двор Эрлюга, если ты, конечно, решишься выехать с ней из своего дома в Лебязьем фьорде.

5. Торлейв принял секиру и сказал: — Можешь рассчитывать, — сказал он, — что я не замедлю занести секиру над нашим Арнкелем, когда ты соберешься мстить за своего провожатого Хаука.

Снорри отвечает:

— Вы, сыновья Торбранда, сможете оказать мне услугу, если будете следить за поездками Арнкеля и дадите мне знать, когда представится слу-

Arnkel af lífi, en Þorbrandssynir skyldu halda njósn um ferðir hans.

6. Snemma vetrar gerði íslög mikil, ok lagði fjórðu alla. Freysteinn bófi gætti sauða í Álptafirði; hann var settr til at halda njósnum, ef föeri gæfi á Arnkatli. Arnkell var starfsmaðr mikill ok lét þræla sína vinna alla daga milli sólsetra.

7. Arnkell hafði undir sik bæði lǫndin, Úlfarsfell ok Ørlygsstaði, þvíat engir urðu til at byggja lǫndin fyrir ófrelsi Þorbrandssona; en um vetrinn var þat siðr Arnkels at flytja heyit af Ørlygsstöðum um nætr, er nýlýsi váru, því at þrælarnir unnu alla daga; hirði hann ok eigi, þóat Þorbrandssynir yrði eigi varir við, þá er heyit var flutt.

8. Þat var eina nótt um vetrinn fyrir jól, at Arnkell stóð upp um nótt ok vakði þræla sína III, ok hét einn Ófeigr. Arnkell bóndi fór með þeim inn á Ørlygsstaði; þeir hǫfðu IV yxn ok tvá sleða með.

9. Þorbrandssynir urðu varir við ferð þeira, ok fór Freysteinn bófi

чай напасть. А поносить меня будете потом, если вдруг случится такое, что я не приду вам навстречу, когда вы меня вызовете.

Они расстаются, договорившись, что и те, и другие готовы лишить Арнкеля жизни, и сыновья Торбранда будут следить за всеми его поездками.

6. В начале зимы был сильный ледостав, и все фьорды замерзли. На Лебязьем Фьорде овец пас Фрейстейн Проныра; его поставили, чтобы разведать, когда представится случай напасть на Арнкеля. Арнкель был очень трудолюбив и заставлял своих рабов работать целый день напролет от зари до зари.

7. Арнкель сам распорядился на обоих хуторах, Ульваровой Горе и Дворе Эрлюга, потому что все соседи были подневольны сыновьям Торбранда и не могли занять эти земли. Зимой у Арнкеля вошло в обычай перевозить сено со Двора Эрлюга ночью, так как днем рабы его были заняты другой работой; кроме того, он не хотел, чтобы сыновья Торбранда знали, когда сено увезут с хутора.

8. Той зимой, накануне июля, однажды случилось так, что Арнкель встал посреди ночи и разбудил трех своих рабов; одного из них звали Офейг. Вместе с ними бонд Арнкель выехал на Двор Эрлюга; у них было четыре вола и двое саней.

9. Сыновья Торбранда проведали об их поездке, и Фрейстейн Проныра

þegar um nótt út til Helgafells eptir ísnum ok kom þar, er menn höfðu í rekkju verit um hrið. Hann vakði upp Snorra goða.

10. Snorri spyr, hvat hann vill.

Hann svarar: “Nú er ǫrninn gamli floginn á æzlit á Ǫrlygsstaði”.

Snorri stóð upp ok bað menn klæðaz. Ok er þeir váru klæddir, tóku þeir vápn sín ok fóru IX saman inn eptir ísnum til Álptafjarðar.

11. Ok er þeir kómu inn í fjarðarbotninn, kómu Þorbrandssynir til móts við þá VI saman; fóru þeir síðan upp til Ǫrlygsstaða. Ok er þeir kómu þar, þá hafði þrællinn einn heim farit með heyhlassit, en þeir Arnkell váru þá at gera annat. Þá sá þeir Arnkell, at vápnaðir menn fóru frá sæ neðan; ræddi Ófeigr um, at ófriðr mundi vera — “ok er sá einn til, at vér farim heim”.

12. Arnkell svarar: “Hér kann ek gott ráð til, þvíat hér skulu gera hvárir, þat er betra þykkir: þit skuluð hlaupa heim ok vekja upp fylgðarmenn mína, ok munu þeir koma skjótt til móts við mik, en hér er vígi gott í stakkgarðinum, ok mun ek heðan verjaz, ef þetta eru ófriðarmenn, þvíat mér þykkir þat betra en renna; mun

той же ночью отправился по льду на запад к Святой Горе и пришел туда в ту пору, когда люди уже давно лежали в постели. Фрейстейн разбудил Снорри Годе.

10. Снорри спрашивает, что ему нужно.

Тот отвечает:

— Сейчас старый орел прилетел на кормежку на Двор Эрлюга.

Снорри встал и велел своим людям одеваться. Одевшись, они взяли свое оружие и пошли вдевятером по льду к Лебяжьему фьорду.

11. Когда они достигли вершины фьорда, навстречу им вшестером вышли сыновья Торбранда; оттуда они поднялись наверх ко Двору Эрлюга. Когда они подошли, один из рабов уже уехал домой с возом сена, а Арнкель и двое оставшихся рабов были заняты вторым возом. Тут Арнкель и его спутники заметили, что снизу со стороны моря к ним идут вооруженные люди.

Офейг сказал, что это, наверняка, враги, — и у нас только один выход — вернуться домой.

12. Арнкель отвечает:

— У меня есть хороший совет, как поступить так, чтобы каждый из нас был доволен. Вы вдвоем бегите домой и будите моих провожатых, и они быстро явятся мне на помощь. А сеновал огражден так удачно, что здесь хорошо биться — с него я и буду обороняться, если эти люди пришли не с миром. Это мне кажет-

ek eigi skjótt verða sóttir, munu mínir menn koma skjótt til móts við mik, ef þit rekið drengiliga erendit“.

13. Ok er Arnkell hafði þetta mælt, hófu þrælarnir á rás, ok varð Ófeigr skjótari; hann varð svá hræddr, at hann gekk nálíga af vitinu, ok hljóp í fjall upp ok þaðan í fors einn ok týndiz, ok heitir þar Ófeigsfors.

14. Annarr þræll hljóp heim á bæinn, ok er hann kom til hlöðunnar, var þar fyrir félagi hans ok bar inn heyit. Hann kallar á þann þrælinn, er hljóp, at hann skyldi leggja inn heyit með honum, en þat fannz á, at þrælnum var verkit eigi leitt, ok fór hann til með honum.

15. Nú er at segja frá Arnkatli, at hann kenndi ferð þeira Snorra goða; þá reif hann meiðinn undan sledanum ok hafði upp í garðinn með sér. Garðrinn var hárf útan, en vaxinn mjök upp innan, ok var þat gott vígi; hey var í garðinum ok váru teknir á garðsetar.

16. En er þeir Snorri kómu at garðinum, þá er eigi getit, at þeir hefðiz orð við, ok veittu þeir honum þegar atgöngu ok mest með spjótalögum, en Arnkell laust af sér með meiðinum, ok

ся более достойным, чем бежать. Вряд ли меня одолеют быстро. А мои люди не замедлят прийти мне на помощь, если вы как следует исполните мое поручение.

13. Как только Арнкель это сказал, как рабы бросились бежать во всю прыть. Офейг был более проворным: он перепугался настолько, что совсем потерял рассудок, забежал высоко в горы, свалился там в водопад и погиб; место это зовется Водопадом Офейга.

14. Другой раб прибежал обратно на хутор; когда он подбежал к амбаре, то наткнулся там на своего товарища, который заносил сено внутрь. Он крикнул прибежавшему рабу, чтобы тот заносил сено вместе с ним. Эта работа, как оказалось, была рабу не противна, и он присоединился к товарищу.

15. Теперь следует рассказать про Арнкеля, что он опознал в подошедших людей Snorra Годи. Тогда Арнкель оторвал от саней полоз и залез с ним на сеновал. Сеновал был обнесен высокой оградой, и середина стога сильно возвышалась над краями: это было удобно оборонявшемуся. Внутри было много сена, но возле самой ограды сено было убрано.

16. После того, как Snorri и его люди подошли к ограде, не сообщается, что они обменялись речами. Они сразу пошли на приступ; поначалу они использовали копья, но Арнкель отбивал их удары полозом

gengu mjök í sundr spjótsköptin fyrir þeim, en Arnkell varð eigi sárr.

17. En er þeir höfðu látit skotvápnin, þá rann Þorleifr kimbi at garðinum ok hljóp upp á garðinn með brugðit sverð, en Arnkell laust sledmeiðinum í mót honum, ok lét Þorleifr þá fallaz undan högginu út af garðinum, en meiðrinn kom á garðinn, ok gekk ór garðinum upp fyrir jarðartorfa frosin, en sledmeiðrinn brotnaði í fjotraraufinni ok hraut annarr hlutrinn út af garðinum.

18. Arnkell hafði sett við heyit sverð sitt ok skjöld; tók hann þá upp vápnin ok varðiz með þeim, varð honum þá skeinisamt; kómuz þeir þá upp í garðinn at honum, en Arnkell hljóp upp á heyit ok varðiz þaðan um hrið; en þó urðu þær málalyktir, at Arnkell fell, ok hulðu þeir hann í garðinum með heyi. Eptir þetta fóru þeir Snorri heim til Helgafells.

19. Um dráp Arnkels kvað Þormóðr Trefilsson vísu þessa:

Fekk enn folkrakke,
(framþesk ungr sigre),
Snorre sárorra
sverþe gnógs verþar:
laust í lifs kǫsto,
Leifa má-reifer
unda gjalfrs elde,
es Arnketel felde.

и переломал им почти все древки. Арнкель при этом ранен не был.

17. Когда метать им больше стало нечего, Торлейв Кимби подбежал к ограде и вспрыгнул на нее с обнаженным мечом, но Арнкель оглушил его ударом полоза, так что Торлейву пришлось, дабы смягчить удар, скануться с ограды назад; полоз же ударился об ограду с такой силой, что ком мерзлой земли отлетел от него и подскочил вверх, а сам полоз переломился надвое в месте, где крепится деревянная плашка, и одна из половинок улетела за ограду.

18. Арнкель заранее выложил на стог свой меч со щитом; теперь он взял их и стал защищаться оружием; тут они начали его доставать. Они забрались на ограду и окружили Арнкеля, но он взобрался на самую верхушку стога и какое-то время защищался оттуда. Но все же исход дела был предreshен, и Арнкель пал на стогу, и они прикрыли его тело сеном. После этого Snorri и его люди отправились домой на Святую Гору.

19. Об убийстве Арнкеля Тормод сын Бахромы сложил такую вису:

Snorri победы
Смладу изведаль,
Воронам пир
Мечом дарил.
Вместе с дружиной,
Снова поживу
Им он нашел —
Арнкетиль сражен.

20. Nú er at segja frá þrælum Arnkels, at þeir gengu inn, þá er þeir höfðu inn borit heyit, ok fóru af skinnstökum sínum. Þá vöknudu fylgðarmenn Arnkels ok spurðu, hvar hann var.

Þá var, sem þrællinn vaknaði af svefni, ok svarar: “Þat er satt“, segir hann, “hann mun berjaz inn á Ørlygsstöðum við Snorra goða“.

21. Þá hljópu menn upp ok klædduz ok fóru sem skyndiligast inn á Ørlygsstaði ok fundu Arnkel, bónda sinn, dauðan, ok var hann öllum mǫnnum harmdauði, þvíat hann hefir verit allra manna bezt at sér um alla hluti í fornum sið ok manna vitrastr, vel skapi farinn, hjartaprúðr ok hverjum manni djarfari, einarðr ok allvel stiltr; hafði hann ok jafnan enn hæra hlut í málaferlum, við hverja sem skipta var; fekk hann af því öfundsamt, sem nú kom fram.

22. Tóku þeir nú lík Arnkels ok bjoggu um ok færðu til graptar. Arnkell var lagðr í haug við sæinn út við Vaðilshofða, ok er þat svá víðr haugr sem stakkgarðr mikill.

[Ebs, XXXVII, 1–22].

20. Теперь следует рассказать про рабов Арнкеля, что после того, как они внесли все сено в амбар, они зашли в дом и сняли свои тулупы. Тут провожатые Арнкеля проснулись и спросили, где он. Тогда раб словно пробудился ото сна и ответил:

— Точно, — говорит он, — он же сейчас сражается на Дворе Эрлюга со Снорри Годи.

21. Тут люди встрепенулись, спешно оделись и поехали на Двор Эрлюга, но нашли своего хозяина Арнкеля уже мертвым. Весь народ очень горевал об его смерти, ибо он был человек несравненных качеств, из тех, что ценились в прежнее время. Он был очень умен и имел отличный характер. У него было гордое сердце и редкостная отвага. Он был открыт, честен и миролюбив. Он также неизменно выходил победителем во всех распрях, с кем бы он не тягался; этим-то он и нажил себе завистников, как теперь сполна проявилось.

22. Затем они взяли тело Арнкеля, убрали его и повезли к месту погребения. Арнкеля положили в курган около моря вблизи мыса Вадиль: это очень широкий курган, похожий на большую скирду.

XXXVIII, 1. Eptir víg Arnkels váru konur til erfðar ok aðildar, ok var fyrir því eigi svá mikill reki at gǫrr um vígit, sem ván mundi þykkja um svá gǫfgan mann; en þó var sæz á vígit á þingi, ok urðu þær einar mannsektir, at Þorleifr kimbi skyldi vera utan III vetr, þvíat honum var kent banasár Arnkels.

2. En með því, at eptirmálit varð eigi svá sœmiligt, sem líkligt þótti um svá mikinn hǫfðingja, sem Arnkell var, þá færðu landsstjórnarmenn lǫg á því, at aldri síðan skyldi kona vera vígsakar aðili, né yngri karlmaðr en XVI vetra, ok hefir þat haldiz jafnan síðan.
[Ebs, XXXVIII, 1–2].

XXXVIII, 1. После убийства Арнкеля принимать наследство и вести тяжбу выпало женщинам, и поэтому такой мести, как можно было ожидать по смерти столь знатного человека, не было. Тем не менее тяжба об убийстве Арнкеля была вынесена на тинг и решена миром. Единственным осужденным был Торлейв Кимби, которому приписали смертельную рану, полученную Арнкелем, — он должен был провести три года в изгнании.

2. И поскольку возмездие было отнюдь не таким, как подобало по смерти столь видного хёвдинга, как Арнкель, правители страны внесли в законы поправку, чтобы впредь женщина, как и мужчина моложе шестнадцати лет, не могли выступать истцом в тяжбе об убийстве. И правило это неукоснительно соблюдается.

Перевод А.В. Циммерлинга

[Исландские саги 2004, 2: 65–72, 75–80].

Сага о Ньяле

CVI, 1. Sá atburðr varð þrimr vetrum síðar á Þingskálafingi at Ámundi enn blindi á þingi sonr Hǫskulds Njálssonar.

2. Hann lét leiða sik búða í millum; hann kom í búð þá, er Lýtingr var inni af Sámsstǫðum; hann lætr leiða sik inn í búðina ok þar fyrir, sem Lýtingr sat.

CVI, 1. Это событие случилось тремя зимами позднее на Тинге Лоцин. Амунди Слепой был там, сын Хёскульда, сына Ньяля.

2. Он велел провести себя меж землянок. Он подошел к землянке, в которой был Лютинг из Дворов Самовых. Он попросил, чтобы его ввели в ту землянку, прямо туда, где сидел Лютинг.

3. Hann mælti: “Er hér Lýtingr af Sámsstöðum?” Segir Lýtingr: «Hvat vilt þú?»

“Ek vil vita”, segir Ámundi, “hverju þú vill bæta mér föður minn. Ek em laungetinn, ok hefi ek við engum bótum tekit”.

4. “Bætt hefi ek víg föður þíns fullum bótum, ok tók við föðurfaðir þinn ok föðurbræðr, en bræðr mínir váru ógildir. Ok var bæði, at ek hafða illa til gort, enda kom ek allhart niðr”.

5. “Ekki spyr ek at því”, segir Ámundi, “at þú hefir bætt þeim. Veit ek at þér eruð sáttir. Ok spyr ek at því, hverju þú vill mér bæta”.

“Alls engu”, segir Lýtingr.

6. “Eigi skil ek”, segir Ámundi, “at þat muni rétt fyrir guði, svá nær hjarta sem þú hefir mér höggvit; enda kann ek at segja þér, ef ek væra heileygr báðum augum, at hafa skylda ek annat hvárt fyrir föður minn fébætr eða mannhefndir, enda skipti guð með okkr”.

7. Eptir þat gekk hann út, en er hann kom í búðardyrrin, snýz hann innar eptir búðinni; þá lukuz upp augu hans.

Þá mælti hann: “Lofaðr sé, dróttinn! Sé ek nú, hvat hann vill”.

3. Он сказал: «Здесь Лютинг из Дворов Самовых?»

Лютинг спрашивает: «А что тебе нужно от меня?»

«Я хочу знать», — говорит Амунди, — «какую [виру] ты хочешь заплатить мне за отца моего. Я — незаконнорожденный, и я не получил никакого вергельда».

4. «Уладил я все за отца твоего полным возмещением», — говорит Лютинг, — «и взял [виру] отец отца твоего, да братья твоего отца, а братья мои остались неотплаченными. Но ведь, хоть и я плохо сделал, меня тоже очень унизили».

5. «Не спрашиваю я тебя о том», — говорит Амунди, — «что ты ублажил их. Знаю я, что вы замирились. А спрашиваю я о том, какое возмещение ты дашь мне».

«Вовсе никакого», — говорит Лютинг.

6. «Не понимаю я», — говорит Амунди, — «как Бог попускает такое! Рубанул ты меня аж до сердца! И могу я сказать тебе — коли зрячими были бы у меня оба глаза — было бы у меня за моего отца денежное возмещение, или бы я свершил кровную месть! Да рассудит нас Бог!»

7. После этого он пошел вон. Но когда он проходил в дверь землянки, он обернулся. Тогда отверзлись его очи.

Тогда промолвил он: «Хвала Богу, Господу моему! Вижу я теперь, чего Ты хочешь!»

8. Eptir þat hleypr hann innar eptir búðinni, þar til er hann kqmr fyrir Lýting ok hqggr með øxi í hqfuð honum, svá at hon stóð á hamri, ok kippir at sér øxinni. Lýtingr fell áfram ok var þegar dauðr.

9. Amundi gengr út í búðardyrin, ok er hann kom í þau en sqmu spor, sem upp hqfðu lokiz augu hans, þá lukuz aptr, ok var hann alla æfi blindr síðan.

10. Eptir þat lætr hann fylgja sér til Njáls ok sona hans. Hann segir þeim víg Lýtings.

“Ekki má saka þik um slíkt”, segir Njáll, “því at slíkt er mjök ákveðit, en viðvqrunarvert, ef slíkir atburðir verða, at stinga eigi af stokki við þá, er svá nær standa”.

11. Síðan bauð Njáll sætt frændum Lýtings; Hqskuldr Hvítanessgoði átti hlut at við frændr Lýtings, at þeir tæki bótina, ok var þá lagit mál í gørð, ok féllu hálfar bætr niðr fyrir sakastaði þá, er hann þótti á eiga. Eptir þat gengu menn til tryggða, ok veittu frændr Lýtings Amunda tryggðir. Menn riðu heim af þingi, ok er nú kyrt lengi.

[Bns, CVI, 1–11].

8. Затем прыгает он в землянку, подбегает к Лютингу и рубит секирой его по голове, так что она вошла по самый обух, а потом рванул на себя секиру. Лютинг падает ничком и тотчас умирает.

9. Амунди идет к дверям землянки. И когда он дошел до того самого места, где отверзлись его очи, тогда сомкнулись они снова, и остался он на всю жизнь слепым.

10. После этого велит он отвести себя к Ньялю и его сыновьям. Он рассказывает им об убийстве Лютинга.

«Нельзя винить тебя в этом», — говорит Ньяль, — «как говорится, когда такое случается, ничего не попишешь».

11. Затем предложил Ньяль мир родичам Лютинга. Хёскульд, годи Белого Мыса, приватно договорился с родичами Лютинга, что они, мол, возьмут эту виру. Делу был дан ход и наложена половинная вира, потому что требование Амунди было найдено справедливым. После этого перешли люди к клятвам, и дали родичи Лютинга Амунди клятвы. Люди разъехались с тинга по домам и некоторое время все было спокойно. (Перевод мой. — И.Г.)

Сага о людях с Песчаного берега

XLIV, 1. Snorri goði hafði sent nábúum sínum orð, at þeir skyldu flytja skip sín undir Rauðavíkrhøfða; fór hann þegar þangat með heimamenn sína, er sendimaðr Steinþórs var farinn brott; en því fór hann eigi fyrr, at hann þóttiz vita, at maðrinn mundi sendr vera at njósna um athafnir hans.

2. Snorri fór inn eptir Álftafirði þrennum skipum, ok hafði nær fimm tigu manna, ok kom hann fyrr á Kársstaði en þeir Steinþórr.

En er menn sá ferð þeira Steinþórs af Kársstöðum, þá mæltu Þorbrandssynir, at þeir skyldu fara í móti þeim ok láta þá eigi ná at komaz í túnit — “þvíat vér höfum lið mikit ok frítt“. Þat váru átta tígir manna.

3. Þá svarar Snorri goði: “Eigi skal þeim verja bæinn, ok skal Steinþórr ná lögum, þvíat hann mun vitrliga ok spakliga fara með sínu máli. Vil ek, at allir menn sé inni, ok kastiz engum orðum á, svá at af því aukiz vandræði manna“.

Eftir þat gengu allir inn í stofu ok settuz í bekki, en Þorbrandssynir gengu um gólf.

4. Þeir Steinþórr riðu at durum, ok er svá frá sagt, at hann væri í rauðum kyrtli ok hafði drepit

XLIV, 1. Snорри Годи заранее послал своим соседям сообщить, чтобы они подвели свои корабли к Заливу Красной Скалы. Едва посольный Стейнтора отбыл прочь, как Snорри выехал к Заливу, взяв с собой своих домочадцев; раньше он не выезжал из дому именно потому, что догадывался, что человек этот послан разведать о его занятиях.

2. Snорри плыл по Лебяжьему Фьорду вдоль берега; у него было три корабля и почти пятьдесят человек, и он прибыл на Двор Кара раньше Стейнтора.

Когда на Дворе Кара люди увидели, как приближается Стейнтор, сыновья Торбранда сказали, что нужно выступить им навстречу и ни в коем случае не пускать их на выгон, — «ибо войско у нас и большое, и ладное». Их было 80 человек.

3. Но Snорри Годи отвечает так: «Не надо оборонять от них подступы к хутору. Нужно позволить Стейнтору действовать по закону, ибо он, наверняка, будет излагать свое дело разумно и не станет затевать склоку. Я хочу, чтобы все оставались в помещении и воздержались от любых слов, от которых злоключения людей только умножатся».

После этого все зашли в горницу и уселись на скамьи, а сыновья Торбранда расхаживали по настилу.

4. Стейнтор и его люди подъехали к дверям; рассказывают, что на

upp fyrirblöðunum undir beltit; hann hafði fagran skjöld ok hjálm ok gyrðr sverði, þat var vel búit; hjóltin váru hvít fyrir silfri, ok vafiðr silfri meðalkafllinn ok gyldar listur á.

5. Þeir Steinþórr stigu af hestum sínum, ok gekk hann upp at durum ok festi á hurðarklofann sjóð, þann er í váru tólf aurar silfrs. Hann nefndi þá vátta, at þrælskjöld váru þá at lögum færð.

6. Hurðin var opin, en heimakona ein var í durunum ok heyrði váttnefnuna, gekk hon þá í stofu ok mælti: “Þat er bæði“, sagði hon, “at hann Steinþórr af Eyri er drengiligr, enda mæltiz honum vel, er hann færði þrælskjöldin“.

7. Ok er Þorleifr kimbi heyrði þetta, þá hljóp hann fram ok aðrir Þorbrandssynir, ok síðan gengu fram allir, þeir er í stofunni váru. Þorleifr kom fyrstr í dyrrnar ok sá, at Þórðr blígr stóð fyrir durum ok hafði skjöld sinn, en Steinþórr gekk þá fram í túnit.

8. Þorleifr tók spjót, er stóð í durunum, ok lagði til Þórðar blígs, ok kom lagit í skjöldinn ok rendi af skildinum í oxlina,

Стейнторе был красный плащ, полы которого он вытянул вверх и заправил себе под ремень. У него были красивые щит и шлем, а на поясе укреплен меч. Это было на редкость изысканное оружие — дольки наверхия были обделаны серебром, а рукоять была перевита серебряной нитью и украшена позолоченными пластинками.

5. Стейнтор и его люди спешились. Он подошел к двери и привязал к ней кошель с двенадцатью эйрирами серебра. Потом он назвал свидетелей того, что вира за убитого раба доставлена по закону.

6. Створка была распахнута, и в сенях находилась служанка, которая слышала, как объявляют свидетелей; она зашла в горницу и сказала: «Недаром рассказывают», — сказала она, — «что у этого Стейнтора с Песчаного Берега мужественный вид. Да и говорит он все правильно — вон сейчас привез за раба виру».

7. Когда Торлейв Кимби это услышал, он и прочие сыновья Торбранда вскочили со своего места и выбежали вперед; за ними двинулись все те, кто был в горнице. Торлейв вбежал в сени первым; он увидел, что перед дверью со щитом в руках стоит Торд Пучеглазый, а Стейнтор отошел дальше на выгон.

8. Торлейв схватил копье, стоявшее в сенях, и ударил им Торда Пучеглазого; удар пришелся в щит, и копье, скользнув по щиту, угодило в плечо,

ok var þat mikit sár. Eptir þat hljópu menn út, varð þar bardagi í túninu.

9. Steinþórr var enn ákafasti ok hjó til beggja handa; ok er Snorri goði kom út, bað hann menn stöðva vandræðin ok bað þá Steinþór ríða brott af túninu, en hann kvaðz eigi mundu láta eptir fara. Þeir Steinþórr fóru ofan eptir vellinum, ok skildi þá fundinn.

10. En er Snorri goði gekk heim at durum, stóð þar fyrir honum Þóroddr, sonr hans, ok hafði mikit sár á ǫxlinni; hann var þá tólf vetra. Snorri spurði, hvern hann hefði særðan. “Steinþórr af Eyri“, sagði hann.

11. Þorleifr kimbi svarar: “Nú launaði hann þér makliga, er þú vildir eigi láta eftir honum fara; er þat nú mitt ráð, at vér skilim eigi við þetta“. “Svá skal ok nú vera“, segir Snorri goði, “at vér skulum við eigaz fleira“; bað hann Þorleif nú segja mǫnnum, at eptir þeim skyldi fara.

12. Þeir Steinþórr váru komnir ofan af vellinum, er þeir sá eptirreiðina, fóru þeir þá yfir ána ok sneru síðan upp í skriðuna Geirvǫr ok bjugguz þar fyrir, þvíat þar var vígi gott fyrir grjóts sakir.

и это была большая рана. После этого люди выбежали наружу, и на выгоне завязалась битва.

9. Стейнтор был вне себя и рубил с обеих рук, как одержимый. Когда Снорри Годи вышел наружу, он просил людей не умножать неприятностей и просил Стейнтора отъехать с выгона прочь; он сказал, что сам не будет преследовать их.

Стейнтор и его люди отъехали от хутора и спустились вниз на поля, и схватка прекратилось.

10. Но когда Снорри Годи зашел обратно в сени, на пути ему повстречался его сын Тородд; у него было сильно поранено плечо. Мальчику было тогда двенадцать лет.

Снорри спросил, кто ранил его: «Стейнтор с Песчаного Берега», — сказал тот.

11. Торлейв Кимби отвечает: «Вот он и воздал тебе по заслугам за то, что ты не пожелал ехать за ним вдогонку. Мой совет теперь — не отпускать их на этом просто так».

«Именно так мы и поступим», — говорит Снорри, — «и пообщаемся с ними еще немного».

Теперь он просит Торлейва объявить людям, что нужно ехать вдогонку.

12. Когда Стейнтор и его люди заметили погоню, они уже успели миновать поля. Тогда они переправились через реку, спешно поднялись на гряде Гейрвёр, и приготовились к бою — там было удобно держать

13. En er flokkur Snorra gekk neðan skriðuna, þá skaut Steinþórr spjóti at fornum sið til heilla sér yfir flokk Snorra, en spjótit leitaði sér staðar, ok varð fyrir Már Hallvarðsson, frændi Snorra, ok varð hann þegar óvígur.

Ok er þetta var sagt Snorra goða, þá svarar hann: “Gott er, at þat sanniz, at þat er eigi jafnan bezt at ganga síðast“.

14. Eptir þetta tókz þar bardagi mikill; ok var Steinþórr í ǫndverðum flokki sínum ok hjó á tvær hendr, en sverðit þat et búna dugði eigi, er þat kom í hlífarnar, ok brá hann því opt undir fót sér. Hann sótti þar mest at, sem fyrir var Snorri goði.

15. Styrr Þorgrímsson sótti hart fram með Steinþóri, frænda sínum; varð þat fyrst, er hann drap mann ór flokki Snorra, mágs síns.

Ok er Snorri goði sá þat, mælti hann til Styrs: “Svá hefnir þú Þórodds, dóttursonar þíns, er Steinþórr hefir særðan til ólífis? ok ertu enn mesti niðingr!”

Styrr svarar: “Þetta fæ ek skjótt bætt þér“; skipti hann þá um sínum skildi ok gekk í lið með Snorra goða ok drap annan mann ór liði Steinþórs.

оборону, так как камни лежали под рукой.

13. Когда отряд Snorri показался у подножия гряды, Стейнтор по древнему обычаю метнул наудачу копьё в отряд противника. Оно пролетело над большинством людей Snorri, но все же нашло для себя подходящее место и попало в Мара, сына Халльварда, родича Snorri, и тот сразу сделался неспособен к бою.

Когда это доложили Snorri, он говорит так:

«Хорошо изведать на своей шкуре, что не всегда стоит идти последним».

14. После этого началась жестокая битва. Стейнтор держался впереди своего отряда и рубил с обеих рук, но его отделанный меч никуда не годился и гнулся о щит и броню; из-за этого ему часто приходилось выправлять клинок под ногой. Стейнтор больше всего стремился пробиться туда, где стоял Snorri.

15. Стюр, сын Торгрима, бился рядом со своим родичем Стейнтором и наступал мощно; не прошло много времени, как он убил человека из отряда Snorri, своего зятя.

Увидев это, Snorri Годи сказал Стюру:

«Вот как ты мстишь за своего племянника Тородда, которому Стейнтор нанес смертельную рану. Таких мерзавцев, как ты, трудно сыскать!»

Стюр отвечает:

«Этот урон я могу возместить тебе быстро».

16. Í þenna tíma kómu þeir at feðgar ór Langadal, Áslákr ok Illugi enn rammi, sonr hans, ok leituðu meðalgöngu; þeir höfðu þrjá tigu manna. Gekkk þá Vermundur enn mjóvi í lið með þeim; beiddu þeir þá Snorra goða, at hann léti stöðvaz manndrápin.

Snorri bað Eyrbyggja þá ganga til griða. Þá báðu þeir Steinþór taka grið handa sínum mǫnnum.

17. Steinþórr bað Snorra þá rétta fram höndina, ok svá gerði hann. Þá reiddi Steinþórr upp sverðit ok hjó á hönd Snorra goða, ok varð þar við brestr mikill; kom höggit í stallahringinn ok tók hann mjök svá í sundr, en Snorri varð eigi sárr.

18. Þá kallar Þóroddr Þorbrandsson: “Engi grið vilja þeir halda, ok léttum nú eigi fyrr, en drepnir eru allir Þorlákssynir”.

Þá svarar Snorri goði: “Agasamt mun þá verða í heraðinu, ef allir Þorlákssynir eru drepnir, ok skulu haldaz grið, ef Steinþórr vill, eptir því, sem áðr var mælt”.

Þá báðu allir Steinþór taka griðin. Fór þetta þá fram, at grið

Затем он поворотился, примкнул к людям Snorri и убил еще одного человека — на сей раз из отряда Steintora.

16. В это время подоспели родичи из Длинной Долины, Аслак со своим сыном Иллуги Мощным, и стали разводить бьющихся; у них было тридцать человек. В их ряды встал и Вермунд Тоший, и они вместе потребовали от Snorri Годи остановить смертоубийство. Тогда Snorri просил Людей с Песчаного Берега подойти, чтоб заключить перемирие. Затем они попросили Steintora принять перемирие.

17. Тогда Steintor попросил Snorri протянуть руку, и тот так и сделал. Steintor же занес меч и ударил Snorri по руке. Раздался сильный треск; удар пришелся по кольцу жертвенному, что было надето на руку, и почти расколол кольцо надвое, но Snorri ранен не был.

18. Тут подает голос Тородд сын Торбранда:

«Они нарушат любое перемирие, и нам не след останавливаться, прежде чем все сыновья Торлака не будут убиты».

Snorri отвечает так:

«Если все сыновья Торлака будут убиты, жизнь в округе станет слишком тревожной, и пусть перемирие останется в силе, если Steintor согласен на те условия, что объявлены ранее».

váru sett með mönnum þar til, at hverr kæmi til síns heimilis... [Ebs, XLIV, 1–18].

Все просили Стейнтора соглашаться. Кончилось тем, что было объявлено перемирие, чтобы каждый мог беспрепятственно добраться до дому.
Перевод А.В. Циммерлинга (с моими исправлениями. — И.Г.)
[Исландские саги 2004, 2: 90–92].

Сага о Ньяле

CXVI. 1. Hildiguðr var úti og mælti: “Nú skulu allir heimamenn mínir vera úti, er Flosi ríðr í garð, en konur skulu ræsta húsin ok tjalda ok búa Flosa öndugi”.

2. Síðan reið Flosi í túnit. Hildiguðr snøri at honum ok mælti: “Kom heill ok sæll, frændi! ok er fegit orðit hjarta mitt tilkvámu þinni”.
“Hér skulu vér”, segir Flosi, “eta dagverð ok ríða síðan.”

3. Þá váru bundnir hestar þeira. Flosi gekk inn í stofuna ok settiz niðr ok kastaði í pallinn undan sér hásetinu ok mælti: „Hvártki em ek konungr né jarl, ok þarf ekki at gera háseti undir mér, ok þarf ekki at spotta mik“.

4. Hildiguðr var nær stödd og mælti: „Þat er illa, ef þér mislíkar, því at þetta gerðu vér af heilum hug“.

Flosi mælti: „Ef þú hefir heilan hug við mik, þá mun sjálfst lofa sik, ef vel er, enda mun sjálfst lasta sik, ef illa er“.

CXVI. 1. Хильдигуд стояла снаружи и молвила: «Теперь должны все мои домочадцы быть снаружи, когда Флоси въедет во двор, а женщины должны убрать дом, накрыть на стол и приготовить Флоси почетное сиденье».

2. Потом въехал Флоси в тын тот. Хильдигуд повернулась к нему и молвила: «Входи, будь здоров и счастлив, родич, сердце мое возрадовалось твоему приходу!»
«Здесь мы побеждаем», — говорит Флоси, — «а потом поедем».

3. Тогда привязали лошадей их. Флоси вошел в пиршественный зал, уселся, отбросил от себя почетное сиденье и сказал: «Не конунг я и не ярл, и не нуждаюсь я в том, чтобы для меня водружали почетное сиденье, мне не нужно, чтобы меня осмеивали».

4. Хильдигуд стояла рядом и молвила: «Плохо, коли тебе не нравится, потому что мы сделали это от чистого сердца».

Флоси сказал: «Если у тебя чистая душа по отношению ко мне, тогда она сама себя похвалит, и сама себя посрамит, коли она злая».

5. Hildiguðr hló kaldahlátr þann ok mælti: „Ekki er enn mark at, nær munu vit gangaz, áðr lýkr“. Hon settiz niðr hjá Flosa, ok tǫluðu þau lengi hljótt.

6. Síðan váru borð tekin, en Flosi tók laugar ok lið hans; Flosi hugði at handklæðinu, ok var þat raufar einar ok numit til annars endans.

7. Hann kastaði í bekkinn, ok vildi eigi þerra sér á ok reist af borðdúkinum ok þerði sér þar á ok kastaði til manna sinna; síðan settiz Flosi undir borð ok bað men eta.

8. Þá kom Hildiguðr í stofuna ok greiddi hárit frá augum sér ok grét.

Flosi mælti: „Skapþungt er þér nú, frændkona! en þó er þat vel, er þú grætr góðan mann“.

9. „Hvert eptirmæli skal ek af þér hafa“, segir hon “eða liðveislu?”

Flosi mælti: „Sækja mun ek mál þitt til fullra laga eða veita til þeira sætta, er góðir menn sjá at vér sémm vel sœmðir af í alla staði“.

10. Hon mælti: „Hefna myndi Hǫskuldr þín, ef hann ætti eptir þik at mæla“.

Flosi svaraði: „Eigi skortir þik grimmleik, ok sét er, hvat þú vill“.

11. Hildiguðr mælti: „Minna hafði misgǫrt Arnórr Qrnólfsson ór Forsárskógum við Þórð Freysgoða, fǫður þinn,

5. Хильдигуд засмеялась ледяным смехом и сказала: «Как знать, там видно будет».

Она уселась рядом с Флоси и долго они беседовали шепотом.

6. Потом поставили доску стола, а Флоси и его дружина взяли корыта для умывания. Флоси глянул на рушник — там были одни дыры, и был он порван с другого конца.

7. Он бросил рушник на скамью, не захотел вытираться им и оторвал от скатерти кусок, вытерся им и бросил его своим людям. Потом сел Флоси за стол и велел своим людям есть.

8. Тогда вошла Хильдигуд в палаты, подошла к Флоси, убрала волосы с очей своих и заплакала.

Флоси молвил: «Ныне тяжко у тебя на душе, родственница, однако хорошо, что ты оплакиваешь доброго человека».

9. «Какую поддержку», говорит она, «или помощь я от тебя получу?»

Флоси молвил: «Доведу я тяжбу твою до конца в соответствии со всеми законами или добьюсь такого мира, что добрые люди увидят, что мы в чести где бы то ни было».

10. Она молвила: «Отмстил бы Хёскульд за тебя, если бы ему пришлось вести дело из-за тебя».

Флоси ответил: «Немало в тебе жестокости, и видно, чего ты хочешь».

11. Хильдигуд сказала: «Меньше навредил Арнор, Орнольвов сын, из Лесов Водопадной Реки, Торду, годи Фрейра, отцу твоему, но убили

og vágú bræðr þínir hann á Skaptafellsþingi, Kolbeinn og Egill“.

12. Hildiguðr gekk þá fram í skála ok lauk upp kistu sína; tók hon þá upp skikkjuna, er Flosi hafði gefit Hǫskuldi ok í þeiri var hann veginn ok hafði hon þar varðveitt í blóðit allt.

13. Hon gekk þá innar í stofuna með skikkjuna; hon gekk þegjandi at Flosa. Þá var Flosi mettr ok af borit af borðinu. Hildiguðr lagði yfir Flosa skikkjuna; dunði þá blóðit um hann allan.

14. Hon mælti þá: „Þessa skikkju gaft þú, Flosi, Hǫskuldi, ok vil ek nú gefa þér aftr! Var hann í þessi veginn.“

15. Skýt ek því til guðs ok góðra manna, at ek særi þik fyrir alla krapta Krists þíns ok fyrir manndóm ok karlmensku þína, at þú hefnir þeira allra sára, sem hann hafði á sér dauðum, eða heita hvers manns níðingr ella“.

16. Flosi kastaði af sér skikkjunni ok rak í fang henni ok mælti: „Þú ert et mesta forað ok vildir, at vér tækim þat upp, er ǫllum oss gegndi verst, ok eru kǫld kvenna ráð“.

17. Flosa brá svá við, at hann var í andliti stundum sem blóð, en stundum fǫlur sem gras, en stundum blár sem hel.

[Bns, CXVI, 1–17].

его братья твои, Кольбейн и Эгиль, на тинге в Скаптафелле».

12. Хильдигуд пошла тогда в светлицу и открыла свой сундук. Там она взяла плащ, тот самый, что Флоси прежде дал Хёскульду. В том плаще Хёскульд был убит, и она сохранила его, весь в крови.

13. Потом она вошла в палаты с тем плащом. Она подошла молча к Флоси. Флоси уже сытно поел, и со стола было прибрано. Хильдигуд накинула на Флоси этот плащ; обсыпало всего Флоси кровью той.

14. Тогда она молвила: «Этот плащ дал ты, Флоси, Хёскульду, и хочу я теперь отдать тебе его назад. Был он в нем убит».

15. Призываю я Бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми силами Христа твоего, мужеством и отвагой твоею, чтобы ты отомстил за каждую рану, которая была на мертвом Хёскульде, или будешь зваться мерзавцем, каких не сыскать!»

16. Флоси сбросил с себя тот плащ, швырнул его ей в руки и промолвил: «Ты — самое большое чудовище и хочешь, чтобы мы взялись за то, от чего всем нам придется хуже некуда. Гибельны ледяные женщин советы!»

17. Флоси это потрясло так, что он в лице становился то словно как кровь, то бледный, как трава, то синий [или черный], как Хель.

(Перевод мой. — И.Г.).

Фарерская баллада о Сигурде

47

Hjǫrdis gongur at kistuni,
sum ǫll var í gulli drigin:
her sart tú tey herklæði,
sum tín var faðir í vigin.

47

Чортис (др.-исл. Хьордис) идет
к сундуку,
который весь был обит золотом:
«Тут ты видишь те боевые облачения,
в которых твой отец был убит».

48

Hon læsir upp ta kistuna...
tekur upp tað blóðigu skjúrtu,
og kastar honum á knæ.

48

Она открывает этот сундук...,
вынимает окровавленную рубаху ту
и бросает ему (Шуру, т.е. др.-исл.
Сигурду) на колени.
(Перевод мой. — И.Г.)

Сага о Ньяле

CXXII. 1. Njáll stóð upp ok mælti: “Þess bið ek Hall af Síðu ok Flosa ok alla Sigfússonu ok alla vára men, at þér gangið eigi í braut ok heyrið mál mitt”. Þeir gerðu svo.

2. Hann mælti þá: “Svá sýniz mér, sem mál þetta sé komit í ónýtt efni, ok er þat at líkendum, því at af illum rótum hefir upp runnit. Ek vil yðr kunnigt gera, at ek unna meira Hǫskuldi en sonum mínum.

3. Ok er ek spurða, at hann var veginn, þótti mér slókt et sætasta ljós augna minna, ok heldr vilda ek mist hafa allra sona minna ok lifði hann.

4. Nú bið ek þik, Hallr af Síðu! ok Rúnólf ór Dal, Gizur hvíta

CXXII. 1. Ньяль встал и молвил: «Прошу я Халля с Побережья и Флоси, и всех сыновей Сигфуса, и всех наших людей, чтобы вы не шли прочь и выслушали мою речь».

Они так и сделали.

2. Тогда он сказал: «Так кажется мне, что дело это пришло в бесполезное состояние, и этого следовало ожидать, потому что произросло оно от злых корней. Я хочу чтобы вам было известно, что я любил Хёскульда больше, чем моих сыновей.

3. И когда я узнал, что он убит, показалось мне, что угас вернейший свет очей моих, и лучше бы я потерял всех моих сыновей, а он бы жил.

4. Ныне прошу я вас, Халль с Побережья и Рунольв из Долины, Гицур Белый и Эйнар с Поперечной Реки, и Хавр

ok Einar þveræing ok Hafr enn spaka, at ek ná at sættaz á vígit fyrir hǫnd sona minna, ok vil ek, at geri um þeir, er bezt eru til fallnir”.

5. Þeir Gizurr ok Einarr ok Hafr tǫluðu langt ørendi sitt sinni hverr þeira ok báðu Flosa sættaz ok hétu honum sinni vináttu í mót. Flosi svaraði þá ǫllu vel, en hét þó eigi.

6. Hallr af Síðu mælti til Flosa: “Vill þú nú efna orð þín ok veita mér bæn mína, er þú hézt at veita mér, þá er ek kom útan Þorgrími Digr-Ketils syni, frænda þínum, er hann hafði vegit Halla enn rauða?”

7. Flosi mælti: “Veita vil ek þér, mágr! Því at þú munt þess eins biðja, at mín sœmð sé þá meiri en áðr”.

Hallr mælti: “Þá vil ek, at þú sættiz skjótt ok látir góða menn gera um ok kaupir þú þér svá vináttu enna beztu manna”.

8. Flosi mælti: “Þat vil ek yðr kunnigt gera, at ek vil gera fyrir orð Halls mágs míns ok annarra enna beztu manna, at hann geri um ok enir beztu menn af hvárra hendi, lǫgliga til nefndir. Þykki mér Njáll makligr vera, at ek unna honum þessa”.

Мудрый, чтобы я смог примириться в этой распре (букв. — «войне»), [приняв дело] из рук моих сыновей, и хочу я, чтобы это сделали бы те, кто этого больше всего достоин».

5. И Гищур, и Эйнар, и Хавр по очереди долго говорили с Флоси, как им было поручено, и просили Флоси замирииться, и обещали ему свою дружбу взамен. Флоси на все отвечал хорошо, но ничего не обещал.

6. Халль с Побережья сказал Флоси: «Хочешь ли ты ныне исполнить свое слово, данное мне, и отдать долг, который ты обещался вернуть, когда я вывез из Исландии Торгрима, сына Толстого Кетиля, когда он убил Халля Рыжего?»

7. Флоси молвил: «Воздать [добром] хочу я тебе, теть, [за родича моего,] потому что ты станешь просить меня только о том, от чего мне будет больше чести!»

Халль сказал: «Тогда хочу я, чтобы ты скорее примирился бы и позволил бы добрым людям вершить [приговор], и купил бы ты себе так дружбу лучших людей».

8. Флоси сказал: «Хочу я, чтобы вам стало известно, что я намерен действовать по слову Халля, родича моего, и других этих лучших людей, чтобы дело решал бы он и эти лучшие люди с каждой стороны (букв. — «руки» — И. Г.), как положено по закону. Мне кажется, что Ньяль достоин того, чтобы я его так уважил».

9. Njáll þakkaði honum ok þeim öllum ok aðrir þeir, er hjá váru, ok kváðu Flosa vel fara.

10. Flosi mælti: “Nú vil eg nefna mína gerðarmenn, nefni ek fyrstan Hall mág minn, ok Özur frá Breiðá, Surt Ásbjarnarson ór Kirkjubæ, Móðólf Ketilsson” — hann bjó þá í Ásum — “Hafr ok Rúnólf ór Dal, ok mun þat einmælt, at þessir sé bezt til fallnir af öllum mínum mönnum”.

11. Bað hann nú Njál nefna sína gerðarmenn. Njáll stóð upp ok mælti: “Til þessa nefni ek fyrstan Ásgrím Elliða-Grímsson ok Hjalta Skeggjason, Gizur hvíta, Einar þveræing, Snorra goða, Guðmund enn ríka”.

12. Síðan tókuz þeir í hendr Njáll ok Flosi ok Sigfússynir, ok handsalaði Njáll fyrir alla sonu sína ok Kára þat sem þessir tólf menn dæmði, ok mátti svá at kveða, at allr þingheimr yrði þessu feginn.

13. Váru þá sendir menn eptir Snorra ok Guðmundi, því at þeir váru í búðum sínum. Var þá mælt, at dómendr skyldi sitja í lögrettu, en allir aðrir gengi í braut.

CXXIII, 1. Snorri goði mælti svá: “Nú eru vér hér tólf dómendr, er málum þessum er til skotit. Vil ek biðja yðr alla, at vér hafim

9. Няль поблагодарил его и их всех, а другие, кто был поблизости, сказали, что Флоси поступил хорошо.

10. Флоси сказал: «Теперь я хочу назвать моих третейских судей. Называю я первым Халя, тестя моего, и Эцура с Широкой Реки, Сурга, Асбьёрнова сына, с Церковного Двора, Модольва, Кетилева сына», — он жил тогда в Грядях — «Хавра и Рунольва из Долины. И, наверное, все скажут, что это лучшие из всех моих людей».

11. Попросил он тогда Няля назвать своих третейских судей. Няль встал и промолвил: «Называю я первым Асгрима, сына Лодейного Грима, и Хьяльти, Скеггиева сына, Гицура Белого, Эйнара с Поперечной Реки, Снорри Годи, Гудмунда Могучего».

12. Потом взялись они за руки, Няль и Флоси, и сыновья Sigfusа, и поручился Няль за всех своих сыновей и за Кари, тестя своего, исполнить то, что эти двенадцать человек присудили бы, и можно так сказать, что весь сход обрадовался этому [решению].

13. Послали тогда людей за Снорри и Гудмундом, потому что они были в своих землянках. Было тогда сказано, что судьи должны заседать в лёгретте, а все другие пусть пойдут прочь.

CXXIII, 1. Снорри Годи молвил так: «Теперь нас здесь двенадцать судей, приданных этому делу. Хочу я просить вас всех, чтобы мы не по-

enga trega í málum þessum, svá at þeir megi eigi sáttir verða”.

2. Guðmundr mælti: “Vilið ér þökkut heraðssekðir gera eða útanferðir?”

“Engar”, segir Snorri, “því at þat hefir opt illa efnt, ok hafa menn fyrir þat drepnir verit ok orðit ósáttir, en gera vil ek fésætt svá mikla, at engi maðr hafi dýrri verit hér á landi en Hǫskuldr”.

3. Hans orð mæltuz vel fyrir. Síðan tǫluðu þeir um málit ok urðu eigi á sáttir, hverr fyrst skyldi upp kveða, hversu mikil fésekð vera skyldi, ok kom svá, at þeir hlutuðu, ok hlaut Snorri upp at kveða.

4. Snorri mælti: “Ekki mun ek lengr yfir þessu sitja. Mun ek nú segja yðr, hvat mitt ákvæði er, at ek vil Hǫskuld boeta láta þrennum manngjǫldum; en þat eru sex hundruð silfrs. Skuluð ér nú at gera, ef yðr þykkir of mikit eða of lítit”.

5. Þeir svǫruðu, at þeir vildu hvergi at gera. “Þat skal ok fylgja, at hér skal allt féit upp gjaldaz á þinginu”.

6. Þá mælti Gizurr hvíti: “Þetta þykki mér varla vera mega, því at þeir munu hafa lítinn einn hlut til at gjalda fyrir sik”.

вредили бы этому делу так, чтобы они не смогли бы замириться».

2. Гудмунд сказал: «Ты хочешь сделать кого-нибудь изгнанником из херада или из страны?»

«Никого», говорит Снорри, «потому что это часто плохо кончается, и из-за этого были убиты люди и умножились немирья. Однако хочу я сделать плату за мир такой большой, чтобы никакой человек не обошелся бы дороже здесь на земле [нашей], чем Хёскульд».

3. Его слово было хорошо воспринято. Потом говорили они о деле том, но не пришли к соглашению, кто первый должен высказаться, насколько большой должна быть вира. И кончилось тем, что они бросили жребий, и выпало высказаться Снорри.

4. Снорри молвил: «Не собираюсь я долго над этим сидеть. Сразу скажу вам, каков мой приговор. Я хочу, чтобы за Хёскульда возместили тройной платой за человека, и это — шесть сотен серебра. Теперь вы должны рядить иначе, если вам кажется, что это слишком много или мало».

5. Они ответили, что они не хотят ничего поправлять.

«И к этому надо прибавить», сказал он, «что нужно все деньги выплачивать здесь, на этом тинге».

6. Тогда вымолвил Гицур Белый: «Кажется мне, это едва ли возможно, потому что у них, должно быть,

7. Guðmundr mælti: “Ek veit, hvat Snorri vill. Þat vill hann, at vér gefim til allir gerðarmenninir slíkt sem várr er drengskapr til, ok munu þar þá margir eptir gera”.

8. Hallr af Síðu þakkaði honum ok kvez gjarna vilja til gefa sem sá, er mest gæfi til; játuðu því þá allir gerðarmenn; eptir þat gengu þeir í braut ok réðu þat með sér, at Hallr skyldi segja upp gerðina at LQgbergi.

9. Eptir þat var hringt ok gengu allir menn til LQgbergs.

Hallr stóð upp ok mælti: „Mál þessi, er vér höfum gQrt um, höfum vér orðit á sáttir ok höfum gQrt sex hundruð silfrs.

10. Skulu vér gjalda upp helminginn gerðarmenn, ok skal hér allt goldit á þinginu. Er þat bœnarstaðr minn til allrar alþýðu, at nokkurn hlut gefi til fyrir guðs sakir“.

11. En allir svQruðu vel. Nefndi Hallr þá vátta at gerðinni, at engi skyldi hana rjúfa mega. Njáll þakkaði þeim gerðina. Skarphedinn stóð hjá ok þagði ok glotti við.

12. Gengu menn þá frá LQgbergi ok til búða sinna.

En gerðarmenn báru saman í búanda kirkjugarði fé þat, sem þeir höfðu heitit til at leggja.

имеется только небольшая часть того, что им требуется заплатить за себя».

7. Гудмунд сказал: «Я знаю, чего хочет Снорри. Он хочет, чтобы мы все, судьи, дали бы столько, сколько нам подобает, и тогда многие впоследствии сделают так же».

8. Халь с Побережья поблагодарил его и сказал, что охотно желает дать столько же, сколько тот, кто даст больше всех. Согласились с этим тогда все третейские судьи. После этого пошли они прочь и решили меж собою, что Халь должен возгласить этот приговор со Скалы Закона.

9. После этого прозвонил колокол, и пошли все люди к Скале Закона.

Халь встал и молвил: «В деле этом, которое мы уладили, мы пришли к согласию и присудили шесть сотен серебра.

10. Мы, третейские судьи, должны выплатить половину, и все должно быть выплачено здесь, на этом тинге. И в том состоит просьба моя ко всему народу, чтобы дал бы он какую-нибудь долю [виры] ради Бога».

11. И все ответили одобрительно. Назвал тогда Халь свидетелей этому приговору, чтобы его невозможно было нарушить. Ньяль поблагодарил их за приговор. Скарпхедин стоял рядом и молчал, и ухмылялся.

12. Люди пошли тогда от Скалы Закона в свои землянки.

13. Synir Njáls seldu fram fé þat, er þeir höfðu, ok svá Kári; ok var þat hundrað silfrs. Njáll tók þá fé þat, er hann hafði; ok var þat annat hundrað silfrs.

14. Síðan var fé þetta borit allt saman í lǫgréttu, ok gáfu menn þá svá mikit til at engan pening vantaði á.

15. Njáll tók silkislœður ok bóta ok lagði á hrúguna ofan. Síðan mælti Hallr til Njáls, at hann skyldi ganga eptir sonum sínum — „en ek mun ganga eptir Flosa, ok veiti nú hvárir ǫðrum tryggðir“.

16. Njáll gekk þá heim til búðar sinnar ok mælti til sona sinna: „Nú er málum várum komit í gott efni. Vér erum menn sáttir en fé allt komit í einn stað.“

17. Skulu nú hváirtveggju ganga til ok veita ǫðrum grið ok tryggðir. Vil ek nú biðja yðr, at þér spillið í engu um“.

18. Skarpheðinn strauk um ennit ok glotti við. Ganga þeir nú allir til lǫgréttu. Hallr gekk til móts við Flosa og mælti: „Gakk þú nú til lǫgréttu, því at nú er féit allt vel af hendi goldit ok saman komit í einn stað“.

А третейские судьи собрали все деньги на церковном дворе бондов, все те деньги, которые они обещали доложить.

13. Сыновья Няля выдали те деньги, которые они имели, также и Кари, и это — сотня серебра. Няля принес те деньги, которые у него были, и это — другая сотня серебра.

14. Потом были все эти деньги скопом снесены в лёгретту, и додали люди тогда так много, что собрали все до последнего пенинга.

15. Няля взял шелковое женское длинное одеяние и сапоги и положил на эту кучу сверху.

Затем сказал Халь Нялю, что он должен пойти за сыновьями своими, «а я пойду за Флоси, и ныне они дадут друг другу клятвы».

16. Тогда Няля пошел домой, в свою землянку, и обратился к своим сыновьям: «Теперь дела наши пришли в доброе состояние. Мы — люди примирившиеся, а все деньги снесены в одно место.

17. Теперь должны обе стороны пойти и дать друг другу мир и клятвы. Сейчас я хочу попросить вас, чтобы вы не испортили [дело] никоим образом».

18. Скарпхедин провел рукой по лбу и ухмыльнулся. Теперь все они идут в лёгретту.

Халь вышел навстречу Флоси и предложил: «Теперь ты иди в лёгретту, потому что все выплачено

19. Flosi bað Sigfússonu ganga til með sér; gengu þeir þá út allir; þeir gengu austan at lǫgréttu. Njáll gekk vestan at lǫgréttu ok synir hans. Skarpheðinn gekk á meðalpallinn ok stóð þar.

20. Flosi gekk í lǫgréttu at hyggja at fénu ok mælti: „Þetta fé er mikit ok gott ok vel af hǫndum greitt, sem ván er at“.

Síðan tók hann upp slæðurnar ok spurði, hvern þær til myndi hafa gefit, en engi svaraði honum.

21. Í annat sinn veifði hann slæðunum ok spurði, hvern til myndi hafa gefit, ok hló at, ok svaraði engi.

Flosi mælti: „Hvárt er, at engi yðvarr veit hvern þenna búning hefir átt, eða þorið þér eigi at segja mér?“

22. Skarpheðinn mælti: „Hvat ætlar þú, hvern til hafi gefit?“

Flosi mælti: „Ef þú vill þat vita, þá mun ek segja þér, at ek ætla, at til hafi gefit faðir þinn, karlinn skegglaus, því at margir vitu eigi, er hann sjá, hvárt hann er karlmaðr eða kona“.

23. Skarpheðinn mælti: „Illa er slíkt gǫrt, at sneiða honum afgǫmlum, er engi hefir áðr til orðit dugandi maðr. Meguð ér þat ok vita, at hann er karlmaðr,

хорошо, из рук в руки, и все собрано в одном месте».

19. Флоси попросил сыновей Сигфуса пойти с ним; все они тотчас вышли; они вошли в лёгретту с востока. Няль и сыновья его вошли в лёгретту с запада. Скарпхедин подошел к Срединной Скамье (или «взошел на Срединный Помост». — *И.Г.*) и встал там.

20. Флоси вошел в лёгретту, чтобы прикинуть, сколь велики деньги, и промолвил: «Большие это деньги и добрые, и хорошо из рук в руки выплачены, как и следовало ожидать». Потом поднял он то женское длинное одеяние и спросил, кто ж это его дал, но никто не ответил ему.

21. В другой раз помахал он тем женским одеянием и спросил, кто его положил, и рассмеялся, но опять никто не ответил.

Флоси сказал: «Так что, никто из вас не знает, кто владел этой одеждой, или вы не смеее сказать мне?»

22. Скарпхедин сказал: «А как ты думаешь, кто [это] подложил?»

Флоси ответил: «Если ты хочешь это знать, тогда я скажу тебе, что я думаю так: это подложил отец твой, этот мужик безбородый, потому что многие не знают, когда его видят, мужик он или баба».

23. Скарпхедин молвил: «Ох и худо так поступать — оскорблять этого старца, никакой достойный муж так прежде не делал. И уж способен ты понять, что он настоящий мужчина,

því at hann hefir sonu átt við konu sinni. Hafa fáir várir frændr legit óbættir hjá garði várum, svá at vér hafim eigi hefnt“.

24. Síðan tók Skarpheðinn til sín slæðurnar en kastaði brókum blám til Flosa ok kvað hann þeira meir þurfa.

Flosi mælti: „Hví mun ek þeira meir þurfa?“

Skarpheðinn mælti: „Því þá, ef þú ert brúðr Svínfellsáss, sem sagt er, hverja ena níundu nótt, at hann geri þik at konu“.

Flosi hratt þá fénu ok kvaz þá engan penning skyldu af hafa, ok sagði at vera skyldi annat hvárt, at Hǫskuldr skyldi vera ógildir, ella skyldi þeir hefna hans.

[Bns, CXXII, 1–13; CXXIII, 1–24]

потому что он прижил сыновей со своей женою. Мало наших родичей упокоились у двора нашего без возмещения, так, чтобы мы не отомстили за них».

24. Потом взял Скарпхедин себе это длинное женское одеяние, а во Флоси бросил синими штанами, и сказал, что он в них больше нуждается. Флоси сказал: «Почему это я в них больше нуждаюсь?»

Скарпхедин промолвил: «Это потому, что коли уж ты невеста аса Свиной Горы, то, как говорят, он каждую девятую ночь пользует тебя как бабу» [Свиная Гора — хутор Флоси, это поношение, возможно, еще и направлено против недавнего жреческого статуса Флоси, как вероятного вождя-жреца в тех местах, т.к. его отец Торд был годи бога Фрейра. Естественно, после такого оскорбления, носящего к тому же характер вредоносной магии, всякое примирение стало невозможным (др.-исл. *niðr* — «нид», «поношение»). — И.Г.].

Флоси отпихнул тогда те деньги и сказал, что ни единого пенинга не возьмет, и добавил, что должно случиться одно из двух: или Хёскульд останется неотплаченным, или они отомстят за него.

(Перевод мой. — И.Г.).

CXLII, 1. Er nú kyrt, þar til er dómar skulu út fara. Þjoggu þeir sik þá til hváirtveggju ok vápnuðuz; þeir gerðu hváirtveggju herkuml á hjálmum sínum.

2. Þórhallr Ásgrímsson mælti: „Farið þér nú at engu allœstir ok gerið nú allt sem réttast. En ef nokkut vandaz í fyrir yðr, látið mik vita sem skjótast, ok skal ek þá gefa ráð til með yðr“.

3. Þeir Ásgrímr litu til hans, ok var andlit hans sem í blóð sæi, en stórt hagl hraut ór augum honum; hann bað fœra sér spjót sitt; þat hafði Skarphæðinn gefit honum, ok var en mesta gǫrsimi.

4. Ásgrímr mælti, er þeir gengu í braut: „Eigi var Þórhalli frænda gott í hug, er hann var eptir í búðinni, og eigi veit ek, hvat hann tekr til. Nú skulu vér ganga til með Merði Valgarðssyni ok láta sem ekki sé annat, því at meiri er veiðr í Flosa en í mǫrgum ǫðrum“.

5. Ásgrímr sendi mann til Gizurar hvíta ok Hjalta ok Guðmundar. Þeir kómu nú allir saman og gengu þegar at Austfirðingadómi; þeir gengu sunnan at dóminum.

6. En Flosi ok allir Austfirðingar með honum gengu norðan at dóminum; þar váru ok Reykdælir ok Ljósvetningar

CXLII, 1. Было все спокойно до тех пор, пока не пришло время, когда должны были начаться суды. И те, и другие снарядились и вооружились. И те, и другие сделали боевые значки на своих шлемах.

2. Торхаль, сын Асгрима, молвил: «Теперь не поступайте сгоряча и делайте все как можно правильнее. А если вы встретитесь с какой-нибудь трудностью, дайте мне знать как можно скорее, и тогда я дам вам совет».

3. Асgrim и его люди поглядели на него: кровь ударила ему в лицо и крупные, как град, слезы падали из его очей; он велел принести себе копье; это копье дал ему прежде Скарпхедин, это было самое большое сокровище.

4. Когда они ушли прочь, Асgrim сказал: «Нехорошо было на душе у родича Торхалья, когда он остался в той землянке, и не ведаю я, что он предпримет. Теперь мы выступим с Мёрдом, сыном Вальгарда, и поведем себя никак не иначе, а так, будто тяжба с Флоси [для нас] важнее многого другого».

5. Асgrim послал человека за Гицуром Белым, за Хьяльти и за Гудмундом. Они сошлись все вместе и тотчас поехали к Суду Восточной Четверти; они приехали на суд тот с юга.

6. А Флоси и с ним все люди Восточных Фьордов приехали на суд тот с севера; с Флоси были люди из Дым-Долины и люди со Свет-Озера; там был и Эйольв, сын Бёлверка.

með Flosa; þar var ok Eyjólfur Bólverksson.

7. Flosi laut at honum ok mælti: „Hér ferr vænt at: kann vera, at eigi fari fjarri því, sem þú gazt til“. „Lát þú hljótt yfir því“, segir Eyjólfur, „koma mun þar, er vér munum þess at neyta“.

8. Mörðr Valgarðsson nefndi sér vátta og bauð til hlutfalla þeim mǫnnum, er skóggangssakar áttu at sækja í dóminn, hvern sína sǫk skyldi fyrst sækja eða fram segja eða hvern þar næst eða hvern síðast; bauð hann lögboði at dómi, svá at dómendr heyrðu.

9. Þá váru hlutaðar framsǫgur, ok hlaut hann fyrst fram at segja sína sǫk. Mörðr Valgarðsson nefndi sér vátta í annat sinn — „Nefni ek í þat vætti, at ek tek miskviðu alla ór máli mínu, hvárt sem mér verðr ofmælt eða vanmælt.“

10. Vil ek eiga réttung allra orða minna, unz ek kǫm máli mínu til rétttra laga. Nefni ek mér þessa vátta eða þeim ǫðrum, er neyta eða njóta þurfu þessa vættis“.

11. Mörðr mælti: „Nefni ek í þat vætti, at ek býð Flosa Þórðarsyni eða þeim manni ǫðrum, er handselda lögvarn hefir fyrir hann, at hlýða til eiðspjalls míns ok til framsǫgu sakar minnar ok til

7. Флоси наклонился к Эйюльву и молвил: «Как будто все предсказуемо: быть может, все пойдет почти так, как ты предполагал». «Молчи!», — говорит Эйюльв, — «Может статься, что мы этим воспользуемся».

8. Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и предложил бросить жребий тем людям, которые требовали проведения в суде решения об изгнании виновных «в лес» (т.е. объявления подсудимых вне закона — *И.Г.*), кто свое дело должен вести прежде всех и прежде всех говорить, кто выскажется за ним, а кто — напоследок; предложил он это согласно законам на суде, так что судьи слышали.

9. Тогда был брошен жребий и выпало ему первому говорить свое дело. Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей в другой раз: «Я призываю свидетелей в том, что я изымаю все ошибочные речи из моего дела, коли мне случится сказать лишнее или допустить недомолвки».

10. Хочу я править все слова мои до тех пор, пока я не приведу дело моё в согласие с правильными законами. Называю я свидетелей всего этого для себя или для тех других, которые воспользуются или которым нужно будет воспользоваться этим свидетельством».

11. Мёрд молвил: «Я призываю свидетелей в том, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тем другим людям, которые по его поручению будут

sóknargagna þeirra allra, er ek hygg fram at föera á hendr honum, býð ek lögboði at dómi svá at dómendr heyra um dóm þveran“.

12. Mörðr mælti: „Nefni ek í þat vætti“, sagði hann, „at ek vinn eið at bók, löggeið, ok segi ek þat guði, at ek skal svá sðk þessa sækja, sem ek veit sannast ok réttast ok helzt at lögum, ok öll lögæt skil af hendi inna, meðan ek em at þessi máli“.

13. Síðan kvað hann svá at orði: „Þórodd nefnda ek í vætti, annan Þorbjörn, nefnda ek í þat vætti, at ek lýsta lögætu frumhlaupi á hönð Flosa Þórðarsyni á þeim véttvangi, er Flosi Þórðarson hljóp lögætu frumhlaupi til Helga Njálssonar, þá er Flosi Þórðarson særði Helga Njálsson holundarsári eða mergundar, því er at ben gerðiz en Helgi fékk bana af.“

14. Talða ek hann eiga at verða um sðk þá mann sekjan, skógarmann, óalanda, óferjanda, óráðanda öllum bjargráðum; talða ek sekt fé hans allt, hálf mэр en hálf fjórðungsmönnum þeim, er sekðarfé eigu at taka eptir hann at lögum.

защищать его по закону, выслушать клятву моей присяги и изложение моего иска, и все те доказательства, которые я думаю предоставить против него. Предлагаю я это согласно закону на суде, так чтобы судьи слышали на суде».

12. Мёрд сказал: «Я призываю свидетелей в том, что я приношу клятву на Книге, законную клятву, и говорю я Богу, что я буду так вести это дело, как, я знаю, правдивее всего, правильнее всего и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, покуда я участвую в этом деле».

13. Потом изрек он такие слова: «Торродда назвал я свидетелем, а другого — Торбьёрна — назвал я свидетелем того, что я предъявил иск Флоси, Тордову сыну, о его противозаконном нападении, которое заключалось в том, что Флоси, сын Торда, бросился на месте преступления в противозаконное нападение на Хельги, сына Ньяля, и тогда Флоси, Тордов сын, нанес Хельги, сыну Ньяля, тяжкие раны, так что показался костный мозг и внутренности, и Хельги принял от этого насильственную смерть».

14. Сказал я, что он должен стать за убийство человека изгнанником, «лесным человеком», которого не кормят, не указывают ему путь, не дают советы в помощь. Сказал я, что он должен лишиться всего своего имущества, — половину надо отдать мне, а половину — тем людям Чет-

15. Lýsta ek til fjórðungsdóms þess, er sôkin á í at koma at lögum; lýsta ek löglysing; lýsta ek í heyranda hljóði að Lögbergi, lýsta ek nú til sóknar í sumar ok til sekðar fullrar á hönð Flosa Þórðarsyni; lýsta ek handseldri sôk Þorgeirs Þórissonar.

16. Hafða ek þau orð qll í lýsingu minni, sem nú hafða ek í framsögu sakar minnar. Segi eg svá skapaða skóggangsôk þessa fram í Austfirðingadóm yfir hœfði Jóni, sem ek kvað at, þá er ek lýsta“. ...

30. Mœrðr Valgarðsson nefndi sér vátta — „í þat vætti“, sagði hann, „at ek býð búum þeim nú, er ek kvadda um sôk þessa, er ek hœfðaða á hönð Flosa Þórðarsyni, til setu vestr á árbakka ok til ruðningar um kvið þann; býð ek lögboði at dómi, svá at dómendr heyra“.

31. Mœrðr nefndi sér vátta í annat sinn — „í þat vætti, at ek býð Flosa Þórðarsyni eða þeim

верти, которые имеют право на имущество объявленного вне закона.

15. Заявил я об этом Суду Четверти, в который иск должен идти по закону, и заявил законным путем. Заявил это я во всеуслышание со Скалы Закона. Предъявил я иск и полное обвинение Флоси, Тордову сыну, этим летом. Предъявил я переданный мне на руки иск Торгейра, Торинова сына.

16. Те же слова содержатся в предъявлении моего иска, какие были и прежде в изложении моего иска. Излагаю я так этот иск об объявлении вне закона на Суде Восточной Четверти на Йоновой Голове, как я говорил тогда, когда я предъявлял обвинение»...

(Затем свидетели дважды повторяют иск, используя те же юридические формулы, что и Мёрд, фактически дословно. После этого истец обращается к соседям места преступления, которые, как он надеется, вынесут решение, осуждающее Флоси. — И.Г.)

30. «В том свидетельствую», — сказал он, — «что я предлагаю тем девятерым соседям места преступления, которых я вызвал по этому иску, который я предъявил Флоси, Тордову сыну, сесть западнее на речном берегу, чтобы другая сторона отвела тех из них, которые неправомочны. Предлагаю я это по закону на суде, так что судьи слышат».

31. Мёрд, Вальгардов сын, назвал себе свидетелей в другой раз. «Призываю я вас в свидетели того», — ска-

manni Qðrum, er handselda lögvarn hefir fyrir hann, til ruðningar um kvið þann, er ek hefi saman settan vestr á árbakka; býð ek lögboði at dómi, svá at dómendr heyra“.

32. Enn nefndi Mqrðr sér vátta — „í þat vætti“, sagði hann, „at nú eru frumgögn qll fram komin, þau er sðkinni eigu at fylgja, boðit til eiðspjalls, unninn eiðr, sðgð fram sðk, borit lýsingarvætti, borit sakartðkuvætti, boðit búum í setu, boðit til ruðningar um kvið.“

33. Nefni ek mér þessa vátta at gögnum þessum, sem nú eru fram komin, ok svá at því, at ek vil eigi vera sðk horfinn, þó at ek ganga frá dómi gagna at leita eða annarra ørenda“.

34. Þeir Flosi gengu nú þangat til, sem búarnir sátu. Flosi mælti til þeira: „Þat munu Sigfússynir vita, hversu réttir véttvangsbúar þessir eru, er hér eru kvaddir“.

35. Ketill ór Mqrk svarar: „Hér er sá búí, er helt Merði Valgarðssyni undir skírn, en annarr er þrímenningr hans at frændsými“.

зал он, — «что я предлагаю Флоси, Тордову сыну или тому другому человеку, который имеет право на его законную защиту, которое передал ему собственноручно Флоси, отвести неправомерных соседей места преступления, которых я посадил вместе к западу на берегу реки. Предлагаю я по закону на суде, так что судьи слышат».

32. И назвал Мёрд себе свидетелей. «В том свидетельстве», — сказал он, — «что ныне пройдено все, что должно следовать по этому делу: предложено принести клятву, принесена клятва, изложен иск, принесены свидетельские показания о предъявлении обвинения, принесены свидетельские показания о передаче тяжбы, предложено соседям места преступления сидение, предложено отвести неправомерных соседей места преступления».

33. Призываю я себе этих свидетелей в этом деле, как оно ныне проведено, и в том, что я не хочу оказаться обвиненным, если я уйду с суда, чтобы искать доказательств или по другим поручениям».

34. Флоси и его люди пошли теперь туда, где заседали соседи места преступления. Флоси молвил им: «Должны Сигфусовы сыны знать, насколько правомочны эти соседи места преступления, которые вызваны сюда».

35. Кетиль из Леса отвечает: «Здесь тот сосед места преступления, который крестил Мёрда, Вальгардова сына, а другой — троюродный родич

Töldu þeir þá frændsými ok sǫnnuðu með eiði.

36. Eyjólfur nefnir sér vátta, at kviðrinn skyldi standa þar til fyrst at ruddr væri.

37. Í annat sinn nefndi Eyjólfur sér vátta — „í þat vætti“, sagði hann, „at ek ryð þessa menn báða ór kviðinum“, — ok nefndi þá á nafn ok svá feðr þeira — „fyrir þá sǫk, at annarr þeira er þrímenningr Marðar at frændsými en annarr at guðsifjum þeim, er kviðu eigu at ryðja at lǫgum.

38. Eruð þit fyrir laga sakir ónýttir í kviðinum, því at nú er rétt lǫgruðning til yðvar komin; ryð ek ykkir ór at alþingismáli réttu ok allsherjar lǫgum; ryð ek handseldu máli Flosa Þórðarsonar“.

39. Nú mælti ǫll alþýða ok kváðu ónýtt málit fyrir Merði; urðu þá allir á þat sáttir, at þá væri frammar vǫrn en sókn...

77. Búar Marðar gengu at dómi; talði einn fram kviðinn, en allir guldu samkvæði, ok kvað svá at orði: „Mǫrðr Valgarðsson kvaddi oss kviðar þegna nú, en vér stǫndum hér nú fimm, en fjórir eru ór ruddir.

по дальнему родству». Высчитали они тогда дальней родство и удостоверили свои слова клятвою.

36. Эйольв называет себе свидетелей в том, что это собрание соседей должно оставаться на месте до того, как будет объявлен отвод.

37. В другой раз назвал Эйольв себе свидетелей «в свидетельство того», сказал он, «что я лишаю обоих этих людей права вынесения приговора» — и назвал тогда их по имени и также отцов их — «по той причине, что один из них — троюродный родич Мёрда по дальнему родству, а другой — по Божьему родству, поэтому они должны быть отведены из собрания соседей места убийства по закону.

38. Вы двое по закону бесполезны для вынесения приговора, потому что ныне правильный законный отвод доведен до вас. Отвожу я вас по правой речи альтинга и законам всего войска-народа. Отвожу я по делу, переданному мне собственноручно Флоси, Тордовым сыном».

39. Теперь поднялась молва во всем народе, и говорили, что бесполезен иск Мёрда. Стали тогда все в том согласны, что защита опередила обвинение...

(Стороне защиты удалось отвести еще двух соседей места преступления и таким образом сделать приговор этой судейской коллегии не имеющим юридической силы. — *И.Г.*)

77. Мёрдовы соседи места убийства вышли на суд. Один из них вынес

78. Hefir nú váttorð komit fyrir þá fjóra, er bera áttu með oss; skylda nú til lög at bera fram kviðinn.

79. Váru vér kvaddir at bera um þat, hvárt Flosi Þórðarson hljóp lögmaetu frumhlaupi til Helga Njálssonar á þeim véttvangi, er Flosi Þórðarson særði Helga Njálsson holundar sári eða mergundar; því er at þen gerðiz en Helgi fekk bana af.

80. Kvaddi hann oss þeira orða allra, er oss skylda lög til um at skilja ok hann vildi at dómi beitt hafa ok þessu máli áttu at fylgja; kvaddi hann lögkvæði; kvaddi hann svá, at vér heyrðum á; kvaddi hann um handselt mál Þorgeirs Þórissonar.

81. Höfu vér nú allir eiða unnit ok réttan kvið várn ok orðit á eitt sáttir, berum á Flosa kviðinn ok berum hann sannan at sǫkinni. Beru vér svá skapaðan níu búa kvið þenna fram í Austfirðingadóm yfir höfði Jóni, sem Mǫrðr kvaddi oss at. Er sá kviðr várr allra“. sǫgðu þeir.

приговор тот, а другие ответили (букв. «оплатили») согласием, и слово его было таково: «Мёрд, Вальгардов сын, вызвал нас, девять служителей приговора, но мы стоим здесь ныне впятером, потому что четверо были отведены.

78. Пришло свидетельское слово против тех четверых, которые должны были вынести решение с нами. Должно ныне по закону вынести это решение.

79. Нас вызвали, чтобы вынести решение о том, бросился ли Флоси, сын Торда, на месте преступления в противозаконное нападение на Хельги, сына Ньяля, и тогда Флоси, Тордов сын, нанес Хельги, сыну Ньяля, тяжкие раны, так что показался костный мозг и внутренности, и Хельги принял от этого насильственную смерть.

80. Потребовал он от нас все те слова, которыми нас обязывает закон делиться, и что он хотел от нас просить на суде и что должно следовать по этому делу. Потребовал он по закону. Потребовал он так, чтобы мы слышали. Потребовал он по иску, переданному собственноручно Торгейром, Торировым сыном.

81. Ныне мы все в согласии дали клятвы, и правое решение наше и слово наше, в том, что мы выносим Флоси приговор наш и объявляем его виновным в этом преступлении. Выносим мы, девять соседей места убийства, таким образом оформленный приговор на суд Восточной Чет-

82. Í annað sinn báru þeir kviðinn ok báru um sár fyrr en um frumhlaup síðar, en öll önnur orð báru þeir sem fyrr; báru þeir á Flosa kviðinn og báru hann sannan at sökinni. [Bns, CXLII, 1–16, 30–39, 77–82].

верти над Головой Йона, как этого потребовал от нас Мёрд. Это решение всех нас», — сказали они.

82. В другой раз вынесли они это решение, но сказали сначала про рану, а про нападение — потом, но все другие слова они сказали, как прежде. Вынесли они этот приговор Флоси и признали его виновным в этом преступлении». (Перевод мой. — И.Г.)

Книга о взятии земли

Landnámabók

“Nefni ek í þat vætti”, skyldi hann segja, “at ek vinn eið at baugi, lǫgeið. Hjálpi mér svá Freyr ok Njǫrðr ok inn almatki Áss sem ek mun svá sök þessa sækja eða verja eða vitni bera eða kviðu eða dæma sem ek veit réttast ok sannast ok helzt at lǫgum ok öll lǫgmæt skil af hendi leysa, þau er undir mik koma, meðan ek em á þessu þingi”.

«Я призываю свидетелей в том», — должен он говорить, — «что я приношу клятву на кольце, законную клятву. Да помогут мне в том Фрейр, Нёрд и всмогущий Асс, чтобы я так вменял иск, или защищал, или свидетельствовал, или судил, как, я знаю, правильное всего и правдивее всего, и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, что подлежит мне, покуда я участвую в этом тинге». (Перевод мой. — И.Г.)

Сага о Ньяле

Brennu-Njálssaga

12. Mǫrðr mælti: “Nefni ek í þat vætti”, sagði hann, “at ek vinn eið at bók, lǫgeið, ok segi ek þat guði, at ek skal svá sök þessa sækja, sem ek veit sannast ok réttast ok helzt at lǫgum, ok öll lǫgmæt skil af hendi inna, meðan ek em at þessi máli”.

12. Мёрд сказал: «Я призываю свидетелей в том, что я приношу клятву на Книге, законную клятву, и говорю я Богу, что я буду так вменять иск, как, я знаю, правдивее всего, правильное всего и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, покуда я участвую в этом деле». (Перевод мой. — И.Г.)

Сага о людях с Песчаного берега

LIИ, 1. Þat bar hér næst til tíðenda, at sauðamaðr kom inn með hljóðleikum miklum; hann mælti fátt, en af stygð þat er var; sýndiz mǫnnum þannveg helzt, sem hann mundi leikinn, þvíat hann fór hjá sér ok talaði við sjálfan sik, ok fór svá fram um hrið.

2. En er eigi mjök langt var liðit af vetri, kom sauðamaðr heim eitt kveld, gekk þá til rekkju sinnar ok lagðiz þar niðr; en um morgininn var hann dauðr, er menn kómu til hans, ok var hann grafinn þar at kirkju.

3. Brátt eptir þetta gerðuz reimleikar miklir. Þat var eina nótt, at Þórir viðleggur gekk út nauðsynja sinna ok frá durunum annan veg; ok er hann vildi inn ganga, sá hann, at sauðamaðr var kominn fyrir dyrrnar; vildi Þórir inn ganga, en sauðamaðr vildi þat víst eigi; þá vildi Þórir undan leita, en sauðamaðr sótti eptir ok fekk tekit hann ok kastaði honum heim at durunum; honum varð illt við þetta, ok komz þó til rúms sins, ok var víða orðinn kolblár.

4. Af þessu tók hann sótt ok andaðiz; var hann ok grafinn þar at kirkju; sýnduz þeir báðir jafnan síðan í einni ferð,

LIИ, 1. Дальше случилось такое событие, что пастух однажды явился домой и не проронил ни слова. Говорил он мало, а в том, что он произносил, сквозила злоба. Люди заключили, что его, скорее всего, заиграла нечистая сила, ибо он сторонился прочих людей и разговаривал сам с собой. Так продолжалось некоторое время.

2. А когда с начала зимы прошло немного времени, случилось так, что пастух явился домой, пошел прямоком к своей постели и улегся в нее. Наутро, когда к нему подошли, он был уже мертв; его похоронили на хуторе у церкви.

3. Вскоре после этого обитателям хутора стали сильно досаждать привидения.

Однажды ночью Торир Деревянная Нога вышел из дома по нужде и отошел от сеней в сторону. Когда он хотел зайти обратно, то увидел, что перед дверьми стоит пастух. Торир хотел войти в дом, но пастух, как выяснилось, вовсе этого не хотел. Тогда Торир хотел зайти в другом месте, но пастух нагнал его, схватил и отшвырнул назад к сеням. Ториру стало от этого больно, и хотя он кое-как добрался до своей постели, на теле его в разных местах образовались черные, как уголь, отметины.

4. От этого он подхватил болезнь и умер; его, как и пастуха, похоронили у церкви. После этого оба они, пастух и Торир Деревянная Нога, неиз-

sauðamaðr ok Þórir viðleggri; ok af þessu varð fólkit allt óttafullt, sem ván var.

Eptir andlát Þóris tók sótt húskarl Þórodds ok lá þrjár nætr; áðr hann andaðiz; síðan dó hvárr at öðrum, þar til sex váru látnir; var þá komit at jólaföstu, en þó var þann tíma eigi fastat á Íslandi.

5. Skreiðinni var svá hlaðit í klefann, at hann var svá fullr; at eigi mátti hurðinni upp lúka, ok tók hlaðinn upp undir þvertré, ok varð stíga til at taka at rjúfa hlaðann ofan. Þat var eitt kveld, er menn sátu við málelda, at heyrt var í klefann, at rifin var skreiðin, en þá er til var leitat, fannz þar eigi kvikt.

6. Þat var um vetrinn litlu fyrir jól, at Þóroddr bóndi fór út á Nes eptir skreið sinni; þeir váru sex saman á teinæringi ok váru út þar um nóttina.

Þat var tíðenda at Fróðá þat sama kveld, er Þóroddr hafði heiman farit, at máleldar váru gǫrvir; ok er menn kómu fram, sá þeir, at selshöfuð kom upp ór eldhúsgólfinu.

7. Heimakona ein kom fyrst fram ok sá þessi tíðendi; hon tók lurk einn, er lá í durunum, ok laust í höfuð selnum; hann

менно разгуливали вместе: весь народ был сильно напуган, чего следовало ожидать.

После кончины Торира болезнь подхватил работник Тородда; он лежал три ночи, а потом умер. Затем стали умирать один за другим, так что всего скончалось шесть человек. Это было в канун рождественского поста, но в то время в Исландии еще не было принято поститься.

5. Чулан с вяленой рыбой загрузили под завязку, настолько, что дверцу было невозможно открыть. Куча доставала до балки крыши, и пришлось подставить лестницу для того, чтобы сбрасывать рыбу с верхушки кучи на пол. По вечерам, когда люди сидели за ужином возле огней, происходили странные вещи: из чулана слышался такой звук, словно кто-то рвет вяленую рыбу на части. Но когда попытались выяснить, что тут кроется, ничего живого обнаружено не было.

6. Зимой перед самым йолем бонд Тородд выехал к оконечности Мыса, чтобы пополнить запасы вяленой рыбы. Всего их было шесть человек на десятивесельном судне; ночь они провели в море. В тот же вечер, когда Тородд выехал из дому, на Вещей Реке случилось такое событие, что, когда зажгли огни для трапезы, и люди пришли ужинать, они увидели, как из кострища, прямо из пола высунулась голова тюленя.

7. Ближе всего к месту оказалась одна из работниц, которая и заметила

gekk upp við hǫggit ok gægdiz upp á arsalinn Þorgunnu. Þá gekk til húskarl ok barði selinn; gekk hann upp við hvert hǫgg, þar til at hann kom upp yfir hreifana, þá fell húskarl í óvit; urðu þá allir óttafullir, þeir er við váru.

8. Þá hljóp til sveinninn Kjartan ok tók upp mikla járndrepsleggju ok laust í hǫfuð selnum, ok varð þat hǫgg mikit, en hann skók hǫfuðit ok litaðiz um; lét Kjartan þá fara hvert at ǫðru, en selrinn gekk þá niðr við, sem hann ræki hæl; hann barði þar til, at selrinn gekk svá niðr, at hann lamði saman gólfít fyrir ofan hǫfuð honum, ok svá fór jafnan um vetrinn, at allir fyrirburðir óttuðuz mest Kjartan.

LIV, 1. Um morguninn, er þeir Þóroddr fóru útan af Nesi með skreiðina, týnduz þeir allir út fyrir Enni; rak þar upp skipit ok skreiðina undir Ennit, en líkin fundus eigi.

En er þessi tíðendi spurðuz til Fróðár, buðu þau Kjartan ok Þuríðr nábúum sínum þangat til erfis; var þá tekit jólaǫl þeira ok snúit til erfisins.

2. En et fyrsta kveld, er menn váru at erfinu ok menn váru í sæti komnir, þá gengr Þóroddr

это чудо первой; она схватила лежавший у дверей валеk для белья и огрела им тюленя по голове. От удара тюлень подрос выше и уставился на полог постели Торгунны. Тут подошел работник и принялся лупить тюленя; от каждого удара тот подрастал, пока, наконец, не встал на задние плавники. Тогда работник упал в обморок, а все, кто был при этом, были сильно напуганы.

8. Тут подбежал юный Кьяртан, подхватил большую кувалду и огрел ей тюленя по голове: удар был очень сильным, но тюлень только потряс головой и повел вокруг глазами. Тогда Кьяртан принялся наносить удар за ударом, и тюлень стал опускаться, словно приседая на пятки. Кьяртан бил его до тех пор, пока тюлень весь не ушел вниз; он разбил пол над его головой вдребезги. И всю зиму было именно так, что разная нечисть больше всего опасалась Кьяртана.

LIV, 1. Наутро, когда Тородд и его люди отправились с Мыса в обратный путь с вяленой рыбой на борту, все они потонули напротив Лба; корабль и вяленую рыбу прибило к подножию Лба, а тела найдены не были. Когда весть о случившемся дошла до Вещей Реки, Кьяртан и Турид позвали соседей на тризну; вынесли брагу, припасенную для йоля, и стали справлять тризну.

2. И в первый же вечер, когда гости пришли на тризну и уселись на свои места, бонд Тородд и его утонувшие

bóndi í skálann ok fõrunautar hans allir alvátir.

3. Menn fõgnuðu vel Þóroddi, þvíat þetta þótti góðr fyrirburðr, þvíat þá höfðu menn þat fyrir satt, at þá væri mǫnnum vel fagnat at Ránar, ef sædaudir menn vitjuðu erfis síns, en þá var enn lítt af numin forneskjan, þóat menn væri skírðir ok kristnir at kalla.

4. Þeir Þóroddr gengu eptir endilǫngum setaskálanum, en hann var tvídyraðr; þeir gengu til eldaskála ok tóku enskis manns kveðju; settuz þeir við eldinn, en heimamenn stukku ór eldaskálanum, en þeir Þóroddr sátu þar eptir, þar til er eldrinn var fõlskaðr; þá hurfu þeir á brott.

5. Fór þetta svá hvert kveld, meðan erfit stóð, at þeir kómu til eldanna; hér var mart um rætt at erfinu; gátu sumir, at þetta mundi af taka, er lokit væri erfinu; fóru boðsmenn heim eptir veizluna, en þar váru hýbyli heldr dauflig eptir.

6. Þat kveld, er boðsmenn váru brottu, váru gõrvir máleldar at vanda; en er eldar brunnu, kom Þóroddr inn með sveit sína, ok váru allir vátir; settuz þeir niðr við eldinn ok tóku at vinda sik; ok er þeir höfðu niðr sez, kom inn Þórir viðleggr ok

спутники вошли в покои; все они были насквозь мокрые.

3. Люди приветствовали приход Торродда, ибо это считалось добрым предзнаменованием: в те времена почитали за правду, что коли погибшие на море приходят на свою тризну, это значит, что Ран приняла их радушно. Древняя вера была еще не изжита, хотя все люди были уже крещены и считались христианами.

4. Торродд и его спутники прошли вглубь главных покоев; покои были разделены двумя дверьми. Они прошли к очагу, и, не ответив на приветствия людей, уселись возле огня. Домочадцы рванулись из кухни прочь, а Торродд со спутниками сидели у очага до тех пор, пока огонь не догорел; тогда они исчезли.

5. Так продолжалось каждый вечер, пока справляли тризну, и они неизменно приходили к очагу. На сей счет за столом было множество пересудов; некоторые полагали, что все это по завершении тризны должно прекратиться.

Вот званые гости разъехались с угощения домой; после этого развлечения поубавилось.

6. В тот вечер, когда званые гости уехали прочь, на хуторе, как обычно, зажгли огни для ужина. Но когда огни разгорелись, вошел Торродд вместе со своей челядью: все они были мокрые. Они уселись возле огня и принялись выжимать свою одежду. И едва Торродд со своей бра-

hans sveitungar sex, váru þeir allir moldugir;

7. Þeir skóku klæðin ok hreyttu moldinni á þá Þórodd; heimamenn stukku ór eldhúsinu, sem ván var at, ok hǫfðu hvárki á því kveldi ljós né steina ok enga þá hluti, at þeir hefði neina veru af eldinum.

8. Annat kveld eptir var máleldr gǫrr í ǫðru húsi; var þá ætlat, at þeir mundu síðr þangat koma; en þat fór eigi svá, þvíat allt gekk með sama hætti, ok et fyrra kveldit; kómu þeir hváirtveggju til eldanna.

9. Et þriðja kveld gaf Kjartan þat ráð til, at gera skyldi langeld mikinn í eldaskála, en máleld skyldi gera í ǫðru húsi, ok svá var gǫrt; ok þá endiz með því móti, at þeir Þóroddr sátu við langeld, en heimamenn við enn litla eld, ok svá fór fram um ǫll jólin.

10. Þá var svá komit, at meir ok meir lét í skreiðarhlaðanum; var þá svá at heyra nætr sem daga, at skreiðin væri rifin.

Eptir þat váru þær stundir, at skreiðina þurfti at hafa; var þá leitit til hlaðans, ok sá maðr, er upp kom á hlaðann, sá þau tíðendi, at upp ór hlaðanum kom rófa, vaxin sem nautsrófa

тией уселся у очага, как в покои вошел Торир Деревянная Нога с шестью спутниками: все они были покрыты землей.

7. Они затрясли своими одеждами и стали сбрасывать землю на Тородда и его спутников. Домочадцы рванулись из кухни прочь, чего следовало ожидать; у них под рукой ни оказалось ни лучины, ни разогретых камней, ни прочих нужных вещей, так что от огня в тот вечер им не было ровно никакого прока.

8. На следующий вечер огни для трапезы зажгли в другом помещении; была надежда, что привидения не найдут туда дороги, но она оказалось напрасной. Все повторилось в точности так, как в предыдущий вечер: и те, и другие явились на огни.

9. На третий вечер Кьяртан подал совет разжечь в кухне большой длинный огонь, а огни для трапезы зажечь в другом помещении. Так и поступили. Совет подействовал, и Тородд с братией сел у продольного огня, а домочадцы — возле малого огня, и так продолжалось весь йоль.

10. Шум, доносившейся из кучи вяленой рыбы, с течением времени становился громче и громче; и днем, и ночью можно было услышать, как трещит разрываемая на части рыба. Однажды пришла нужда взять вяленую рыбу. Тогда отправились к чулану, и человек, поднявшийся наверх, увидел, что из кучи торчит хвост, размером с паленый бычий; он был ко-

sviðin, hon var snögg ok selhár; sá maðr, er upp fór á hlaðann, tók í rófunu ok togaði ok bað aðra menn til fara með sér.

11. Fóru menn þá upp á hlaðann, bæði karlar ok konur, ok toguðu rófunu ok fengu eigi at gort; skilðu menn eigi annat, en rófan væri dauð; ok er þeir toguðu sem mest, strauk rófan ór hǫndum þeim, svá at skinnit fylgði ór lófum þeira, er mest hǫfðu á tekit, en varð eigi síðan vart við rófunu; var þá skreiðin upp borin, ok var þar hverr fiskr ór roði rifinn, svá at þar beið engan fisk í, þegar niðr sótti í hlaðann, en þar fannz engi hlutr kvikr í hlaðanum.

12. Næst þessum tíðendum tók sótt Þórgríma galdrakinn, kona Þóris viðleggs; hon lá litla hríð, áðr hon andaðiz; ok et sama kveld, sem hon var jǫrðuð, sáz hon í liði með Þóri, bónda sínum.

13. Þá endrnýjaði sóttina í annat sinn, þá er rófan hafði sýnz, ok ǫnduðuz þá meir konur en karlar; létuz þá enn sex menn í hríðinni, en sumt fólk flýði fyrir reimleikum ok aþrgǫngum.

Um haustit hǫfðu þar verit þrír tigr hjóna, en átján ǫnduðuz,

роткий, с волосками, похожими на тюлений ворс. Человек, поднявшийся на кучу, взялся за хвост, потянул за него и просил остальных присоединяться.

11. Тогда к нему на кучу взобралось множество народу, мужики да бабы: они потащили хвост вместе, но ничего не вышло. Люди были убеждены, что хвост мертвый. Но когда они потянули со всей силы, хвост вырвался у них из рук так резко, что те, кто схватился за него крепче других, содрали себе на ладонях всю кожу. После этого хвоста больше никто не видел.

Затем из чулана вытащили вяленую рыбу; с каждой рыбешки была содрана кожа, а в нижней части кучи не осталось вообще ни одной целой рыбы. При этом в куче не обнаружилось ни единого живого существа.

12. Вскоре после этих событий заболела Торгрима Колдовская Щека, жена Торира Деревянная Нога. Она пролежала недолгое время и умерла, и в тот же вечер, когда ее тело предали земле, ее видели в обществе ее мужа Торира.

13. После появления хвоста болезнь вспыхнула с новой силой, и теперь умирали больше женщины, чем мужчины. За короткое время скончалось шесть человек, а кое-какой народ сбежал из-за привидений и восставших мертвецов. Осенью на хуторе было три десятка домочадцев; восемнадцать из них умерло, а пятеро сбе-

en fimm stukku í brottu, en sjau váru eptir at góí.

LV, 1. En þá, er svá var komit undrum þeim, var þat einn dag, at Kjartan fór inn til Helgafells at finna Snorra goða, móðurbróður sinn, ok leitaði ráðs við hann, hvat at skyldi gera undrum þeim, er yfir váru komin.

2. Þá var kominn prestr sá til Helgafells, er Gizorr hvíti hafði sent Snorra goða; sendi Snorri prestinn út til Fróðár með Kjartani ok Þórð kausa, son sinn, ok sex menn aðra; hann gaf þau ráð til, at brenna skyldi arsal Þorgunnu, en sækja þá menn alla í duradómi, er aþr gengu; það prest veita þar tíðir, vígja vatn ok skripta mǫnnum, ok kvǫddu menn af næstum bæjum með sér um leið, ok kómu um kveldit til Fróðár fyrir kyndilmessu, í þann tíma, er máleldar váru gǫrvir; þá hafði Þuríðr húsfreyja tekít sótt með þeim hætti, sem þeir, er látiz hǫfðu.

3. Kjartan gekk inn þegar ok sá, at þeir Þóroddr sátu við eld, sem þeir váru vanir. Kjartan tók ofan arsalinn Þorgunnu, gekk síðan í eldaskála, tók glóð af eldi ok gekk út með; var þá brendr allr rekkjubúnaðrinn, er Þorgunna hafði átt.

жало, так что к началу месяца гон оставалось лишь семь человек.

LV, 1. После того как чудеса зашли так далеко, Кьяртан однажды выехал по побережью на восток к Святой Горе навестить Снорри Годи, своего дядю по матери, и попросил у него совета, как унять навалившиеся чудеса.

2. К этому времени на Святую Гору подъехал священник, которого Гицур Белый послал Снорри Годи. Снорри отправил священника на Вещую Реку вместе с Кьяртаном и дал им в помощь своего сына Торда Кису и шесть прочих людей. Он посоветовал сжечь полог постели Торгунны и устроить у дверей суд над всеми восставшими мертвецами; священника он просил пропеть на хуторе службы, освятить там воду и исповедать людей. Созвали в помощь народ с соседних хуторов. Они прибыли на Вещую Реку в канун Мессы Свечей и явились тогда, когда зажгли огни для ужина. Турид, хозяйка хутора, к этому времени тоже слегла с болезнью; были те же признаки, что у тех, кто помер раньше.

3. Кьяртан тотчас вошел в дом и увидел, что Тородд с братией, по своему обыкновению, сидит у огня. Кьяртан сбросил полог постели Торгунны на пол; потом он зашел на кухню, достал из очага горячий уголь и вышел с ним на двор. Затем было сожжено все постельное убранство, принадлежавшее Торгунне.

4. Eptir þat stefndi Kjartan Þóri viðlegg, en Þórðr kausi Þóroddi bónda, um þat, at þeir gengi þar um hýbýli ólofat ok firði menn bæði lífi ok heilsu; ǫllum var þeim stefnt, er við eldinn sátu.

5. Síðan var nefndr duradómr ok sagðar fram sakir ok farit at ǫllum málum, sem á þingadómum; váru þar kviðir bornir, reifð mál ok dæmð; en síðan er dóms orði var á lokit um Þóri viðlegg, stóð hann upp ok mælti: “Setit er nú meðan sætt er”.

6. Eptir þat gekk hann út, þær dyrr sem dómrinn var eigi fyrir sett; þá var lokit dómsorði á sauðamann; en er hann heyrði þat, stóð hann upp ok mælti: “Fara skal nú, ok hyggek, at þó væri fyrr sœmra”.

7. En er Þórgríma galdrakinn heyrði, at dómsorði var á hana lokit, stóð hon upp ok mælti: “Verit er nú, meðan vært er”.

8. Síðan sótti hverr at ǫðrum, ok stóð svá hverr upp, sem dómr fell á, ok mæltu allir nǫkkut, er út gengu, ok fannz þat á hvers orðum, at nauðigr losnaði.

4. Вслед за этим Кьяртан вчинил Ториру Деревянная Нога иск, а Торд Киса — бонду Тородду другой, за то, что они без спросу расхаживают по жилью, лишая людей здоровья и жизни. Вызваны были и все остальные, кто сидел у огня.

5. Потом были назначены соседи, чтобы рассудить это дело, и приведены основания для иска. Судебные тяжбы продвигались в точности в том же порядке, что на тингах: заслушивались свидетели, подводились итоги прений и оглашался приговор.

После того как обвинительный приговор против Торира Деревянная Нога был оглашен, он встал и сказал так: «Хорошо посидели, покуда нас привечали».

6. Затем он вышел вон через те двери, у которых суда еще не было.

Затем огласили обвинительный приговор против пастуха. Услышав его, пастух встал и сказал:

«Придется теперь уходить, и думаю я, что раньше было бы пристойней».

7. Когда же Торгрима Колдовская Щека услышала, что обвинительный приговор против нее оглашен, она встала и сказала так:

«Хорошо побыли, пока нас не били».

8. Затем пришел черед всех остальных, и каждый, кого признавали виновным, вставал, и все они, перед тем как уйти, что-нибудь говорили; из слов их явствовало, что каждый покидал хутор против своей воли.

9. Síðan var sókn feld á Þórodd bónda; ok er hann heyrði þat, stóð hann upp ok mælti: “Fátt hygg ek hér fríða, enda flýjum nú allir“. Gekk hann þá út eptir þat.

10. Síðan gengu þeir Kjartan inn; bar prestur þá vígt vatn ok helga dóma um ǫll hús. Eptir um daginn segir prestur tíðir allar ok messu hátíðliga, ok eptir þat tókuz af allar aptrgǫngur at Fróðá ok reimleikar, en Þuríði batnaði sóttarinnar, svá at hon varð heil.

11. Um várit eptir undr þessi tók Kjartan sér hjón ok bjó at Fróðá lengi síðan ok varð enn mesti garpr.

[Ebs, LIII, 1–8; LIV, 1–13; LV, 1–11].

9. Приговор против бонда Тородда был оглашен в последний черед. Услышав, что его признали виновным, Тородд встал и сказал:

«Здесь, по-моему, против нас ополчились, айда отсюда все прочь!»

Затем и он вышел вон.

10. Тогда Кьяртан и его люди зашли в покои; священник нес с собой святую воду и святые мощи и обошел с ними весь хутор. На следующий день священник торжественно пропел мессу и прочие службы, и тогда восставшие мертвецы и прочие привидения с Вещей Реки перестали являться, а болезнь Турид пошла на убыль, и она исцелилась.

11. Весной, после этих чудес, Кьяртан набрал себе новых домочадцев и прожил на Вещей Реке немало лет, прославь большим удалцом.

Перевод А.В. Циммерлинга (с моими исправлениями. — И.Г.)

[Исландские саги 2004, 2: 106–110].

Сага об Эгиле

XLIII, 1. Ǫlvir hét maðr; hann var húskarl Þóris ok var forstjóri ok ráðamaðr fyrir búi hans; hafði hann skuldaheimtur ok var féhírdi; Ǫlvir var af æskualdri ok þó maðr enn hressasti.

2. Svá bar til, at Ǫlvir átti heimanferð at heimta landskyldir Þóris, þær er eptir hǫfðu staðit um várit; hafði

XLIII, 1. Жил человек по имени Альвир. Он был домочадцем Торира и управлял его хозяйством. Альвир был также его казначеем и собирал долги. Он был человек пожилой, но еще очень бодрый.

2. Вышло так, что Альвир собрался ехать за долгами, которые не были уплачены весной. Он велел снарядить гребную лодку и взял с собой двенадцать домочадцев Торира.

hann róðrarferju ok váru þar á tólf húskarlar Þóris.

3. Þá tók Egill at hressaz ok reis hann þá upp; honum þótti þá geraz daufligt heima, er alþýða manna var á brott farin; kom hann at máli við Qlvi ok sagði, at hann vildi fara með honum, en Qlvi þótti eigi góðum liðsmanni ofaukit, þvíat skipkostr var ærinn; réz Egill til ferðar þeirar; Egill hafði vápn sín, sverð ok kesju ok buklara.

4. Fara þeir ferðar sinnar, er þeir váru búnir, ok fengu veðrabálk harðan, hvQss veðr ok óhagstæð, en þeir sóttu ferðina knáliga, tóku róðrarleiði, ok hfQðu mjQk innanvált; svá bar til ferð þeira, at þeir kómu aptan dags til Atleyjar ok lQgðu þar at landi; en þar var í eyjunni skammt upp bú mikit, er átti Eiríkr konungr, en þar réð fyrir maðr sá, er Bárðr hét; hann var kallaðr Atleyjar-Bárðr ok var sýslumaðr mikill ok starfsmaðr góðr; ekki var hann kynstórr maðr, en kær mjQk Eiríki konungi ok Gunnhildi drótningu.

5. Þeir Qlvir drógu upp skip sitt ór flæðarmáli; gengu síðan til bæjar ok hittu Bárð úti ok sQgðu honum um ferð sína, svá þat, at þeir vildu þar vera um nóttina.

6. Bárðr sá, at þeir váru vátir mjQk, ok fylgði hann þeim til eldahúss nQkkurs; var þat brott

3. В это время Эгиль уже начал поправляться и встал с постели. Ему было скучно оставаться дома, когда все уехали, и он сказал Альвиру, что хотел бы поехать с ним. Альвир решил, что хороший спутник не будет лишним, потому что места в лодке было достаточно. И вот Эгиль поехал с Альвиром, взяв с собой свое оружие — меч, копьё и щит.

4. Они отплыли, как только были готовы. В дороге их застигла жестокая буря, затянувшаяся надолго. Сильный ветер мешал им, но они налегли на весла и продолжали свой путь. Лодка была полна воды. Вечером они подошли к острову Атлей и там причалили к берегу. На этом острове неподалеку был большой двор, принадлежавший конунгу Эйрику. Им управлял человек по имени Бард. Его звали Бард с Атлея. Он хорошо исполнял свою должность и был очень трудолюбив. Бард происходил из незнатного рода, но пользовался расположением конунга Эйрика и его жены, королевы Гуннхильд.

5. Альвир с товарищами вытащили лодку на берег, а потом пошли к двору. Придя к Барду, они рассказали ему о своей поездке и попросились на ночлег.

6. Бард видел, что они сильно вымокли, и проводил их к одному дому с напольными очагами, стоявшему в стороне. Он велел привести

frá ǫðrum húsum; hann lét gera eld mikinn fyrir þeim, ok váru þar þurkuð klæði þeira, en er þeir höfðu tekit klæði sín, þá kom Bárðr þar.

7. „Nú munu vér,“ segir hann, „hér setja yðr borð; ek veit, at yðr mun vera títt at sofa, þér eruð menn móðir af vási“.

8. Ǫlvi líkaði þat vel; síðan var sett borð ok gefinn þeim matr, brauð ok smjǫr, ok settir framm skyraskar stórir.

Bárðr sagði: „Harmr er þat nú mikill, er ǫl er ekki inni, þat er ek mega yðr fagna, sem ek vilda; verði þér nú at bjargaz við slíkt, sem til er“.

9. Þeir Ǫlvir váru þyrstir mjǫk ok supu skyrit; síðan lét Bárðr bera inn afr ok drukku þeir þat. „Fúss munda ek“, kvað Bárðr, „at gefa yðr betra drykk, ef til væri“. Hálm skorti þar eigi inni; bað hann þar þá niðr leggjaz til svefns.

XLIV, 1. Eiríkr konungr ok Gunnhildr kómu þat sama kveld í Atley, ok hafði Bárðr þar búit veizlu móti honum, ok skyldi þar vera díslablót, ok var þar veizla en bezta ok drykkja mikil inni í stofunni; konungr spurði, hvar Bárðr væri, — „er ek sé hann hvergi“.

2. Maðr segir: „Bárðr er úti ok greiðir fyrir gestum sínum“.

„Hverir eru gestir þeir“, segir konungr, „er hann lætr sér þat

для них большой огонь, и они смогли высушить свою одежду. А когда они ее снова надели, Бард вошел к ним и сказал:

7. «Теперь мы накроем вам тут на стол. Я знаю, что вас клонит ко сну. Вы ведь крепко потрудились в бурю и сильно устали».

8. Альвиру слова Барда очень понравились. Тут поставили столы, подали горячую пищу, хлеб и масло и выставили большие резные миски с кислым молоком. Бард сказал:

«Очень худо, что нет пива в доме, и я не могу угостить вас так, как хотел бы. Угощайтесь тем, что есть».

9. Альвиру и его спутникам очень хотелось пить, и они пили кислое молоко. Потом Бард велел принести сыворотки, и они стали ее пить.

«Я охотно угостил бы вас лучшим напитком», — сказал Бард, — «если бы он у меня был».

Соломы там хватало, и Бард предложил им лечь спать.

XLIV, 1. В тот самый вечер на остров Атлей прибыли конунг Эйрик с Гуннхильд. Бард приготовил для них пир. Там должно было быть жертвоприношение дисам и шел в палатах пир горой. Конунг спросил:

«Где же Бард? Я не вижу его».

2. Один человек ответил ему: «Бард вышел, чтобы позаботиться о своих гостях».

«Что же это за гости», — говорит конунг, — «если Бард предпочитает

skyldara, en vera inni hér hjá oss?“

Maðrinn sagði honum, at þar váru komnir húskarlar Þóris hersis.

3. Konungr mælti: „Gangi eptir þeim sem tíðast ok kalli þá inn hingat“, — ok var svá gǫrt, sagt, at konungr vill hitta þá; síðan ganga þeir; fagnaði konungr vel Qlvi ok bað hann sitja gagnvert sér í ǫndvegi ok þar fǫrunauta hans útar frá; þeir gerðu svá; sat Egill næstr Qlvi.

4. Síðan var þeim borit ǫl at drekka; fóru minni mǫrg, ok skyldi horn drekka í minni hvert; en er á leið um kveldit, þá kom svá, at fǫrunautar Qlvis gerðuz margir ófærir, sumir spjó þar inni í stofunni, en sumir kómuz út fyrir dyrr.

5. Bárðr gekk þá at fast at bera þeim drykk; þá tók Egill við horni því, er Bárðr hafði fengit Qlvi, ok drakk af; Bárðr sagði, at hann þyrsti mjök ok færði honum þegar hornit fullt ok bað hann af drekka.

6. Egill tók við horninu ok kvað vísu:

8. Sǫgþoþ sverreflagþa
sumleklo herkumla
(því telk) brjótr, þars blétop
(bragþvísan þik) díser.
leyndoþ alls til illa
ókunna hjǫrrunna,
ilt hafeo bragþ of brugþet,
Bárøþr, hugar fáre.

быть с ними, чем здесь, при нас?)»

Тот же самый человек отвечает конунгу, что приехали домочадцы херсира Торира.

3. Тогда конунг говорит:

«Пойди за ними поскорей и позови их сюда».

Тот так и сделал, сказав, что конунг хочет их видеть. А когда они пришли, конунг встретил Альвира приветливо и предложил ему почетное сиденье напротив, а спутникам его места подальше. Они все сели. Эгиль сидел рядом с Альвиром.

4. Им принесли пива. Все много раз пили, поминая умерших, и каждый раз нужно было осушать рог до дна. К концу вечера многие спутники Альвира уже не держались на ногах. Некоторых рвало прямо в пиршественном зале, а некоторые выбирались за дверь.

5. Но Бард усердно продолжал подносить им.

Тогда Эгиль взял рог, который Бард поднес Альвиру, и выпил его. Бард сказал, что, наверно, у Эгиля сильная жажда, и поднес ему тотчас же полный рог.

6. Эгиль принял рог и сказал вису:

8. «Ты сказал мне, воин:
“Браги нету в доме”,
Что ж тогда вы дисам
В жертву приносили?!
Бард, тебя за это
Назову лукавым.
Но проделку злую
Скрыл ты неумело».

7. Bárðr bað hann drekka ok hætta flimtun þeiri; Egill drakk full hvert, er at honum kom, ok svá fyrir Qlvi; þá gekk Bárðr til drótningar ok sagði henni, at þar var maðr sá, er skQmm færði at þeim ok aldregi drakk svá, at eigi segði hann sik þyrsta.

8. Drótning ok Bárðr blQnduðu þá drykkinn ólyfjani ok báru þá inn; signdi Bárðr fullit, fekk síðan Qlseljunni; færði hon Agli ok bað hann drekka; Egill brá þá knífi sínum ok stakk í lófa sér; hann tók við horninu ok reist á rúnar ok reið á blóðinu.

9. Hann kvað:

9. Rístim rún á horne,
rjóþom spjQll í dreyra,
þau velk orþ til eyrna
óþs dýrs við róta;
drekkom veig sem viljom
velglýjaþra þýja;
vita hvé oss of eire
Ql þats Bárøþr signde.

10. Hornit sprakk í sundr, en drykkurinn fór niðr í hálm; þá tók at líða at Qlvi; stóð þá Egill upp ok leiddi Qlvi útar til duranna ok helt á sverði sínu; en er þeir koma at durunum, þá kom Bárðr eptir þeim ok bað Qlvi drekka brautfararminni sitt.

11. Egill tók við ok drakk ok kvað vísu:

7. Тогда Бард сказал, чтобы Эгиль пил и бросил свои насмешки.

Эгиль осушал всякий кубок-рог, который ему подавали. Он выпивал также и то, что подавали Альвиру.

Тогда Бард пошел к королеве Гуннхильд и сказал ей, что там сидит человек, который их позорит: сколько бы он ни пил, он все говорит, что не напился.

8. Королева и Бард смешали тогда смертельный яд с брагой и внесли этот напиток. Бард осенил кубок тот знаменем Тора и дал служанке, разносившей пиво. Она поднесла рог Эгилю и предложила ему выпить.

Но Эгиль взмахнул ножом и воткнул его себе в ладонь. Потом он принял рог, вырезал на нем руны и окрасил их своей кровью.

9. Он сказал:

9. «Руны на роге режу,
Кровь их моя окрасит.
Рунами каждое слово
Врезано будет крепко.
Брагу девы веселой
Выпью, коль захочу я,
Только на пользу ль будет
Брага, что Бард святил мне?»

10. Рог разлетелся на куски, а напиток пролился на солому. Альвир уже совсем опьянел, и тогда Эгиль встал и повел его к дверям, а руку держал на мече. Возле двери к ним подошел Бард и предложил Альвиру выпить на прощанье.

11. Эгиль взял рог вместо Альвира, выпил его и сказал вису:

10. Ql ber mér þvít Qlve
 Ql gerver nú fqlvan;
 atgeira lætk úrar
 ýring of grQn skýra;
 Qllunges kant illa
 oddskýs fyr þér nýsa
 (rigna gerver regne)
 regnbjóþr (Hqars þegna).

12. Egill kastar horninu, en greip sverðit ok brá; myrkt var í forstofunni; hann lagði sverðinu á Bárði miðjum, svá at blóðrefillinn hljóp út um bakit; fell hann dauðr niðr, en blóð hljóp ór undinni; þá fell Qlvir ok gaus spýja ór honum; Egill hljóp þá út ór stofunni; þá var niðamyrkr úti; tók Egill þegar rás af böenum.

13. En inni í forstofunni sá menn, at þeir váru báðir fallnir, Bárðr ok Qlvir; kom þá konungr til ok lét bera at ljós; sá menn þá, hvat títt var, at Qlvir lá þar vitlauss, en Bárðr var veginn, ok flaut í blóði hans gólfít alt; þá spurði konungr, hvar sá væri enn mikli maðr, er þar hafði drukkit mest um kveldit; menn sQgðu, at hann gekk út.

14. „Leiti at honum“, segir konungr, „ok láti hann koma til mín“.

Var hans nú leita farit um bæinn ok fannz hann hvergi; en er þeir koma í eldahúsit, þá lágu þar margir menn Qlvis; konungsmenn spurðu, ef þar

«Альвир от браги бледен,
 Дай мне рог — я выпью, —
 Ливнем она из рога
 Сквозь усы прольется.
 Ты беды не чуешь,
 Ливень мечей зовущий!
 Слушай вису скальда —
 Одина ливень шумный».

12. Затем Эгиль бросил рог, схватил меч и обнажил его. В сенях было темно. Он пронзил Барда мечом, так что окровавленное лезвие (букв. «змея крови». — И.Г.) вышло из спины. Бард упал за смертью, и из раны хлынула кровь. Упал и Альвир, и его стало рвать.

Эгиль же выскочил из дома. Снаружи было хоть глаз выколи. Эгиль стремглав бросился бежать.

13. А в сенях люди увидели, что Бард и Альвир упали и остались лежать. Конунг подошел к ним и велел поднести свет. Тогда все увидели, что произошло: Альвир лежал без памяти, а Бард был убит, и весь пол был залит его кровью. Тогда конунг спросил, где же тот высокий человек, который пил в этот вечер больше всех. Люди сказали, что он вышел.

14. «Разыщите его», — говорит конунг, — «и приведите ко мне».

Начали разыскивать Эгиля по всей усадьбе, но его нигде не было. Тогда люди конунга пошли в отдельно стоящее помещение с напольными очагами, где расположились люди Альвира, и спросили, не приходил

hefði nakkvat Egill komit; þeir segja, at hann hefði hlaupit þar inn ok tekit vápn sín — „ok gekk út eptir þat“.

15. Þá var þat sagt konungi; konungr bað menn sína fara sem hvatast ok taka skip ǫll, þau er váru í eyjunni, — „en á morgin, er ljóst er, skulum vér rannsaka alla eyna ok drepa þá manninn“.

[Egs, XLIII, 1–9; XLIV, 1–15].

ли туда Эгиль. Там лежали многие из них. Они ответили, что он заскочил, взял свое оружие и сразу вышел.

15. Об этом сказали конунгу, и тот велел поскорее занять все суда, которые были на острове.

«Завтра, как только рассветет», — сказал он, — «мы обыщем весь остров и убьем этого человека».

Перевод С.С. Масловой Лашанской.

[Сага об Эгиле 1999: 125–130].

Сага о людях с Песчаного берега

IV. 6. Hann setti bó mikinn við Hofsvág, er hann kallaði á Hofsstǫðum; þar lét hann reisa hof, ok var þat mikit hús; váru dyrr á hliðvegginum ok nær ǫðrum endanum; þar fyrir innan stóðu ǫndvegissúlurnar, ok váru þar í naglar; þeir hétu reginnaglar. Þar fyrir innan var friðstaðr mikill.

7. Innar af hofinu var hús í þá líking sem nú er sǫnghús í kirkjum, ok stóð þar stalli á miðju gólfinu sem altari, ok lá þar á hringr einn mótlauss, tvítøgeyringr, ok skyldi þar at sverja eiða alla. Þann hring skyldi hofgoði hafa á hendi sér til allra mannfunda.

8. Á stallanum skyldi ok standa hlautbolli, ok þar í hlautteinn sem stǫkkull væri, ok skyldi þar stökkva með ór bollanum blóði, því er hlaut var kallat; þat var

IV. 6. Он (Торольв. — *И.Г.*) поставил у Капищного Залива большой хутор и назвал его Капищный Двор. Там же он велел возвести капище (бога Тора. — *И.Г.*); это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались богами. Внутри капища было большое святилище (букв. «место мира»). — *И.Г.*

7. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо весом в двадцать эйриров. На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи капища должен был надевать на руку на всех сходках.

8. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутком наподобие кропила. Им следо-

þesskonar blóð, er sófð váru þau kvikendi, er goðunum var fórnat. Umhverfis stallann var goðunum skipat í afhúsinu.

9. Til hofsins skyldu allir menn tolla gjalda ok vera skyldir hofgoðanum til allra ferða, sem nú eru þingmenn hofþingjum, en goði skyldi hofi upp halda af sjalfs síns kostnaði, svá at eigi rénaði, ok hafa inni blótveizlur. [Ebs, IV, 6–9].

вало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги.

9. Все люди должны были платить налог на капище и сопровождать годи во всех поездках, как теперь жители округа своего хёвдинга. А годи должен был содержать капище, чтобы оно не пришло в упадок, и устраивать в нем жертвенные пиры.

Перевод А.В. Циммерлинга

[Исландские саги 2004, 2: 25–26].

Сага о Хаконе Добром

14... Hélt Sigurðr jarl upp blótveizlum öllum af hendi konungs þar í Þrændalögum. Þat var forn siðr, þá er blót skyldi vera, at allir böendr skyldu þar koma sem hof var ok flytja þannug fǫng sín, þau er þeir skyldu hafa, meðan veizlan stóð. At veizlu þeirri skyldu allir menn öl eiga; þar var ok drepinn allskonar smali ok svá hross; en blóð þat alt, er þar kom af, þá var kallat hlaut, ok hlautbollar þat, er blóð þat stóð í, ok hlautteinar, þat var svá gert sem stǫklar; með því skyldi rjóða stallana öllu saman, ok svá veggi hofsins utan ok innan, ok svá stǫkkva á mennina; en slátr skyldi sjóða til mannfagnaðar. Eldar skyldu vera á miðju gólfi

14... Сигурд ярл давал все жертвенные пиры от лица конунга там в Трэндалёге. По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью, а чаши, в которых она стояла, — жертвенными чашами, а жертвенные веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посередине пиршественной палаты горели ко-

í hofinu ok þar katlar yfir; ok skyldi full um eld bera. En sá er gerði veizluna ok hǫfðingi var, þá skyldi hann signa fullit ok allan blótmatinn. Skyldi fyrst Óðins full, skyldi þat drekka til sigrs ok ríkis konungi sínum, en síðan Njarðar full ok Freys full til árs ok friðar. Þá var mǫrgum mǫnnum títt at drekka þarnæst Braga full. Menn drukku ok full frænda sinna, þeirra er gǫfgir hǫfðu verit, ok váru þat minni kǫlluð.

[Snorri Sturluson 1991: 106].

стры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина — его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра — их пили за урожайный год и мир. У многих было в обычае пить после этого кубок Браги. Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным.

Перевод М.И. Стеблина Каменского [Снорри Стурлусон 1995: 74–75].

Прорицание вёльвы

63. Þá kná Hœni
hlautvið kjósa
ok burir byggja
bræðra tveggja
vindheim víðan.
Vituð ér enn — eða hvat?
[Edda 1927: Vǫluspá 63].

63. Тогда сможет Хёнир
«жребия (или «жертвенной крови»)»
дерево» выбрать,
и сыновья населяют
братьев обоих
ветродом широкий [небо — ? — И.Г.].
Узнаете еще — или как?
(Перевод мой. — И.Г.)

17. Unz þrír kvámu
ór því liði
ǫflgir ok ástkir
æsir at húsi,
fundu á landi
lítt megandi
Ask ok Emblu
ǫrlǫglausa.
18. Qnd þau né áttu,
óð þau né hǫfðu,
lá né læti

17. До того как трое пришли
из этого люда,
могучие и благие
асы к морю,
нашли на земле
мало могущих
Ясения и Иву,
судьбы лишенных.
18. Дыханья они не имели,
духа они не имели,
ни тепла, ни поведения,

né litu góða;
 qnd gaf Óðinn,
 óð gaf Hœnir,
 lá gaf Lóðurr
 ok litu góða.

[Edda, 1927: Völuspá 17–18].

ни цветов хороших;
 дыхание дал Один,
 дух дал Хёнир,
 тепло дал Лодур
 и цвета хорошие.

(Перевод мой. — И.Г.)

Англосаксонская хроника

896. Ðā þæs on sumera on
 dýsum zēre tōfōr sē here, sum on
 Ēastenzle, sum on Nordhymbre.
 Qnd þā feohlēase wæron, him
 þær scipu bezēton, qnd sūd ofer
 sǣ fōron tō Sizene.

Nǣfde sē here, zodes þonces,
 Anzelycyn ealles for swīde
 zebrocod; ac hīe wæron micle
 swīþor zebrocede on þǣm þrīm
 zēarum mid cēapes cwilde qnd
 mōnna, ealles swīpost mid þǣm
 þæt maniže þāra sēlestena cynzes
 þēna þe þær on lōnde wæron
 fordfērdon on þǣm þrīm zēarum.
 Þāra wæs sum Swīdulf biscop on
 Hrōfescēastre, qnd Cēolmund
 ealdormōn on Cent, qnd Beorhtulf
 ealdormōn on Ēastseaxum,
 qnd Wulfrēd ealdormōn on
 Hāmtūnsċīre, qnd Ealhheard
 biscop æt Dorceceastre, qnd
 Ēadulf cynzes þezn on Sūdseaxum,
 qnd Beornulf wīczefēra on
 Winteceastre, qnd Eczulf cynzes
 horsþezn, qnd maniže ēac him,
 þēh ic dā zedunznestan nemde.

þū ilcan zēare drehton þā
 herzas on Ēastenzlum qnd on
 Nordhymbtrum Westseaxna lōnd

896. После этого летом в этом
 году разбойничье войско разо-
 шлось, кто в Восточную Англию,
 кто в Нортумбрию, и те, кто были
 бедны, погрузились там на кораб-
 ли и уплыли за море на юг, в Сену.

По милости Господа не сумело
 разбойничье войско до конца со-
 крушить народ англов, при том,
 что еще больше зла в эти три года
 принес мор среди людей и скота,
 и главное — многие королевские
 тэны, лучшие в этой земле, умер-
 ли в это время. Среди них были
 Свитульф, епископ Рочестера,
 и Кеолмунд, элдормен Кента,
 и Беорхтульф, элдормен Эссекса,
 и Вульферт, элдормен Гемпшира,
 и Элхеард, епископ Дорсета,
 и Эадульф, королевский тэн из
 Суссекса, и Беорнульф, викгерера
 Винчестера, и Эгульф, королев-
 ский конюший, и еще многие,
 хотя я назвал самых известных.

В тот год разбойничье войско из
 Восточной Англии и Нортумбрии
 не раз нарушало покой в уэссек-
 ских землях: они отнимали зерно
 и скот на южных побережьях, но
 худшей бедой были эски, которые

swīde be þǣm sūdstæde mid stæherzum, ealra swīpust mid ðǣm æscum þe hīe fela zēara ær timbredon. Þā hēt Ælfrēd cynz timbran lanz scipu onzēn ðā æscas; þā wǣron ful nēah tū swā lanze swā þā ōðru, sume hæfdon syxtiz āra, sume mā; þā wǣron æzðer ze swiftran, ze unwealtran, ze ēac hīer[r]an þonne þā ōðru; nǣron nāwðer nē on Frēsisc zescæpene, nē on Denisc, būte swā him selfum ðūhte þæt.

Þā æt sumum cirre þæs ilcan zēares þær sex scipu tō Wiht, qnd þær mycel yfel zedydon, æzðer ze on Defenum ze wel hwær be ðǣm sǣriman. Þā hēt sē cynz faran mid niizonum tō þāra nīwena scipa, qnd forfōron him þone mūðan foran on ūtermere. Þā fōron hīe mid þrīm scipum ūt onzēn hīe, qnd þrēo stōdon æt ufewardum þǣm mūðan on drȳzum; wǣron þā men uppe on londe of āzāne. Þā zefēnzon hīe þāra þrēora scipa tū æt ðǣm mūðan ūtewardum, qnd þā men ofslōzon, qnd þæt ān odwand; on þǣm wǣron ēac þā men ofslæzene būton fifum; þā cōmon for-ðȳ on-wez de ðāra ōþerra scipu āsǣton. Þā wurdon ēac swīde unēdelice āseten: þrēo āsǣton on ðā healfe þæs deopes de ðā Deniscan scipu āseten wǣron, qnd þā ōðru eall on ōþre healfe, þæt hira ne mehte nān tō ōðrum. Ac ðā þæt wæter wæs

сохранились с прежних времен. Тогда король Эльфред повелел построить длинные корабли, чтобы сражаться против эсков. Они были почти вдвое длиннее: у некоторых — по 60 весел, а у некоторых больше. И они были быстроходнее, прочнее и выше, чем эски; и построены ни на фризский манер, ни на данский, а так, как, по мнению короля, было лучше всего.

И как-то раз в этом же году приплыли шесть кораблей на Уайт и много зла содеяли на этом острове, в Девоне и повсюду на побережьях. Тогда король повелел, чтобы девять новых кораблей отправились за ними и перекрыли им путь из устья в открытое море. Три корабля данов стали против них биться, а три стояли на суше выше по течению, в дальнем конце устья: люди, бывшие на них, ушли вверх по реке. Корабельщики Эльфреда захватили два из трех кораблей на выходе из устья и убили людей, а один корабль пробился, хотя на нем осталось в живых только пять человек. Тогда девять кораблей прошли дальше в устье, туда, где стояли другие корабли данов. И они встали очень неудобно, три — на той стороне, где стояли корабли данов, а все прочие — на другом берегу, так что не могли друг к другу добратся. Когда вода была за много форлонгов от кораблей, даны с остав-

āhebbad fela furlanƷa from þǣm scipum, þā ēodan dā Deniscan frōm þǣm þrīm scipum tō þǣm ōdrum þrīm þe on hira healfe beebbade wǣron, Ʒnd hīe þā þǣr zefuhton. Þǣr weard ofslæƷen LucumƷn cynƷes zerēfa, Ʒnd Wulfheard Frīesa, Ʒnd Æbbe Frīesa, Ʒnd Ædelhere Frīesa, Ʒnd Ædelferđ cynƷes zenēat, Ʒnd ealra mƷnna, Frīsiscra Ʒnd EnƷliscra twēƷen Ʒnd syxtiƷ, Ʒnd þāra Deniscena hundtwelftiƷ. Þȳ cōm þǣm Deniscum scipum þēh ær flōd tō, ær þā crīstnan mehten hira ūt āscūfan, Ʒnd hīe for-đȳ ūt ōdrēowon. Þā wǣron hīe tō þǣm zesārƷode þæt hīe ne mehton SūdseaxnalƷnd ūtan berōwan, ac hira þǣr tū sǣ on lƷnd wearp; Ʒnd þā men mƷn lǣdde to Winteceastre tō þǣm cynƷe, Ʒnd hē hīe đǣr āhōn hēt; Ʒnd þā men cōmon on ĒastenƷle þe on þǣm ānum scipe wǣron swīde forwundode.

Þȳ ilcan sumera forweard nō lǣs þƷnne twentiƷ scipa mid mƷnnum mid ealle be þām sūdriman. Þȳ ilcan Ʒere forđfērde Wulfrīc cynƷes horsdeƷn; sē wæs ēac WealhƷefēra.

[Смирницкий 1953: 28–29].

шихся кораблей пришли к тем трем кораблям, что стояли на суше на их берегу в ожидании прилива, и сражались с людьми, которые на них были. Там были убиты королевский герефа Лукумон, фриз Вульфхеард, фриз Эббе, фриз Этельхере, Этельферт, приближенный короля, и всего фризов и англов 62 человека, и 120 данов. Даны сумели уйти по приливной воде раньше, чем христиане смогли столкнуть свои корабли, и вышли на веслах в открытое море. Но люди были настолько изранены, что не сумели отойти на веслах от суссекского побережья, и два корабля выбросило на сушу. Корабельщиков отправили в Винчестер к королю, и он повелел их повесить. А те, кто приплыл в Восточную Англию на третьем корабле, были сильно покалечены. В то лето не меньше 20 кораблей затонули у южного побережья с людьми и всем прочим. В тот же год умер королевский конюший Вульфрик, он был к тому же валлийский герефа»

Перевод З.Ю. Метлицкой

[Англосаксонская хроника 2010: 79–81].

Сага о Харальде Прекрасноволосом

Um v́arít réð Haraldr konungr sér til skipa. Hann hafði gera látit um vetrinn dreka mikinn ok búinn hit vegligasta; þar skipaði hann á hirð sinni ok berserkjum. Stafnbúar v́aru mest vandaðir; því at þeir höfðu merki konungs. Aþtr frá stafninum til austrríms var kallat á rausn, þat var skipat berserkjum. Þeir einir náðu hirðvist með Haraldi konungi, er afreksmenn v́aru bæði at afli ok hreysti ok allskonar atgervi; þeim einum var skipat hans skip, en hann átti þá góð vól at kjósa or hverju fylki sér hirðmenn. Hann hafði her mikinn ok mǫrg stórskip, ok margir ríkismenn fylgðu honum.

[Snorri Sturluson 1991].

Весной Харальд конунг стал собираться в морской поход. Зимой по его распоряжению был построен большой и роскошный корабль с драконьей головой на носу. Он отрядил на него свою дружину и берсерков. На носу должны были во время боя стоять самые отборные воины, так как у них был стяг конунга. Место ближе к середине корабля занимали берсерки. Харальд конунг брал в свою дружину только тех, кто выделялся силой и храбростью и был во всем искусен. Только такие люди были на его корабле, и он мог набирать себе в дружинники лучших людей из каждого фюлька. У Харальда конунга было большое войско и много больших кораблей, и многие знатные люди были с ним.

Перевод М.И. Стеблина Каменского [Круг Земной 1995: 45–46].

Сага об Эгиле

XIX, 1. Þá er v́ar kom ok snæ leysti ok ísa, þá lét Þórólfr framm setja langskip mikit, er hann átti, ok lét þat búa ok skipaði húskǫrlum sínum, ok hafði með sér meirr en hundrað manna; var þat lið et fríðasta ok v́apnat allvel.

2. En er byr gaf, helt Þórólfr skipinu suðr með landi, ok þegar er hann kom suðr um Byrðu, þá heldu þeir útleið fyrir útan eyjar allar, en stundum

XIX, 1. Когда пришла весна, и растаяли и снег, и лед, тогда велел Торольв спустить на воду большой длинный корабль, которым он владел, и велел подготовить его и снарядить домочадцами своими. Было с ним более ста мужей. Та дружина была и ладная, и хорошо вооруженная.

2. А когда подул попутный ветер, повел Торольв корабль вдоль берега на юг. Когда они достигли острова Бурда, пошли они открытым морем позади всех островов, а порою так,

svá, at sjór var í miðjum hliðum; létu svá ganga suðr fyrir landit, hǫfðu ekki tíðendi af mǫnnum, fyrr en þeir kómu austr í Vík; þá spurðu þeir, at Haraldr konungr var í Víkinni, ok hann ætlaði um sumarit at fara til Upplanda.

3. Ekki vissu landsmenn til um ferð Þórólfs; honum byrjaði vel ok helt hann suðr til Danmerkr ok þaðan í Austrveg, ok herjaði þar um sumarit, ok varð ekki gott til fjár.

4. Um haustit helt hann austan til Danmerkr í þann tíma, er leystiz Eyrarfloiti, er þar hafði verit um sumarit, sem vant var, fjöldi skipa af Nóregi.

5. Þórólfr lét þat lið sigla alt fyrir, ok gerði ekki vart við sik; hann siglði einn dag at kveldi til Mostrarsunds; þar var fyrir í hǫfninni knǫrr einn mikill, kominn af Eyri; Þórir þruma hét maðr sá, er stýrði; hann var ármaðr Haralds konungs; hann réð fyrir búi hans í Þrumu; þat var mikit bú; sat konungr þar lǫngum, þá er hann var í Víkinni; þurfti þar stór fǫng til bús þess.

6. Hafði Þórir farit fyrir þá sǫk til Eyrar, at kaupa þar þunga, malt ok hveiti ok hunang, ok varit þar til fé miklu, er konungr átti.

что море наполовину скрывало горные склоны. Так они шли на юг вдоль побережья, и не было им никаких вестей от других людей, пока они не пришли на восток, в Вик. Тогда прознали они, что Харальд конунг в Вике и что он надумал летом ехать в Уппленд.

3. Местные жители ничего не знали о поездке Торольва. Дул попутный ветер, и Торольв поплыл на юг в Денмарк, а оттуда поплыл по Восточному Пути, и воевал там летом, но не захватил много добра.

4. Осенью поплыл он с востока в Денмарк как раз в то время, когда распускали флот в проливе Эйрасунд. Летом, как обычно, там было много кораблей из Норвегии.

5. Торольв пропустил все это войско вперед и остался незамеченным.

Однажды вечером он плыл в Моstrarсунд. Там со стороны моря стоял один большой кнорр, который пришел с Эйра. Звали Торир Трума того человека, который управлял им. Он был посланцем Харальда конунга. Он управлял поместьем конунга в Труме. Это была большая усадьба. Когда конунг бывал в Вике, он подолгу сиживал там. Таким образом в этом поместье должно было быть много припасов.

6. По этой причине Торир поехал в Эйр, чтобы купить там солода, пшеницы и меда, и было на его купеческом корабле много движимого имущества, принадлежащего конунгу.

7. Þeir lögðu at knerrinum ok buðu þeim Þóri kost á at verjaz, en fyrir því at þeir Þórir höfðu engan liðskost til varnar móti fjölmenni því, er Þórólfr hafði, gáfuz þeir upp; tók Þórólfr skip þat með öllum farmi, en setti Þóri upp í eya.

8. Helt Þórólfr þá skipum þeim báðum norðr með landi, en er hann kom fyrir Elfina, þá lágu þeir þar ok biðu nætr; en er myrkt var, røru þeir langskipinu upp í ána ok lögðu til bæjar þess, er þeir áttu Hallvarðr ok Sigtrygg.

9. Koma þeir þar fyrir dag ok slógu manngarð, ærðu síðan heróp, ok vöknudu þeir við þat, er inni váru, ok hljópu þegar upp til vápna sinna; flýði Þorgeirr þegar út ór svefnkemmunni; skíðgarðr hár var um bæinn.

10. Þorgeirr hljóp at skíðgarðinum ok greip hendinni upp á garðstaurinn ok kastaði sér út um garðinn; þar var nærr staddr Þorgils gjallandi; hann sveiflaði til sverðinu eptir Þorgeiri, ok kom á hqndina ok tók af við garðstaurinn.

11. Hljóp Þorgeirr síðan til skógar, en Þórðr bróðir hans var þar feldr ok meirr en tuttugu menn; síðan ræntu þeir þar fé öllu ok brendu bæinn; fóru síðan út eptir ánni til hafs...

[Egs, XIX, 1–11].

7. Люди Торольва встали борт к борту к кнорру и предложили людям Торира защищаться, но поскольку людей у Торира было недостаточно, чтобы защищаться от такого многолюдства, какое было у Торольва, они сдались. Торольв взял корабль со всем грузом, а Торира высадил на остров.

8. Тогда Торольв с обоими кораблями пошел вдоль побережья на север. Когда он подошел к реке Гаутэльв, его люди бросили якорь и стали ждать ночи. А когда стемнело, поднялись они на веслах на длинном корабле вверх по реке и остановились у усадьбы, которой владели Халльвард и Сигтрюг.

9. Поутру они пришли туда и окружили двор цепью, потом прокричали боевой клич. Из-за этого все, кто там были, пробудились, и тотчас схватились за оружие. Торгейр тотчас выбежал из спальной клетки. Высокый частокол шел вокруг двора.

10. Торгейр подскочил к частоколу и ухватился рукой за столб ограды и перескочил через ограду. А рядом стоял Торгильс Крикун. Он взмахнул мечом и отрубил Торгейру руку, которой тот держался за кол.

11. Потом Торгейр убежал в лес, а Торд, брат его, был сражен в усадьбе и с ним более двадцати человек. Потом Торольв и его люди захватили все движимое имущество и сожгли усадьбу, а потом поехали вниз по реке к морю...

(Перевод мой. — И.Г.)

Сага об Олаве Святом

CXXXIII.
kapítuli

Vetr þann sat Ólafur konungur í Sarpsborg ok hafði fjölmenni mikit. Þá sendi hann Karla inn háleyska norðr í land með ørendum sínum. Fór Karli fyrst til Upplanda, síðan norðr um fjall, kom fram í Niðarósi, tók þar fé konungs, svá mikit sem hann hafði orð til send, ok skip gott, þat er honum þótti vel til fallit ferðar þeirar, er konungur hafði fyrir ætlat, en þat var at fara til Bjarmalands norðr. Var svá ætlat, at Karli skyldi hafa félag konungs ok eiga hálf tó hláft fé hvárr við annan.

Karli helt skipinu norðr á Hálogaland snimma um várið. Rézk þá til ferðar með honum Gunnsteinn, bróðir hans, ok hafði hann sér kaupeyri. Þeir váru nær hálfum þriðja tigi manna á skipi því, fóru þegar um várit snimmendis norðr á Mörkina.

Þórir hundr spurði þetta. Þá gerði hann menn ok orðsending til þeira bræðra ok þat með, at hann ætlar at fara um sumarit til Bjarmalands, vill hann, at þeir hafi samflot ok hafi at jafnaði þat, er til fengjar verðr.

Þeir Karli senda þau orð at móti, at Þórir skyli hafa hálfan

Гл. 133.

Путешествие в Бьярмаланд

Той зимой конунг Олав сидел в Сарпсборге, и с ним было много людей. Тогда послал он Карли Халоголандца на север страны со своим поручением. Отправился Карли сначала в Упллэнд, затем на север через горы, добрался до Нидароса, взял там имущество конунга, столько, сколько ему было сказано, и корабль хороший, который, ему казалось, будет подходящим для той их поездки, которую задумал конунг, и была эта поездка на север в Бьярмаланд. Было так задумано, что Карли вступит в товарищество с конунгом, и каждый будет владеть половиной имущества. Ранней весной Карли повел корабль на север в Халогаланд. Собрался тогда в поход вместе с ним Гуннстейн, его брат, и были у него свои товары. Их было около двух с половиной десятков людей на том корабле, отправились они тотчас той же весной на север в Финнмарк.

Об этом узнал Торир Собака. Тогда послал он людей к тем братьям с поручением передать, что он собирается отправиться летом в Бьярмаланд, что он хочет плыть вместе и разделить поровну то, что им удастся добыть.

Карли и его люди просят передать Ториру в ответ, что у него должно быть два с половиной десятка людей, как и у них. Хотят они при этом, чтобы все то имущество, которое у них

þriðja tög manna, svá sem þeir höfðu. Vilja þeir þá, at af fé því, er fæsk, sé skipt at jafnaði milli skipanna, fyrir útan kaupeyri þann, er menn höfðu.

En er sendimenn Þóris kómu apr, þá hafði hann fram látit setja langskipsbúzu mikla, er hann átti, ok látit búa. Hann hafði til skips þess húskarla sína, ok váru á skipinu nær átta tigum manna. Hafði Þórir einn forráð liðs þess ok svá aflan þá alla, er fengisk í ferðinni.

En er Þórir var búinn, helt hann skipi sínu norðr með landi ok hitti þá Karla norðr í Sandveri. Síðan fóru þeir allir saman, ok byrjaði vel. [...]

Fóru þeir um sumarit optast þannug sem skipin gengu til. Þá er byrlétt var, gekk meira skipit þeira Karla, sigldu þeir þá undan, en þá er hvassara var, sóttu þeir Þórir þá eptir. Váru þeir sjaldan allir saman, en vissusk þó til jafnan.

En er þeir kómu til Bjarmalands, þá lögðu þeir til kaupstaðar. Tóksk þar kaupstefna. Fengu þeir menn allir fullræði fjár, er fé höfðu til at verja. Þórir fekk óf grávǫru ok bjór ok safala. Karli hafði ok allmikít fé, þat er hann keypti skinnavǫru marga.

En er þar var lokit kaupstefnu, þá heldu þeir út eptir ánni Vínu. Var þá sundr sagt friði

образуется, было поделено поровну между кораблями, за исключением тех товаров, которые были у людей.

И когда посланцы Торира вернулись, он уже тогда велел спустить на воду большой длинный боевой корабль, которым он владел, и приказал снаряжать его. Он взял с собой на корабль своих работников, и было на корабле у него около восьми десятков человек. Торир один имел власть над этими людьми, а с тем и всю ту добычу, которую можно было захватить во время путешествия.

И когда Торир собрался, повел он свой корабль на север вдоль берега и встретился тогда с Карли на севере у Сандвера. Затем поплыли они все вместе, и был им попутный ветер. *[Братья спрашивают Торира, почему у него больше людей, чем было условлено, но тот отвечает, что в таком опасном походе никто не будет лишним.]*

Плыли они летом чаще всего так, как позволяли их корабли. Когда был легкий ветер, быстрее шел корабль Карли и его людей, плыли они тогда впереди, а когда был сильный ветер, тогда Торир и его люди догоняли их. Они редко были все вместе, но тем не менее постоянно знали друг о друге. И когда приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте. Началась там торговля. Все те люди, у кого было для этого имущество, приобрели там огромное богатство. Торир приобрел много беличьего меха, и бобрового, и собольего.

við landsmenn. En er þeir koma til hafs út, þá eigu þeir skiparastefnu. Spyrir Þórir, ef mǫnnum sé nokkurr hugr á at ganga upp á land ok fá sér fjár. Menn svǫruðu, at þess váru fúsir, ef féfǫng lægi brýn við.

Þórir segir, at fé myndi fásk, ef ferð sú tækiskt vel — „en eigi óvænt, at mannhætta gerisk í fǫrinni.“ Allir sǫgðu, at til vildu ráða, ef fjárván væri.

Þórir segir, at þannug væri háttat, þá er auðgir menn ǫnduðusk, at lausafé skyldi skipta með inum dauða ok ǫrfum hans. Skyldi hann hafa hálf t eða þriðjung, en stundum minna. Þat fé skyldi bera út í skóga, stundum í hauga, ok ausa við moldu. Stundum váru hús at gǫr. Hann segir, at þeir skyldi búask til ferðarinnar at kveldi dags.

Svá var mælt, at engi skyldi renna frá ǫðrum, engi skyldi ok eptir vera, þá er stýrimenn segði, at í brot skyldi. Þeir létu menn eptir at gæta skipa, en þeir gengu á land upp. Váru fyrst vellir sléttir, en þar næst mǫrk mikil. Þórir gekk fyrr en þeir bræðr, Karli ok Gunnsteinn.

Þórir bað menn fara hljóðsamliga: „ok hleypið af trjánum berki, svá at hvert tré sé frá ǫðru.“

И у Карли было огромное богатство, так что он купил много мехов.

А когда там закончилась торговля, тогда поплыли они прочь по реке Вине. Было тогда объявлено, что мир с местными жителями закончился. И когда они вышли в море, стали они держать совет. Торир спросил, не хотят ли люди сойти на берег и добыть себе добра. Люди ответили, что это было бы желательно, если бы только добыча была доступной.

Торир говорит, что добра можно будет добыть, если это путешествие пройдет удачно, — «но вполне возможно, что поездка окажется опасной для жизни».

Все сказали, что хотели бы предпринять [путешествие], если бы была надежда на добычу.

Торир говорит, что таков обычай, что, когда умирает богатый человек, [его] имущество должно быть поделено между умершим и его наследниками. Он должен получить половину или треть, а иногда — меньше. То имущество должно быть вынесено в лес, иногда — в курган, и присыпано землей. Иногда строятся домики. Он говорит, что к вечеру все должны быть готовы к этому путешествию.

Так было сказано, что все должны держаться вместе, никто не должен отставать от других, когда предводители скажут, что пора идти прочь. Они оставили людей охранять корабли и сошли на берег. Сначала были ровные долины, а затем — большие

Þeir kómu fram í rjóðr eitt mikit, en í rjóðrinu var skíðgarðr hár, hurð fyrir ok læst. Sex menn af landsmönnum skyldu vaka yfir skíðgarðinum hverja nótt, sinn þriðjung hverir tveir. Þá er þeir Þórir kómu til skíðgarðsins, váru vökumenn heim gengir, en þeir, er þar næst skyldu vaka, váru eigi komnir á vörðinn. Þórir gekk at skíðgarðinum ok krækði upp á ǫxinni, las sik upp eptir, fór svá inn um garðinn ǫðrum megin hliðsins. Hafði Karli þá ok komizk yfir garðinn ǫðrum megin hliðsins. Kómu þeir jafnsnimma til hurðarinnar, tóku þá frá slagbranda ok luku upp hurðina. Gengu menn þá inn í garðinn.

Mælti Þórir: „Í garði þessum er haugr, hrært allt saman gull ok silfr ok mold. Skulu menn þar til ráða. En í garðinum stendr goð Bjarma, er heitir Jómali. Verði engi svá djarfr, at hann ræni.“

Síðan ganga þeir á hauginn ok tóku fé, sem mest máttu þeir, ok báru í klæði sín. Fylgði þar mold mikil, sem ván var.

Síðan mælti Þórir, at menn skyldi í brot fara. Segir hann svá: “Nú skuluð þit bræðr, Karli ok Gunnsteinn, fyrstir fara, en ek mun síðast.”

Snöru þeir þá allir út til hliðsins. Þórir veik aptr til Jómala

lesa. Торир шел впереди тех братьев, Карли и Гуннстейна.

Торир попросил людей идти бесшумно «и сдирая с деревьев кору, [на таком расстоянии], чтобы одно такое дерево было видно от другого».

Они вышли на большую поляну, и на той поляне был высокий деревянный забор, с воротами в нем, которые были заперты. Шесть человек местных жителей должны были охранять каждую ночь этот забор, по два человека каждую треть ночи. Когда Торир и его люди подошли к забору, стражи ушли домой, а те, кто должны были бодрствовать вслед за ними, не пришли на свое дежурство. Торир подошел к забору и зацепился топором за его верх, подтянулся затем сам и так оказался внутри двора, по другую сторону ворот. Тогда и Карли перебрался через забор на другую сторону ворот. Они подошли одновременно к воротам, вынули тогда засов и открыли их. Люди тогда вошли вовнутрь.

Торир сказал: «В этом дворе есть курган, в нем перемешаны золото, серебро и земля. Надо пойти туда. А еще внутри ограды стоит бог бьярмов, который зовется Йомали. Пусть никто не осмеливается грабить его». Затем пошли они на курган и набрали столько богатства, сколько сумели, и несли, сложив в свои одежды. Много было [с сокровищами] земли, как и следовало ожидать.

Затем Торир сказал, что пора уходить. Он говорит так: «Теперь вам, братья,

ok tók silfrbolla, er stóð í knjám honum. Hann var fullr af silfrpenningum. Steypði hann silfrinu í kilting sína, en dró á hǫnd sér hǫddu, er yfir var bollanum, gekk þá út til hliðsins.

Þeir fǫrunautar vǫru þá komnir allir út ór skíðgarðinum, urðu þá varir við, at Þórir hafði eptir dvalizk. Karli hvarf aprt at leita hans, ok hittusk þeir fyrir innan hliðit. Sá Karli, at Þórir hafði þar silfrbollann. Síðan rann Karli at Jómalanum. Hann sá, at digrt men var á hálsi honum. Karli reiddi til øxina ok hjó í sundr tygilinn aptan á hálsinum, er menit var fest við. Varð hǫgg þat svá mikit, at hǫfuðit hraut af Jó mala. Varð þá brestr svá mikill, at ǫllum þeim þótti undr at. Tók Karli menit. Fóru þeir þá í brot.

En jafnskjótt sem brestrinn hafði orðit, kómu fram í rjóðrit varðmenninir ok blésu þegar í horn sín. Því næst heyrðu þeir lúðragang alla vega frá sér. Sóttu þeir þá fram at skóginum ok í skóginn, en heyrðu til rjóðrsins aprt óp ok kall. Vǫru þar Bjarnar komnir.

Þórir hundr gekk síðast allra manna liðs síns. Tveir menn gengu fyrir honum ok báru fyrir honum sekk. Þar var í því líkast sem aska. Þar tók Þórir í

Карли и Гуннстейн, следует идти первыми, а я пойду последним».

Повернули они тогда все прочь к воротам. Торир вернулся к Йомали и взял серебряную чашу, которая стояла у него на коленях. Она была полна серебряных монет. Он ссыпал серебро себе за пазуху, а чашу взял за ручку, которая была поверх нее, надел себе на руку и пошел затем прочь в сторону ворот.

Его попутчики уже все вышли за ограду, когда обнаружилось, что Торир отстал. Карли бросился назад, чтобы разыскать его, и столкнулись они в воротах. Карли увидел у Торира серебряную чашу. Тогда побежал Карли к Йомали. Он увидел, что у того на шее было драгоценное ожерелье. Карли схватил топор и разрубил на части замок сзади на шее, которым застегивалось ожерелье. Был тот удар столь силен, что у Йомали слетела голова. Был тогда такой сильный шум, что все они только подивились. Карли взял ожерелье. Отправились они тогда прочь.

Но как только раздался этот шум, пришли на поляну стражи и тотчас затрубили в рога. Вслед за тем они услышали звуки труб со всех сторон от себя. Они бросились в сторону леса, и углубились в лес, и услышали они с поляны позади себя шум и крик. Это пришли бьярмы.

Торир Собака шел последним из всех людей своего отряда. Два человека шли впереди него и несли перед ним мешок. В нем было что-то похо-

hendi sinni ok sœri því eptir í slóðina, stundum kastaði hann því fram yfir liðit, fóru svá fram ór skóginum á völlum. Þeir heyrðu, at herr Bjarma fór eptir þeim með kalli ok gaulun illiligri. Þustu þeir þá fram ór skóginum eptir þeim ok svá á tvær hliðar þeim, en hvergi kómu Bjarmar svá nær þeim eða vápn þeirra, at mein yrði at. En þat kœnnuðu þeir af, at Bjarmar sæi þá eigi.

En er þeir kómu til skipanna, þá gengu þeir Karli fyrstir á skip, því at þeir váru fremstir áðr, en Þórir var lengst á landinu. Þegar er þeir Karli kómsk á skip sitt, kœstuðu þeir tjoðlum af sér ok slógu festum. Síðan drógu þeir segl sitt upp. Gekk skipit brátt út á hafit.

En þeim Þóri tóksk allt seinna. Var skip þeira óauðráðnara. En er þeir tóku til segls, þá váru þeir Karli komnir langt undan landi. Sigldu þá hváirtveggju yfir Gandvík. Nótt var þá enn ljós. Sigldu þeir þá bæði nætr ok daga, allt til þess er þeir Karli lœgðu aftan dags at eyjum nœkkurum, lœgðu þar segl ok kœstuðu akkerum ok biðu þar straumfalls, því at rœst mikil var fyrir þeim.

Þá koma þeir Þórir eptir. Leggjask þeir ok um akkeri. [Джаксон 2012: 266–268].

жее на пепел. Торир брал это руками и посыпал этим следы, иногда он бросал это на свой отряд, так вышли они из леса в долину. Они услышали, что войско бьярмов преследовало с криками и злобным воем. Выбежали тогда бьярмы из леса с двух сторон от них, но нигде ни самим бьярмам, ни их оружиею не удалось приблизиться к ним настолько, чтобы причинить им вред. И тогда они поняли, что бьярмы их не видят.

А когда они подошли к кораблям, тогда Карли с людьми первыми взошли на корабль, потому что они шли впереди других, а Торир был далеко сзади на земле. Как только Карли и его люди взошли на свой корабль, они сняли шатры и отбросили швартовы. Затем они подняли свой парус. Корабль быстро поплыл в открытое море.

А Торир и его люди сильно отстали. Их кораблем было труднее управлять. И когда они подняли парус, тогда Карли и его люди были уже далеко от берега. Поплыли тогда и те, и другие по Гандвику. Ночи были тогда еще светлыми. Плыли они тогда ночь и день, пока Карли и его люди не пристали однажды вечером к какому-то острову, спустили там парус, и бросили якоря, и стали ждать там отлива, поскольку впереди них в море было сильное течение.

Тогда Торир и его люди нагнали их. Они тоже встали на якорь.

Перевод Т.Н. Джаксон
[Джаксон 2012: 277–279].

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ГЕРОЕВ ИСЛАНДСКИХ РОДОВЫХ САГ

- Адальстейн**, кюнинг Уэссекса Эдельстан, победитель битвы при Брунанбурге, «Сага о Магнусе Добром» **117**
- Алов**, жена Бьёрна Свободного, «Сага об Эгиле» **113**
- Альв Корабельщик**, брат королевы Гуннхильд 29, «Сага об Эгиле» **116**
- Альвир**, управитель на хозяйстве Торира, «Сага об Эгиле» **199 204**
- Альфред Великий**, кюнинг Уэссекса, первый объединитель Англии 89, 90, 93
- Амунди Слепой**, сын Хёскульда 63, 68, 95, «Сага о Ньяле» **164, 165, 166**
- Ари**, сын Ингимунда, «Сага об Исландцах» **124, 127, 132, 134**
- Аринбьёрн**, приближенный конунга Эйрика Кровавая Секира, друг Эгиля, сына Грима Лысого 25, «Сага об Эгиле» **112, 113, 115, 117**
- Арикель**, годи в Западной Исландии, сын Торольва Скрюченная Нога 60 63, «Сага о людях с Песчаного Берега» **140, 141 164**
- Асбьёрн**, отец Сурга, «Сага о Ньяле» **177**
- Асгерд**, дочь Бьёрна Свободного и Торы, жена Эгиля 25, «Сага об Эгиле» **113 115**
- Бальдр**, бог из асов в древнеисландской мифологии, чье невольное убийство Хёдом вызвало великую скорбь 82
- Бард**, отец Снорри, отца Халльдору, «Сага об Исландцах» **137**
- Бард**, управитель усадьбы конунга Эйрика Кровавая Секира на о. Атлей 75, «Сага об Эгиле» **200 204**
- Бауг**, побратим Кетили Лосося, «Сага об Эгиле» **119**
- Берг-Энунд**, приближенный конунга Эйрика Кровавая Секира 25, 26, «Сага об Эгиле» **112, 113, 115, 116, 136**
- Браги**, божество поэтического дара 80, «Сага о Хаконе Добром» **202**
- Бранд**, отец Эйрика, «Сага об Исландцах» **126**
- Брюньольв**, отец Бьёрна Свободного, «Сага об Эгиле» **113, 114**
- Бьёрн Свободный**, сын Брюньольва, отец Асгерд 25, «Сага об Эгиле» **113 115**
- Бьёрн**, сын Олава, деятельно участвовал в обороне хутора Гицура Мошкарное Болото в 1253 г., отважно бился, «Сага об Исландцах» **124, 126, 127, 132**
- Вигдис**, дочь Гисли, жена Офейга, мать Турид, жены Эйолва, организатора поджога усадьбы Гицура на Мошкарном Болоте, «Сага об Исландцах» **122**
- Гильс Ведун**, наемный убийца, убивший Ульвара 61, 62, «Сага о людях с Песчаного Берега» **147 149**

- Гицур Белый**, бывший влиятельный годи, один из 12 третейских судей, «Сага о Ньяле» **175 178**, «Сага о людях с Песчаного Берега» **197**
- Гицур Веселый**, «Сага об Исландцах» **126, 127, 129**
- Гицур**, сын Торвальда, муж Гроа, впоследствии первый исландский ярл, глава исландской патрилокальной расширенной семьи, потерял семью при сожжении кровниками своей усадьбы Мошкарное Болото 22 октября 1253 г., сам спасся 33, 34, «Сага об Исландцах» **122 124, 127 137**
- Грим Лысый**, зажиточный первопоселенец в Исландии, сын Квельдульва, отец Эгиля 24, 29, 58 «Сага об Эгиле» **120 122**
- Грис**, пас овец богатого первопоселенца Грима Лысого в горах в Между речье Гриса, «Сага об Эгиле» **122**
- Гроа**, жена Гицура, трагически погибшая 22 октября 1253 г. в сожженной усадьбе Гицура на Мошкарном Болоте, «Сага об исландцах» **123, 128 131, 136, 137**
- Гуннстейн**, брат Карли, участник плавания в Бьярмаланд около 1026 г. н.э. 91, «Сага об Олаве Святом» **214, 217, 218**
- Гуннхильд**, дочь Бьёрна Свободного и Алов, жена Берг Энунда, «Сага об Эгиле» **113**
- Гуннхильд**, жена конунга Эйрика Кровавая Секира 24, 25, 75, «Сага об Эгиле» **114, 116, 200, 201**
- Ива**, первая женщина в древнеисландской мифологии 89, «Прорицание вёльвы» **207**
- Ингибьёрг**, дочь Стурлы, тринадцатилетняя жена Халля, сына Гицура, сына Торвальда, «Сага об Исландцах» **123, 130, 131, 137**
- Ингимунд**, отец Ари, «Сага об Исландцах» **124, 126, 127**
- Ингольв**, первопоселенец в Исландии, «Сага об Эгиле» **119**
- Йон с Яра**, «Сага об Исландцах» **124 126, 128**
- Йон**, сын Халльдора, священник, «Сага об Исландцах» **133, 134**
- Кальв**, сын Бранда, «Сага об Исландцах» **136**
- Карли Халоголандец**, брат Гуннстейна, участник плавания в Бьярмаланд около 1026 г. н.э. 91, «Сага об Олаве Святом» **214 219**
- Квельдульв**, первопоселенец в Исландии, отец Торольва и Грима Лысого, дед Эгиля 29, «Сага об Эгиле» **118, 119, 126**
- Кетиль Дубильщик**, «Сага об Исландцах» **125, 132**
- Кетиль из Леса**, «Сага о Ньяле» **187**
- Кетиль Лосось** с Хравнисты, дед Кетиля Лосося по матери, «Сага об Эгиле» **118**
- Кетиль Лосось**, первопоселенец в Исландии, сын Торкеля, ярла наумудальского, и Хравнхильд, дочери Кетиля Лосося с Хравнисты, родич и друг Торольва, сына Квельдульва 29, «Сага об Эгиле» **118, 119**
- Кетильбьёрн**, сын Гицура, «Сага об Исландцах» **127, 132**

- Кольбейн Ус**, «Сага об Исландцах» **126 132, 134**
- Кольбейн**, отец Паля с Усадьбы, «Сага об Исландцах» **136**
- Кольбьёрн Отборщик**, «Сага об Исландцах» **125, 132**
- Лодур**, бог ас в древнеисландской мифологии, создатель, наряду с Одним и Хёниром, первых людей Ясения и Ивы, даровавший им тепло жизни и добрые цвета 80, «Прорицание вёльвы» **208**
- Магнус Добрый**, конунг Норвегии 28, «Сага о Магнусе Добром» **117**
- Магнус Хаконарсон**, король Норвегии в XIII в. 37
- Магнус**, епископ, «Сага об Исландцах» **130**
- Мар**, сын Халльварда, родич Снорри Годи, «Сага о людях с Песчаного Берега» **170**
- Мёрд**, сын Вальгарда, представлял сторону истца по делу об убийстве Хельги, сына Ньяля 58, 66, 67, «Сага о Ньяле» **183 190**
- Ньяль**, глава исландской патрилокальной расширенной семьи, сожженный в своем доме кровниками во главе с Флоси в начале XI в. н.э. 49, 50, 56, 64, 65 67 «Сага о Ньяле» **164, 166, 172, 175 177, 179 181, 185, 189, 190**
- Одд Бобыль**, посажен богатым исландским первопоселенцем Гримом Лысым у р. Глювры для ловли лососей, «Сага об Эгиле» **121**
- Одд Трепло**, один из поджигателей усадьбы Гицура, «Сага об Исландцах» **124**
- Один**, отец богов асов в древнеисландской мифологии, глава Вальгаллы зала павших воинов, бог войны, выбирающий мертвых и владеющий магией 78, 80, «Сага об Эгиле» **204**, «Сага о Хаконе Добром» **207**, «Прорицание вёльвы» **208**
- Офейг**, муж Вигдис, «Сага об Исландцах» **122**
- Офейг**, раб годи Арнкеля, «Сага о людях с Песчаного Берега» **159 161**
- Сам**, племянник Торбьёрна, «Сага о Хравнкеле годи Фрейра» 52, 53
- Сигмунд**, посажен богатым исландским первопоселенцем Гримом Лысым на Сигмундарстадир для ловли лососей, «Сага об Эгиле» **121**
- Сигтрюгг**, владел совместно с Халльвардом усадьбой на р. Гаутэльв, ограбленной и сожженной дружиной Торольва, «Сага об Эгиле» **213**
- Сигхват**, отец Стурлы 33, «Сага об Исландцах» **122**
- Скарпхедин**, сын Ньяля, «Сага о Ньяле» 67, **179 183**
- Снорри Годи**, сын Торгрима, знаменитый исландский годи конца X на чала XI в. 60 63, 78, «Сага о людях с Песчаного Берега» **143 146, 150 163, 167, 169 171, 197** «Сага о Ньяле» **177 179**
- Снорри**, сын Барда, отец Халльдоры, «Сага об Исландцах» **137**
- Снорри**, сын Стурлы, могущественный исландский хавдинг первой половины XIII в., отличавшийся коварством в борьбе за власть и малодушно принявший насильственную смерть, в то же время крупнейшая фигура в истории древнеисландской и всей древнегерманской литературы, ав

- тор «Младшей Эдды» и «Круга Земного» 39, 78, 82, 89, 91 «Сага об Исландцах» 132
- Стейнтор**, предводитель противостоящей Снорри Годи дружины в битве при Лебедином фьорде в 997 г. н.э. 56, 57, 63 «Сага о людях с Песчаного берега» 167 172
- Стурла**, сын Сигхвата, могущественный хавдинг из рода Стурлунгов, погибший в битве при дворах Эрлюга 21 августа 1238 г. 33, «Сага об Исландцах» 122, 129, 132, 137
- Стюр Убийца** (Víga Stytt), сын Торгрима, брат Вермунда 63, 64, 68, 95, «Сага о людях с Песчаного берега» 145, 157, 170
- Тор**, один из главных богов асов в древнеисландской мифологии, сын Одина, молотом поражает враждебных асам великанов йотунов или турсов и Мирового Змея 78 «Сага о людях с Песчаного берега» 144, 154, 205, «Сага об Эгиле» 203
- Тора Кружевная Рука**, сестра Торира, жена Бьёрна Свободного, мать Асгерд, жены Эгиля, «Сага об Эгиле» 114
- Торбранда сыновья**, жившие патрилокальной расширенной семьей на хуторе своего отца, убийцы годи Арнкеля 60 62, «Сага о людях с Песчаного Берега» 142, 146, 149, 150, 151, 158 160, 167
- Торбьёрн Нос**, участник обороны усадьбы Гицура Мошкарное Болото, «Сага об Исландцах» 124, 126, 128
- Торбьёрн**, отец Эйнара, убитого годи Хравнкелем, «Сага о Хравнкеле, годи Фрейра» 52
- Торбьёрн**, свидетель обвинения Флоси, «Сага о Ньяле» 185
- Торвальд**, отец Гицура 33, «Сага об Исландцах» 123, 124, 127, 129, 130, 133, 134, 136
- Торгейр**, брат Торда, подвергшийся в своей усадьбе грабительскому нападению дружины Торольва, «Сага об Эгиле» 213
- Торгейр**, сын Торира, вчинивший иск Флоси за сожжение Ньяля и убийство его сына Хельги, «Сага о Ньяле» 186, 189
- Торгильс Крикун**, «Сага об Эгиле» 213
- Торгильс Кузнец**, «Сага об Исландцах» 137
- Торд Дьякон**, «Сага об Исландцах» 124, 126, 135
- Торд Киса**, сын Снорри Годи, «Сага о людях с Песчаного Берега» 197, 199
- Торд Пучеглазый**, «Сага о людях с Песчаного Берега» 168
- Торд**, брат Торгейра, «Сага об Эгиле» 213
- Торд**, годи бога Фрейра, отец Флоси, «Сага о Ньяле» 173, 182, 184 189, 219, 220
- Торд**, из Аурланда, «Сага об Эгиле» 113
- Торд**, отец скальда Сигвата, «Сага о Магнусе Добром» 117
- Торир Деревянная Нога**, ходячий мертвец, «Сага о людях с Песчаного берега» 191, 192, 195, 196, 198

- Торир Собака**, организатор плавания в Бьярмаланд около 1026 г. н.э. 91, «Сага об Олаве Святом» **214 219**
- Торир Трума**, посланец и управляющий усадьбой конунга Харальда Пре красноволосого в Труме, «Сага об Эгиле» **212, 213**
- Торир**, отец Сварта, «Сага об Исландцах» **124**
- Торир**, отец Торгейра, «Сага о Ньяле» **186, 189**
- Торир**, херсир, брат Торы Кружевной Руки, дядя по матери Асгерд, жены Эгиля, «Сага об Эгиле» **114, 115, 199, 202, 228, 231, 235, 238**
- Торкель**, брат Гисли, «Сага о Гисли, сыне Кислого» **38**
- Торкель**, ярл Наумудаля, отец первопоселенца Кетиля Лосося, муж Храфн хильд, «Сага об Эгиле» **118**
- Торлейв Кимби**, сын Торбранда, убийца годи Арнкеля, бился в дружине Снорри Годи в битве при Лебедином фьорде в 997 г. н.э. 62, «Сага о людях с Песчаного берега» **151, 155 158, 162, 164, 168, 169**
- Торлейв Лепет**, «Сага об Исландцах» **130**
- Торрод**, племянник Стюра, «Сага о людях с Песчаного берега» **170**
- Торрод**, свидетель Мёрда по иску к Флоси, «Сага о Ньяле» **185**
- Торрод**, сын Снорри Годи, «Сага о людях с Песчаного берега» **169**
- Торрод**, сын Торбранда, «Сага о людях с Песчаного берега» **171**
- Торрод**, утопленник и ходячий мертвец в рассказе о чудесах на Вешей реке, «Сага о людях с Песчаного берега» **192 295, 197 199**
- Торольв Лудильщик**, «Сага об Исландцах» **133**
- Торольв Мострарская Борода**, первопоселенец, годи бога Тора в Западной Исландии 78, 89, 90, «Сага о людях с Песчаного берега» **243**
- Торольв Пивовар**, монах с Поперечной реки, «Сага об Исландцах» **125, 131**
- Торольв Скрюченная Нога** 60 63, «Сага о людях с Песчаного берега» **138 141, 143, 144, 145, 147, 149, 151 153**
- Торольв**, сын Квельдульва, брат Грима Лысого, дядя Эгиля, сборщик дани для конунга Харальда Прекрасноволосого в Северной Норвегии, впал в немилость и был убит по приказу конунга 24, 29, 90, 91, «Сага об Эгиле» **118, 205, 211 213**
- Торстейн Дылда**, сын Гудмунда, «Сага об Исландцах» **124 127, 131**
- Торстейн**, отец Эйольва поджигателя 34, «Сага об Исландцах» **141**
- Торстейн**, сын Скегги, героически оборонял усадьбу Гицура, заслонял собой Ислейва, сына Гицура, принимая на себя все раны, «Сага об Исландцах» **124, 126**
- Торхальв**, сын Асгрима 66, «Сага о Ньяле» **183**
- Турид**, дочь Стурлы, сына Сигхвата, и Вигдис, дочери Гисли, жена Эйольва, сына Торстейна, организатора поджога усадьбы Гицура на Мошкарном Болоте 22 октября 1253 г. 34, «Сага об Исландцах» **122**

- Турид**, хозяйка хутора на Вещей Реке, «Сага о людях с Песчаного берега» **193, 197, 199**
- Ульвар** с Ульваровой Горы, брат Эрлюга, вольноотпущенник 60 63, «Сага о людях с Песчаного берега» **138 142, 146 150**
- Флоси**, сын Торда, организатор сожжения Ньяля 49, 56, 64 67, «Сага о Ньяле» **172 174, 176, 177, 180 190**
- Фрейр**, бог плодородия и мужской силы в древнеисландской мифологии 13, 20, 51, 52, 64, 69, 80, «Сага о Ньяле» **173, 182**, «Книга о взятии земли» **190** «Сага о Хаконе Добром» **207**
- Хакон Добрый**, воспитанник Адальстейна (уэссекского кюнинга Эдельстана), конунг Норвегии 28, 75, 78, «Сага о Магнусе Добром» **117**, «Сага о Хаконе Добром» **206**
- Халль Рыжий**, «Сага о Ньяле» **176**
- Халль с Побережья**, третейский судья в деле об убийстве Хёскульда, приемного сына Ньяля, его сыновьями «Сага о Ньяле» **175, 176**
- Халль**, сын Гицура, сына Торвальда, умер от ран после нападения кровных врагов на усадьбу Гицура на Мошкарном Болоте 22 октября 1253 г., «Сага об Исландцах» **123, 124 126, 131, 132, 136**
- Халльвард**, владел совместно с Сигтрюггом усадьбой на р. Гаутэльв, ограбленной и сожженной дружиной Торольва «Сага об Эгиле» **213**
- Халльвард**, отец Мара, родича Снорри Годи, «Сага о людях с Песчаного берега» **170**
- Халльдор Рубленая Шея**, сын Эгмунда, «Сага об Исландцах» **125, 131**
- Халльдора**, дочь Снорри, сына Барда, «Сага об Исландцах» **137**
- Халльфрид Хугорская Кобылка**, «Сага об Исландцах» **135**
- Харальд Прекрасноволосый**, конунг Норвегии, первый объединитель страны 17, 24 26, 28, 29, 89, 90, 91, «Сага об Эгиле» **111, 118, 211, 212**
- Хаук**, «Сага о людях с Песчаного берега» 62, **154, 155, 158**
- Хёд**, бог в древнеисландской мифологии, слепой ас, нечаянно убивший Бальдра 82
- Хель**, богиня в древнеисландской мифологии, владычица царства мертвых 82, «Сага о Ньяле» **174**
- Хельги**, сын Ньяля, убитый Флоси при сожжении Ньяля 56, «Сага о Ньяле» **185, 189**
- Хёнир**, бог ас в древнеисландской мифологии, создатель, наряду с Одином и Лодуром, первых людей Ясеня и Ивы, даровавший им дух 80, 81, «Прорицание вёльвы» **207**
- Хёскульд**, воспитанник Ньяля, убит сыновьями Ньяля 64, 65, 98, «Сага о Ньяле» **174, 175, 178, 182, 210**
- Хёскульд**, годи Белого Мыса, «Сага о Ньяле», **166**
- Хильдигуд**, «Сага о Ньяле» 64, 68, 96, **172 174**

- Хильдирид сыновья**, «Сага об Эгиле» **118**
- Хравнкель**, годи Фрейра в Восточной Исландии 13, 20, 52, 53, 64, 69, 98
- Хравнхильд**, дочь Кетиля Лосося с Хравнисты, мать первопоселенца Кетиля Лосося, «Сага об Эгиле» **118**
- Храни**, наряду с Эйольвом, вождь отряда поджигателей усадьбы Гицура на Мошкарном Болоте 22 октября 1253 г., «Сага об Исландцах» **124, 126, 128, 134**
- Хроальд**, ярл конунга Харальда Прекрасноволосого, посаженный им в Фирдире, «Сага об Эгиле» **111**
- Хьёрлейв**, первопоселенец в Исландии, «Сага об Эгиле» **119**
- Эгиль**, брат Флоси, «Сага о Ньяле» **174**
- Эгиль**, сын Грима Лысого, величайший исландский скальд 24, 26, 28, 29, 39, 40, 75, 87, 90, 91, «Сага об Эгиле» **111, 120, 122, 199, 200, 202, 205, 211**
- Эгмунд**, отец Халльдора Рубленая Шея, «Сага об Исландцах» **125, 133**
- Эйвинд**, брат Сама, убитый Хравнкелем 52, 64
- Эйольв**, сын Бельверка, знаток законов из «Саги о Ньяле», выступавший на стороне ответчика Флоси 66, 67, «Сага о Ньяле» **184, 188**
- Эйольв**, сын Торстейна, муж Турид, дочери Стурлы, сына Сигхвата, организатор поджога усадьбы Гицура на Мошкарном Болоте и нападения на его семью 22 октября 1253 г. 34, «Сага об Исландцах» **122, 128, 133, 135**
- Эйрик Кровавая Секира**, конунг Норвегии, сын Харальда Прекрасноволосого 24, 25, 28 «Сага об Эгиле» **112, 114, 117, 200**
- Эйрик**, сын Бранда, «Сага об Исландцах» **126**
- Энунд**, «Сага об Исландцах» **136**
- Эрлог** со Двора Эрлога, брат Ульвара, вольноотпущенник 33, 60, 61, «Сага о людях с Песчаного берега» **146, 158, 160, 163**
- Ясень**, первый мужчина в древнеисландской мифологии 80, «Прорицание вёльвы» **207**

SUMMARY

The traditional culture of Ancient Scandinavia, as far as we know from written sources and archaeological data, was determined by mostly the traditional nature of the tribal society.

We know that the old Icelandic society was made up of patrilokal extended families, which governed relations between them by the customs of blood feud, provided compensation for the slain victim, descent group, as well as fostered care child as hostage-amanata and marriage (past usages are discussed in my book “Culture and society of the Viking Age Scandinavians”, Gubanov, 2004). The relationship of blood feuds do not create an atmosphere of total chaos, bloody war of all against all, there was the National Assembly-Ting, a collection of legally capable of armed men, which were important for the society, in particular, settled conflicts between rival tribal groups. Despite the fact that, as we can see, the judicial procedure for the Ting was a very important, battle took place here often hostile tribal groups. About all this detail tells the saga about Icelanders.

Based on the sagas can reveal characteristics of the custom of blood feud in ancient Icelandic society:

1. Revenge was the first, the sacred duty of the Norse Warrior. Sacral character of revenge perfectly illustrates the insight miracle with Amundi Blind (Njalssaga, Chapter. 106), to whom God has given sight for the sake of revenge for his father.

2. A debt of blood feud had priority over war duty, over the need to obey by the orders of the head of the leader of an armed detachment (for example, the murder of two people from his and hostile militia by Styr at the battle of Swan Fjord in Eyrbyggja, Cap. 44). Thus, the tradition of “horizontal” society relatives were stronger than the power of warlords, Scandinavian warriors even ignore their orders in the battle. It says about the weakness of the *chiefdom* trends in an ancient Scandinavian society.

3. Woman usually incited to revenge in sagas. She to revenge is the main role of the woman in the saga of Icelanders (as Hildiguð in *Njala*, Chapter 116). Probably this behavior of women reflected the social reality. Woman-she was protected by the law, it could not retaliate.

The Icelandic family sagas allow to reconstruct in detail the order of litigation at the Ting, common for the ancient Icelandic society:

1. First, the main party to litigation was pronounced the most important formulae, which until the Christianization of Iceland were given not on the Bible, but on the leader-priest's *Holy Ring* — on the *godi's* wrist bracelet (*Landnámabók* and *Brennu-Njáls saga*).

2. Often litigants groups relatives have delegated to the Thing of its influential allies in the College of arbitrators, comprising 12 persons (*Njala*, chapter 122–123). A panel of twelve had the power to make judgement on the case. Procedure of litigation on the Thing between kin of slain staff and between staff of the kin killer was carefully regulated. (*Njala*, Chapter 142).

3. The representative of the plaintiff twice, then the two witnesses charge explained it by the plaintiff. Following this preliminary decision in the case of the so-called «neighbors» (9 people, there were neighbors of murder place) took place. «Neighbors», first of all, should not be relatives of the claimant or dependent upon the prosecution. Otherwise, the Defense could request removal of Neighbours. The final decision took three dozen judges. The murderer, his relatives and supporters, i.e. the Defence, could demand to removal of these judges (*Njala*, Chapters 142–145).

4. More often at the Thing was awarded vergeld, which had to pay the killer and his relatives (12 *èjrirs* for slave (*þrel*), freeman's vergeld could reach several hundred *èjrirs*, as for *Høskuldr* in *Njala*). If the reconciliation of the warring groups of relatives to those conditions could not be achieved, the killer could be declared “forest man”, i.e. the exile in the forest, a man outside the law, property which had been confiscated and he himself could be killed by relatives of the slain (*Hravnkel Saga Freysgoða*, Chapter 13).

The value of well sagas for the understanding of the structure of the traditional society of the old Germanic people is huge. Other texts,

so full of archaic society depicting ancient Indo-European peoples, does not exist.

Reputable researchers are inclined to think that the feudal structure of society was actually imposed by the Scandinavian society in XI–XIV centuries, in the age of intensive contacts Scandinavia with Feudal continental Europe. Case Iceland. Iceland's Isolation from Feudal Europe, the persistence of the oral tradition of stories about ancestors, early scripture tradition, and traditions of the people's selfruling ("military democracy"), with the vitality of traditional society relatives are those factors which have given rise to the phenomenon of Old Norse literature—an inexhaustible source for the structure of society, psychology and religious representation of the ancient Germanic People.

Nucleas of *oðals* were dwelling long houses with skeleton-pillar design, with open fireplaces on the axle housing and serving as fest Hall. Sometimes they served as the temples, where *blótveizla* («feast of sacrificial blood») took place. There is the presence of an archaic vocabulary from poetic Edda in the name of religious objects (composites with ON *hlaut-*) attests to the historicity of the descriptions in the sagas *blótveizla* («feast of sacrificial blood»). It proves historical reality of this ritual. *Blótveizla* was the main religious event of the ancient Scandinavians.

The evolution of Norse ships from a Gokstad generic type to combat big Kings-Viking's *the long ships*, smaller long and narrow *shnekas* and to the freight trading *knorras* is well traceable in integrated mapping of archaeological findings and written sources.

Научное издание

Илья Борисович Губанов

**Исландские родовые саги как источник
по истории культуры и общества
Древней Скандинавии.
Исследование, тексты и переводы**

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор М. В. Банкович
Корректор Е. З. Чикадзе
Компьютерный макет Н. И. Пашковской

Подписано в печать 20.05.2016. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 12.
Тираж экз.

Отпечатано в Типографии «Арт-Экспресс»
199155 Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, к. 3, оф. 4, тел. 331-33-22
e-mail: zakaz@art-xpress.ru, www.art-xpress.ru

ISBN 978-5-88431-306-4

